

Пров. 1958

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

71

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

к 3(4)

ИИМК д.п.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

71

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор доктор историч. наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора канд. историч. наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев, Т. Г. Оболдуева
(отв. секретарь), *П. А. Раппопорт, Д. Б. Шелов, В. П. Шилов*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

В. В. СЕДОВ

КУРГАНЫ С ЯРУСНЫМИ ПОГРЕБЕНИЯМИ

Среди многочисленных курганных насыпей северной половины Восточно-Европейской равнины выделяются курганы с так называемыми ярусными труположениями. В отличие от обычных славянских курганов с труположениями, содержащих один, редко — два скелета на материке или несколько выше его, а иногда в грунтовых ямах, в насыпях этих курганов захоронено по нескольку покойников в два, три и более ярусов. Курганы с ярусными погребениями расположены или в одиночку, или небольшими самостоятельными группами. В виде исключения, они входят в состав могильников вместе с обычными курганами.

В южной части современной Великолукской области (с. Травино, бывш. Бельского уезда Смоленской губ.) небольшая группа курганов с ярусными погребениями была раскопана в 1882—1883 гг. К. А. Горбачевым (рис. 1)¹.

В первом из них открыто два скелета: один на материке, второй — в насыпи на высоте 0,65 м от основания насыпи. Второй курган высотой 1,5 м содержал 12 захоронений. Первые два скелета лежали на глубине 0,4 м от вершины насыпи, третий — на глубине 0,5 м, но не под ними, а с краю насыпи, далее на глубине 0,9 м еще три скелета, а на 1,05 м — один. Кроме того, в насыпи обнаружены остатки еще одного скелета, кости которого лежали в беспорядке. Девятый скелет открыт на 0,5 м ниже горизонта, десятый — на глубине 0,7 м и был ориентирован головой на север (ориентировка остальных погребений в отчете не отмечена). Следующий скелет обнаружен на глубине 0,9 м, и там же найдены остатки двенадцатого — череп, поставленный на шейное основание, и полуистлевшие кости скелета.

В третьем кургане высотой 2,3 м два скелета вскрыты в насыпи (один положен головой на север, ориентировка второго не указана) и пять — на материке. На различной глубине в четвертой насыпи открыто четыре скелета (два из них, кажется, были обращены головой на север, ориентировка остальных скелетов неизвестна). Никаких предметов ни при одном из погребенных не оказалось.

К ярусным относится и одиночный курган в урочище Чернобаевке близ г. Вязьмы, раскопанный В. И. Сизовым в 1894 г.² Высота кургана 2,1 м. Здесь несколько скелетов открыто в насыпи и один на материке. Ориентировка погребений в отчете не указана, вещей при скелетах не было.

¹ К. А. Горбачев. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губ. Известия ОЛЕАЭ, т. XLIX, вып. 4, М., 1887, стр. 349—353.

² Архив ИИМК. Дело Археологической комиссии № 55/1894, стр. 33.

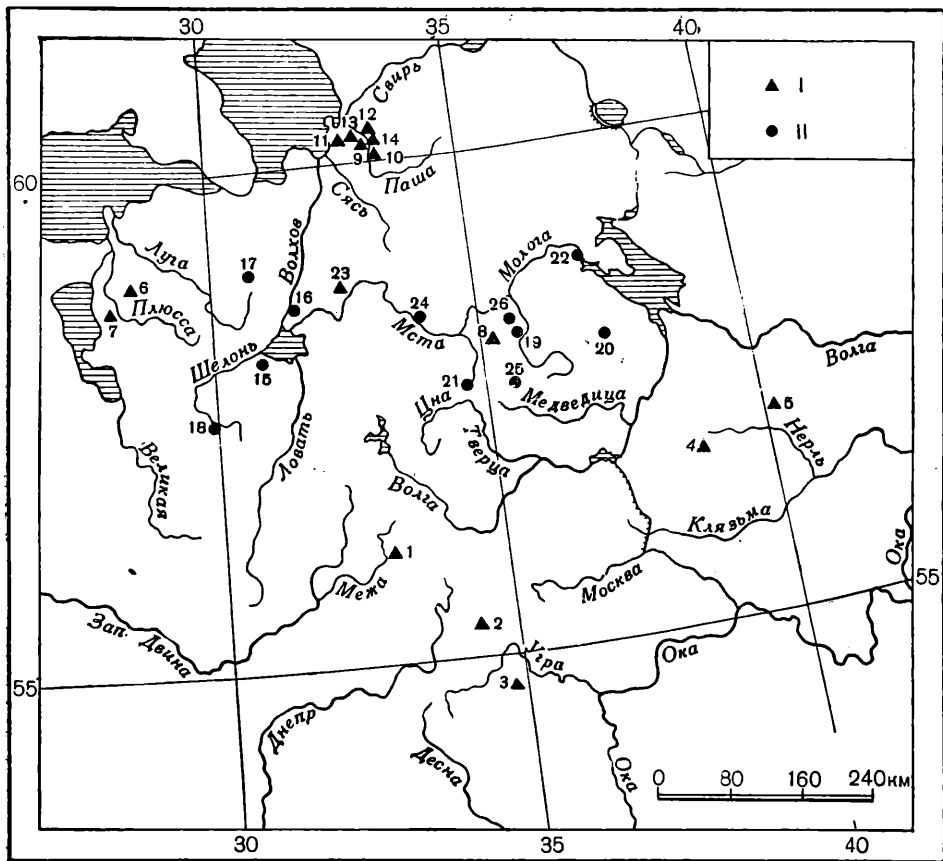

Рис. 1. Карта распространения курганов с ярусными погребениями. I — курганы с ярусными погребениями; II — сопки, в которых встречены труположения.

1 — с. Травиво (бассейн р. Межи, притока Западной Двины); 2 — ур. Чернобаевка (р. Вязьма, приток Днепра); 3 — д. Дубровка (р. Пополта, бассейн р. Угры); 4 — с. Весково (оз. Плещеево); 5 — д. Миславль (бассейн р. Неран Клязьменской); 6 — д. Хотил (бассейн р. Плюсс); 7 — д. Бакин Конец (восточное побережье Чудского озера); 8 — д. Абакумово (бассейн верхнего течения р. Мсты); 9 — с. Щуковщина (р. Паша); 10 — с. Леоново (р. Паша); 11 — д. Подберезье (Юго-восточное Приладожье); 12 — д. Новая (р. Паша); 13 — деревни Сязниги, Болдино и Б. Нововесь (р. Паша); 14 — д. Кирилло (р. Паша); 15 — с. Горцы (Приальемье); 16 — деревни Ушерска и Родивоново (р. Волхов); 17 — с. Тесово (бассейн р. Луги); 18 — д. Облаучье (р. Шелонь); 19 — д. Лукино (бассейн верхней Мологи); 20 — д. Боженьки (бассейн р. Мологи); 21 — д. Подшевелиха (верховья р. Мсты); 22 — д. Болачево (нижнее течение р. Мологи); 23 — д. Полящи (нижнее течение р. Мсты); 24 — д. Передки (среднее течение р. Мсты); 25 — д. Лежа (бассейн верхнего течения р. Мологи); 26 — д. Дворищи (р. Молога).

В одиночном кургане около д. Дубровка (Калужской обл., бассейн р. Угры), раскопанном Н. И. Булычевым, отмечено четыре яруса³: в верхнем находилось 10 погребенных. Череп одного из них был отделен от костей скелета и поставлен на шейное основание теменем вверх. Во втором — два плохо сохранившихся костяка. Здесь же найдены кости медведя и глиняный сосуд, наполненный глиной и углем. В третьем ярусе (немного выше материка) лежали два скелета, в четвертом (у подошвы насыпи в ее западной стороне) — остатки еще двух.

Несколько курганов с ярусными погребениями были раскопаны А. С. Уваровым в Ростово-Суздальской земле. В «Выписках из дневников

³ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 9—11.

1851—1854 гг.» таких курганов значится только два⁴. Первый — около с. Вельково (Ярославская обл.) стоял одиноко, в стороне от большой курганной группы с обычными труположениями. Высота насыпи — 3,5 м. При раскопках на глубине 1,75 м оказался первый ряд погребений — три скелета, около одного из них найден железный нож. Ниже на 0,4 м открыт второй ярус, состоявший из восьми погребений. Второго ярусный курган был раскопан А. С. Уваровым около д. Миславль (Ивановская обл.) в группе с курганами, заключавшими по одному захоронению; в этом кургане, высота которого достигала 3,5 м, открыто 18 несожженных скелетов и три кучки пережженных костей. В верхнем ярусе на глубине 0,5 м лежали четыре скелета, на глубине 0,9 м — слой пережженных костей, а ниже — семь скелетов, под которыми также находился слой жженных костей. Третий ярус состоял из семи труположений, а под ними на материке лежал слой жженных костей.

Среди четырехсот курганов, исследованных В. Н. Глазовым в бывш. Гдовском уезде (Псковская обл.), насыпей с ярусными погребениями раскопано три. Курганная группа у д. Хотил состояла всего из двух насыпей⁵. Одна из них (высотой 2 м) конической формы, в основании была обложена камнем. На вершине лежали три камня средней величины. Насыпь состояла из желтого песка с мелкими включениями золы и угля. Погребения были расположены в два яруса: на глубине 0,35 м — четыре, ориентированные головой на запад; ниже, на глубине 1,05 м от вершины, — шесть (той же ориентировки). При одном скелете найдены железное черешковое листовидное копье и железный нож, у другого — три браслетообразных сомкнутых височных кольца с пластинчатыми треугольными подвесками, одно браслетообразное загнутоконечное, височное кольцо и ожерелье из стеклянных посеребренных рубчатых и известковых бус; при третьем — три поясных кольца и два плосковыпуклых браслета. При остальных скелетах вещей не было. В полях этой насыпи открыто еще шесть скелетов, также без вещей. Рядом с курганом находился меньший, в котором открыт один скелет. На вершине насыпи лежало два камня.

Группа курганов около дер. Бакин Конец состояла из трех насыпей⁶. В первой (высотой 0,7 м) открыты следы ислевшего скелета. Во второй (высота ее 1,4 м), на глубине 0,35 м на тонкой золной прослойке, горизонтально прорезающей всю насыпь, открыто четыре скелета без вещей, а на материке шесть. На вершине насыпи лежал камень. Третий курган имел такое же устройство: в верхнем ярусе открыто шесть захоронений, на материке — восемь. При одном погребении найдены обломки многобусинного височного кольца — этнически определяющего височного украшения води⁷.

Курганы с ярусными погребениями при дер. Абакумово бывш. Вышневолоцкого уезда (Калининская обл.) располагались в одном могильнике с курганами с одиночными захоронениями. Два ярусных кургана здесь раскопаны Г. Ушаковым еще в 1844 г.⁸ В первом погребения были размещены в два яруса: три на глубине 1,4 м, три других — на 2,8 м. Во втором открыто шесть скелетов, обращенных головой на север, лежавших в два яруса по три в каждом. Тогда же было раскопано несколько курганов с одиночными труположениями, также ориентированными в северном направлении. Исследователь отмечает, что на вершинах ряда курганов

⁴ А. С. Уваров. Моряне и их быт. Труды I АС, т. 2, М., 1871, стр. 814, 816.

⁵ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, 29, СПб., 1903, стр. 80.

⁶ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 105—107.

⁷ В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. СА, XVIII, 1953, стр. 193—195.

⁸ С.-Петербургские ведомости, 1845, № 64.

были положены большие камни. Этот обычай наблюдался в описанных выше ярусных Гдовских курганах.

В 1883 г. раскопки на этом могильнике были продолжены Д. А. Воронцовым⁹. В пяти вскрытых им курганах было по одному скелету, положенному головой на север; шестой содержал пять скелетов с обратной ориентировкой (головой на юг). К сожалению, расположение этих пяти скелетов в насыпи в отчете не указано.

Курганы с погребениями в несколько ярусов широко известны в юго-восточном Приладожье (Ленинградская обл.). Н. Е. Бранденбург отмечает, что ярусное положение погребений встречено здесь в 22 из 59 раскопанных курганов с труположением¹⁰. Курганный могильник, расположенный на правом берегу р. Сязниги недалеко от с. Шуковщины, состоял из четырех насыпей и был раскопан целиком¹¹. Высота курганов от 1 м до 1,6 м. В основании всех насыпей находился слой пепла. В первом кургане открыто пять захоронений, расположенных в два яруса и ориентированных на юг. При скелетах найдены вещи — глиняные горшки, железный топор, перстнеобразные проволочные кольца, а в одном погребении — монеты XI в. и многочисленные украшения (витой браслет, пастовые бусы, бронзовая кольцеобразная пряжка, украшенная тремя звериными головками, на бронзовых цепочках к ней были подвешены три бубенчика и две привески в виде конька и гуся). Во втором кургане обнаружены остатки шести скелетов, лежавших в трех ярусах: в основании насыпи один (кости его находились в беспорядке), второй — чуть выше основания, третий — в 0,35 м выше основания. Здесь же встречены два черепа еще двух захоронений; шестой скелет лежал на высоте 0,9 м от основания кургана. При двух захоронениях найдены вещи. В третьем кургане все три скелета находились в основании насыпи (два — головой на юг, один — головой на восток). В четвертом кургане открыто два скелета в основании насыпи. Оба очень плохо сохранились. В насыпи, возможно, были еще захоронения (полностью истлевшие), так как здесь найдены отдельные вещи.

Другой приладожский могильник с ярусными захоронениями находился на правом берегу р. Паши выше с. Леоново. Он состоял из пяти насыпей, две из них были раскопаны Н. Е. Бранденбургом¹².

В обоих погребения располагались в несколько ярусов. В первом кургане открыто четыре скелета, положенных в разных ярусах с различной ориентировкой (юго-восток, юг, запад-юго-запад). В другом в шести ярусах открыто шесть захоронений, тоже с различной ориентировкой (запад, север, юго-юго-восток, юго-восток, два — неизвестно).

Третий могильник у д. Подбережье, на правом берегу р. Воронег, состоял из трех курганов, из которых Н. Е. Бранденбургом раскопано два¹³. В обоих скелеты лежали в два яруса. В первом открыто девять скелетов (два ориентированы головой на юг, пять — на запад, один — на запад-юго-запад и один — на юго-запад), во втором — десять скелетов (восемь обращены головой на юг, один — на запад и один — на северо-северо-запад) и два отдельных черепа. В первом кургане при одном скелете найдены топор, нож, оселок и глиняный горшок, при другом — бронзовая кольцеобразная пряжка, два ножа, кресало, оселок, топор и горшок. Остальные — без вещей. Как видно, приладожские курганы с ярусными

⁹ А. К. Жизневский. О раскопках курганов Тверской губ. в 1882—83 гг. Известия ОЛЕАЭ, т. XLIX, вып. 5, М., 1890, стр. 501—503; его же. Сокращенная карта курганов и находок каменного века в Тверской губ. с объяснительной статьей. — Там же, стр. 687—688.

¹⁰ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 148.

¹¹ Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., стр. 110—112.

¹² Там же, стр. 126—128.

¹³ Там же, стр. 132—133.

захоронениями ничем не отличаются от подобных, известных в других областях Восточной Европы (см. таблицу).

К этому же типу погребального обряда нужно отнести и использование для захоронения несожженных умерших некоторых новгородских сопок. Может быть, некоторые из них впоследствии окажутся не сопками ильменских словен, а курганами с ярусными труположениями. Так, в сопке у д. Передки на различной глубине открыто 17 скелетов¹⁴. В 70-х годах прошлого столетия в Приильменье несколько крупных насыпей было раскопано Н. Г. Богословским (исследователь называет их сопками)¹⁵. Подробности их устройства и детали погребального обряда остались не выясненными, но во всех насыпях (с. Горцы, дер. Ушерска, дер. Родивоново, с. Тесово, Новгородская обл.) были открыты скелеты. По сообщению Н. Г. Богословского, кости находились в беспорядочном положении, никаких вещей не оказалось.

Скелеты в сопках отмечены и другими исследователями¹⁶.

Несмотря на значительную разбросанность курганов с ярусными погребениями, их довольно однородный характер позволяет полагать, что все они оставлены этнически родственными населением. Что касается даты захоронений, то немногочисленные вещи, обнаруженные при некоторых скелетах, в том числе монетные находки, а также нахождение отдельных курганов с ярусными труположениями в могильниках совместно с курганными насыпями с одиночными захоронениями позволяют считать, что погребения и в тех и в других одновременны, т. е. отнести курганы с ярусными труположениями к XI—XIV вв. У нас нет никаких возражений против такой датировки. Ряд признаков позволяет считать, что ярусные курганы принадлежат финскому населению Восточной Европы.

Большинство погребений в ярусных курганах имеет северную или южную ориентировку и очень редко западную или восточную; в славянских же курганах, наоборот, преобладает западная. В некоторых сравнительно редких случаях встречаются славянские курганы с погребениями, положенными головой на восток. Что касается ориентировки на север или юг, то оно неизвестно в курганах приднепровских славянских племен, в том числе смоленских кривичей, и как редчайшее исключение встречается в области расселения северных восточно-славянских племен, да и то только в тех местах, где можно предполагать наличие финского населения. Так, среди курганных погребений юго-восточного Приладжья, исследованных Н. Е. Бранденбургом, преобладают погребения с южной ориентировкой¹⁷. Почти все погребения в подкурганных срубах в южной Карелии, приписываемые кореле, были ориентированы головой на север или на юг¹⁸. Северная (реже — южная) ориентировка погребенных встречается в курганах бывш. Вельегонского и Вышневолоцкого уездов¹⁹, в курганах

¹⁴ Н. К. Рерих. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 40—41.

¹⁵ Отчет о раскопках Н. Г. Богословского. Известия ОЛЕАЭ, т. XXXI, М., 1878—1879, стр. 205—206.

¹⁶ Около д. Облучье (Н. Окулич-Казарин. Материалы для археологической карты Псковской губ. Труды Псковского археологического общ-ва, вып. 10, Псков, 1914, стр. 219); дер. Лежа и дер. Лукино (В. А. Плетьев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 358 и 486—487); Дворищи и Боженки (А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, т. IX, вып. 1—2, СПб., 1897, стр. 280 и 281); Подшевелиха (И. И. Тихомиров. Поездка на р. Мсту. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 5) и др.

¹⁷ Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., стр. 20.

¹⁸ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладжье. Известия ГАИМК, вып. 94, М.—Л., 1934, стр. 11 и след.

¹⁹ Курганы у дер. Абакумово, названные выше; курганы у прих. Сарагожского (С.-Петербургские ведомости, 1944 г., № 284).

Т а б л и ц а

Название курганного могильника	№№ курганов	Автор раскопок	Колич. погребений	Колич. ярусов	Ориентировка погребений	Этнически-определяющий материал и монеты		
						шумящие при- вески равные	много- бусинные височные кольца	монеты (век)
с. Травино бывш. Бельского уезда	1	К. А. Горбачев	2	2	?	—	—	—
	2		12	7	один — север, остальные — ?	—	—	—
	3		7	2	один — север, остальные — ?	—	—	—
	4		4	4	два — север, остальные — ?	—	—	—
ур. Чернобаевка, близ г. Вязьмы	1	В. И. Сизов	?	2	?	—	—	—
	1	Н. И. Бульчов	10	4	?	—	—	—
с. Вельско Переяславского р-на	1	А. С. Уваров	11	2	?	—	—	—
	1	А. С. Уваров	18	3	?	—	—	—
д. Миславль Тейковского р-на	1	В. Н. Глазов	16	3	Запад	—	—	—
	2	В. Н. Глазов	10	2		—	1	—
д. Бакин Конец бывш. Гдовского уезда	3	В. Н. Глазов	14	2		—	—	—
	1	Г. Ушаков	6	2	?	—	—	—
д. Абакумово бывш. Вышневолоцкого уезда	2	Г. Ушаков	6	2	все — север	—	—	—
	1	Н. К. Рерих	5	3	один — восток, остальные — сия	—	1	XI в.
с. Болдино, Юго-вост. Приладонье	21	Н. Е. Бранденбург	3	2	один — юг — юго-восток, остальные — ?	—	—	XI в.
	25	"	3	3	один — юго-восток, осталь- ные — ?	—	—	XI в.
д. Новая	26	"	3	3	один — запад, остальные — ?	—	—	—
	29	"	5	3	два — юг, один — север, остальные — ?	—	—	XI в.
с. Большая Нововесь	34	"	3	2	один — юг, остальные — ?	—	—	—

Т а б л и ц а (продолжение)

Название курганного могильника	№№ курганов	Автор раскопок	Колич. погребений	Колич. ярусов	Ориентировка погребений	Этнически-определяющий материал и монеты		
						шумице при-вески разное	много-бусиные височные кольца	монеты (век)
В 1 км выше д. Слязиги	47	Н. Е. Бранденбург	5	3	два — юг, один — север, остальные — ?	1	—	XI в.
	51	"	3	2	два — восток, остальные — ?	—	—	—
	54	"	5	2	три — юг, остальные — ?	1 (МАР—18, рис. 14)	—	XI в.
В 0,75 км выше с. Шуковщины	55	"	6	3	два — восток, один — запад, остальные — ?	—	—	XI в.
	90	"	4	2	один — юг, один — восток, один — восток-северо-восток, один — ?	—	—	X в.
	91	"	3	2	один — юг, один — запад и ?	1 (МАР—18, табл. III, а)	—	XI в.
д. Костино	93	"	3	2	один — юг, остальные — ?	—	—	XI в.
	99	"	4	2	все — запад	—	—	—
	122	"	9	2	два — юг, пять — запад и юго-западо-запад и юго-запад по одному	—	—	—
Выше с. Леоново	123	"	10	2	восемь — юг, запад и север-северо-запад	—	—	—
	111	"	4	4	по одному юго-восток и юго-юго-запад	—	—	—
	112	"	6	6	по одному север, юго-юго-восток, юго-восток, запад, остальные — ?	—	—	—

и жальниках Гдовского²⁰, в некоторых Владимирских курганах, исследованных А. С. Уваровым²¹ и раскопанных Н. И. Булычовым в бассейне р. Угры²². В области расселения вятичей известно только три курганных погребения с северной ориентировкой и два — с южной²³. Все они расположены на окраинах территории расселения вятичей.

Нахождение курганов с северной (или южной) ориентировкой погребенных на окраинах славянских земель, в пограничье славянского населения с финским, позволяет думать, что такая ориентировка связана с финским населением Восточной Европы. О характерности этой черты обряда для финских племен Восточной Европы очень убедительно свидетельствуют материалы финских могильников Среднего Поволжья. Так, в Подболотьевском могильнике преобладают труположения головой на север (из 126 прослеженных случаев в 103 ориентировка на север, в 4 — на юг, в 5 — на восток и в 14 — на запад). Исследователь могильника В. А. Городцов отмечает, что северную ориентировку имели и погребения животных²⁴. Что касается небольшого числа погребений с западной ориентировкой, то В. А. Городцов вполне справедливо видит в этом славянское влияние²⁵. В Борковском, Кузьминском и Максимовском могильниках также в основном скелеты лежали головой на север²⁶. Большинство погребений Малышевского могильника также ориентировано головой на север или на юг, иногда с некоторым отклонением к западу или к востоку²⁷.

В двух случаях в курганах с ярусными захоронениями (у дер. Дубровка в бассейне р. Угры и около с. Травино бывш. Бельского уезда) черепа погребенных были отделены от остальных костей и поставлены на шейное основание. Подобный обряд встречен и в погребениях № 52 и 77 Малышевского могильника²⁸, что также указывает на определенную связь между курганами с ярусными труположениями и финскими могильниками Среднего Поволжья.

Погребальный инвентарь в курганах с ярусными погребениями не богат. Типично славянских украшений (славянских височных колец, лунниц, рубчатых перстней, стеклянных позолоченных боченкообразных и цилиндрических бус и др.) в них не встречено, как и в курганах с одиночными погребениями, обращенными головой на север или на юг. Зато в приладожских ярусных курганах найдены шумящие привески. В других случаях дважды встречены водские многобусинные височные украшения²⁹. Таким образом, и немногочисленные находки указывают на финскую принадлежность погребенных в ярусных курганах.

²⁰ Курган 380 при д. Верхоляны (А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903); курган у с. Осьмино, грунтовые погребения (жальгики) у д. Дворец, им. Колодня и пустоши Морозовицы (Г. Р. Шмидт. Курганы и могилы Шелонской пятины Новгородской земли. Известия ОЛЕАЭ, т. XIX, вып. 5, М., 1890, стр. 617—618 и Г. Р. Шмидт. Курганы С.-Петербургской губ. Там же, стр. 521—522).

²¹ А. С. Уваров. Указ. соч. (курганы при Вепревой Пустыни, Буково, Старово, Городище, Семеновское и Васильково).

²² Н. И. Булычов. Указ. соч. (курганы при Богоявленье, Доброселье, Коханы, Марфишке и Синьгово, стр. 32, 43, 51—52, 54 и 75).

²³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 108.

²⁴ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. Труды МАО, т. 24, М., 1914, стр. 54.

²⁵ Там же, стр. 56.

²⁶ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 44 и др.

²⁷ А. Ф. Дубынин. Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 91—96.

²⁸ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., стр. 93.

²⁹ В кургане около д. Бакин Конец уже названном выше, и в Новгородской обл. при скелете из ярусного кургана около с. Полищи (Крестецкий р-н) (Н. К. Рерих. Указ. соч., стр. 27—28).

В числе краниологического материала, почти не сохранившегося, известны только черепа из курганов с ярусными погребениями у с. Травино³⁰ и из раскопанных Н. Г. Богословским в бывш. Новгородском уезде³¹. И те и другие черепа относятся к урало-лапоноидной группе антропологических типов, которая повсюду связывается с финским населением Восточной Европы³².

Все данные — ориентировка, некоторые детали погребального обряда, вещи и краниологические материалы — указывают на финскую принадлежность погребенных в ярусных курганах. Распространение этих курганов по обширной территории не позволяет связывать их с каким-либо одним из племен — водью, весью или мерей. По-видимому, они оставлены в разных местах северной половины Восточной Европы различными финскими племенами.

Исследователи ярусных курганов не отмечают, каким образом совершались захоронения. Нужно полагать, что большинство погребений — впускные в уже существовавшие насыпи. В связи с этим интересна постановка вопроса о происхождении обряда погребения в таких курганах: в XI—XIV вв., к которым они относятся, финское население средней полосы Восточной Европы подверглось уже сильной славянизации, в том числе восприняло славянский курганный погребальный обряд. В это же время среди многочисленных славянских поселений в северной половине Восточной Европы существовали немногочисленные островки финского населения, не подвергшегося славянизации, следами которых и являются курганы с ярусными погребениями (юго-восточное Приладожье, где таких курганов много, является исключением). До погребения в курганах это население, видимо, хоронило умерших в грунтовых могильниках. Под славянским влиянием для погребений стали использоваться старые насыпи (погребения в сопках) или создаваться новые, причем захоронения совершались так же, как это ранее делалось в бескурганных могильниках.

Курганы с ярусными труположениями можно рассматривать как переходную стадию от погребений в грунтовых бескурганных могильниках к курганным захоронениям славянского типа.

---

³⁰ Т. А. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. — СЭ, 1946, № 1, стр. 106.

³¹ Н. Н. Чебоксаров. Ильменские проозеры. — Труды Института этнографии, т. 1, М.—Л., 1947, стр. 264—265 (с. Горцы).

³² Так же черепа из водского курганного могильника у д. Новосиверской и из водских погребений, исследованных по берегам реки Плюссы Г. Р. Шмидтом (Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 264—265), черепа из раскопок В. И. Равдоникаса в южном Приладожье курганов веси (Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 265). В Среднем Поволжье черепа урало-лапоноидной группы связываются исследователями с летописной мерей и муромой (Т. А. Трофимова. Указ. соч., стр. 123).

П. А. РАППОРТ

УКРЕПЛЕНИЯ РАННЕМОСКОВСКИХ ГОРОДИЩ

Выяснение плановой структуры укреплений, типичной для городищ того или иного исторического периода, важно прежде всего потому, что она характеризует определенный период в развитии военно-инженерного искусства.

Изучение раннемосковских городищ, т. е. относящихся к XIV—XV вв., лишь в самые последние годы привлекло внимание археологов. До сих пор большинство таких городищ не было изучено, типы планировки не выявлены. Между тем, даже самое предварительное обследование среднерусских городищ XIV—XV вв. показывает поразительную близость в принципах решения общей плановой схемы. Это положение может быть подтверждено на примере памятников Калужской области, обследованных нами в 1955 г.¹

Примером типичного планового решения может служить городище в г. Малоарославце, расположенное на высоком правом берегу р. Лужи между двумя оврагами (рис. 2—1). С напольной стороны оно отделено от плато очень широким рвом, по-видимому, представляющим собой подрезанный естественный овраг. По краю напольной стороны проходит вал, узкий к концам и сильно расширяющийся к середине. Основная площадка городища невелика (около 85 × 50 м), однако к ней со стороны реки примыкает вторая, более низкая, резко понижающаяся к западу, составляющая как бы террасу между основной площадкой и берегом реки. Высота городища над уровнем реки — около 20 м. Заложённые шурфы показали, что культурный слой залегает лишь на основной площадке; на пониженной террасе обнаружены незначительные культурные остатки, очевидно смытые сверху, с основной площадки. Все обнаруженные материалы относятся к одному времени — к XIV—XV вв., и лишь несколько фрагментов лепной керамики свидетельствует о наличии здесь жизни в другой, более ранний период.

Время основания укрепленного поселения в Малоарославце может быть уточнено по письменным источникам. Город Ярославль впервые упомянут в духовной грамоте князя Владимира Андреевича, относящейся к 1401—1402 гг.² Наиболее вероятно, что город основан в конце XIV в. и назван в честь рождения в 1388 г. сына Владимира Андреевича — князя

¹ В обследовании городищ Калужской области автору помогали В. Ломанов и В. Протасов (Ленинград), а также работник Калужского обкома КПСС И. Е. Протченко.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 46—47.

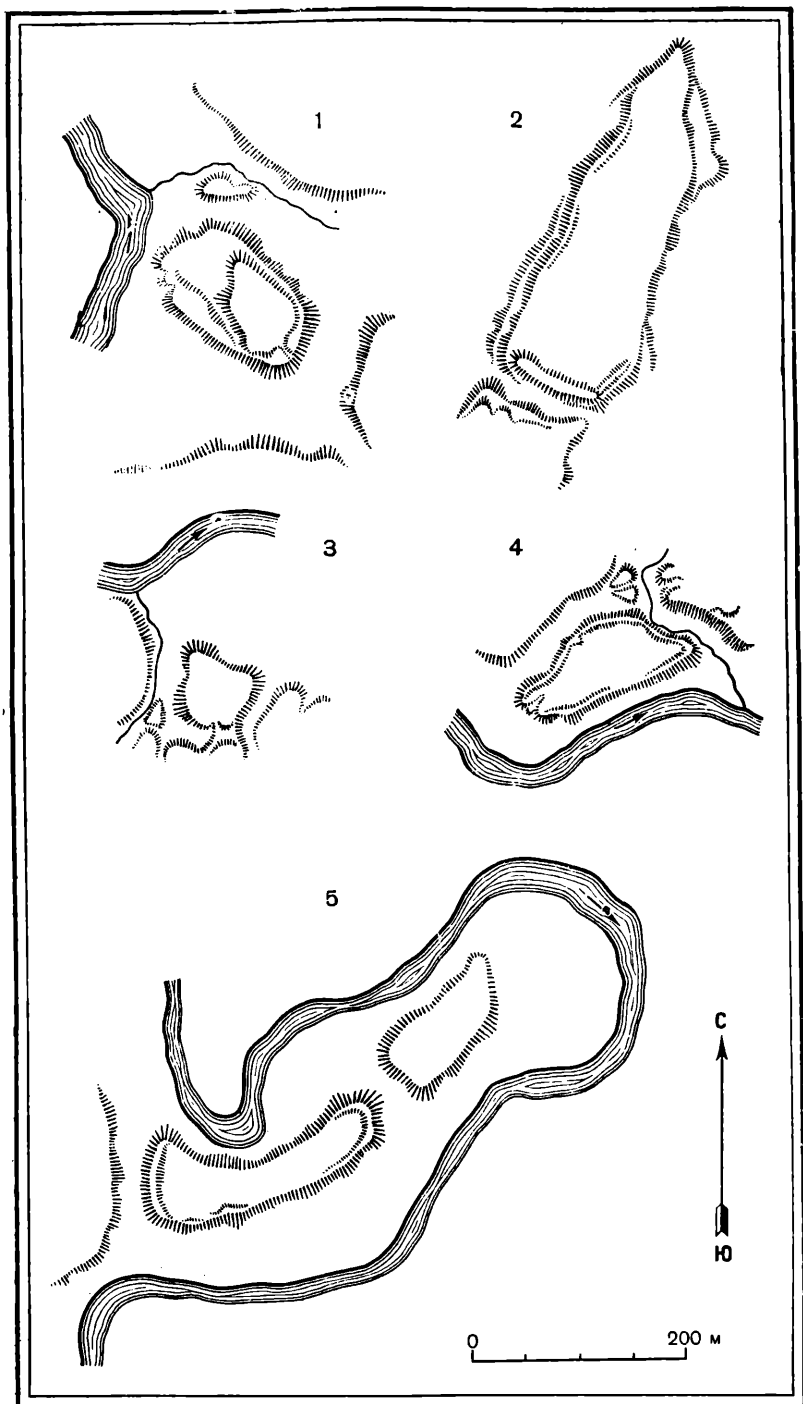

Рис. 2. Планы раннемосковских городищ.

1 — Малый Ярославец; 2 — Любутск; 3 — Оболенск; 4 — Кременск; 5 — Ворозыньск.

Ярослава, которому он и завещан в этой духовной грамоте. Позднее город стал называться Ярославец, а еще позднее Малый Ярославец³.

Схема плана городища в Малоярославце очень проста — это мыс, отрезанный от берегового плато широким рвом и укрепленный валом только с напольной стороны. Аналогичную схему укреплений можно отметить и на многих других городищах XIV—XV вв. В некоторых случаях укрепления на них мощные и значительных размеров — таковы, например, остатки древнего г. Любутска близ с. Троицкое Дугнинского района⁴. Городище имеет в длину около 320 м при наибольшей ширине до 105 м и расположено на длинном мысу, возвышающемся примерно на 30 м над поймой р. Оки (рис. 2—2). С запада оно ограничено пойменной долиной р. Оки, с востока оврагом, по дну которого протекает речка Любуча, с юга отрезано от плато рвом и мощным валом, поднимающимся на 4,5 м над уровнем площадки и примерно на 7 м над дном рва. По западному и в южной части восточного края площадки заметны слабые следы вала. Сама площадка в южной половине горизонтальная, в северной наблюдается уклон к концу мыса.

Материал, обнаруженный на Любутском городище, целиком относится к XIV—XVI вв., что хорошо согласуется с письменными источниками, в которых Любутск впервые упомянут в 1372 г.

Таковую же плановую структуру имеют и некоторые очень небольшие укрепленные пункты со слабыми оборонительными сооружениями, как, например, городище в с. Оболенском — остатки г. Оболенска⁵. Оно расположено на правом берегу р. Протвы и возвышается над уровнем реки на 8—9 м, и с двух сторон ограничено оврагами, а с напольной стороны заметны следы оплывшего рва (рис. 2—3). Вала не сохранилось, но напольная сторона несколько приподнята и свидетельствует о том, что некогда здесь, по-видимому, проходил вал. Размер площадки — 65 × 70 м. Собранный материал — русская гончарная керамика — относится в основном к послемонгольскому времени. В письменных источниках г. Оболенск упоминается с 1368 г.⁶

³ Некоторые исследователи высказали предположение, что упоминаемый в духовной грамоте Ярославль не тождественен с Малоярославцем, поскольку он назван в данном документе рядом с Хотульню, расположенной достаточно далеко от современного Малоярославца. (См., напр., М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки, 40, стр. 250). Однако такое объяснение неубедительно, поскольку некоторые населенные пункты, упоминаемые в духовной, расположены совершенно отдельно от тех волостей, к которым они относились, и упомянуты они не по принципу географической близости. Также мало убедительно отождествление с Малоярославцем г. Лужи. (Об отличии этих двух пунктов см. В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей, как исторический источник. ЗОРСА, т. VI, СПб., 1903, стр. 9 и 12). Где находился г. Лужа, пока определить не удалось. Расположенные вдоль течения р. Лужи городища у с. Панское и у с. Лужное оказались относящимися к гораздо более древнему времени; основные находки здесь — грубая лепная керамика.

⁴ В урочище Любутское близ с. Троицкое (Калужская область) находится второе, меньшее городище, относящееся, по-видимому, к несколько более древнему времени, т. е. кроме керамики XIV—XV вв. здесь найдены фрагменты, относящиеся к XII—XIII вв. По истории Любутска см.: Н. Самосатский. Историко-археологические материалы о бывшем городе Любутске. Известия Калужской ученой архивной комиссии, № 2, Калуга, 1892, стр. 132; В. Кашкаров. Село Любучское, там же, № 5—6, Калуга, 1898, стр. 4.

⁵ Село Оболенское Высокининского района Калужской обл. Городище находится в самом селе и занято кладбищем. В окрестностях с. Оболенского имеются еще два городища — «Курган» в сторону с. Колышева, датированное, возможно, IX—X вв. и у дер. Тиньково, относящееся к деснинской культуре.

⁶ Московский летописный свод конца XV в. ПСРА, т. 25, М.—Л., 1949, стр. 185. По-видимому, в течение некоторого времени на рубеже XIV и XV вв. город этот был подчинен Литве, поскольку в «Списке русских городов» он упоминается дважды — среди Смоленских городов и среди Литвских. (Исторические записки, 40, стр. 240 и 242). В договоре конца XV в. Оболенск отнесен к русским городам, а не к литовским. (Духовные и договорные грамоты... стр. 330).

Все три перечисленные города — Ярославец, Любутск и Оболенск — возникли еще в XIV в. Однако подобный тип плановой структуры укреплений был, видимо, характерен и для XV в., во всяком случае для его первой половины. Так, очень близка к описанным схема планировки городища, являющегося остатками г. Кременца или Кременска⁷, расположенного на скалистом мысу при слиянии ручья с р. Лужей (рис. 2—4). Высота площадки над уровнем реки около 10 м. От берегового плато городище огрешено широким рвом. По краю площадки, по всему ее периметру проходит вал. Со стороны реки высота его всего около 0,5 м, с напольной стороны — 2 м, а со стороны ручья почти 3 м. В средней части напольной стороны в валу был проход. Площадка городища ровная, размеры приблизительно 150 × 60 м.

В письменных источниках город Кременск начинает упоминаться с 80-х гг. XV в.⁸ Обследование показало, что собранный здесь материал действительно относится к XV—XVI вв. и, следовательно, основание Кременска можно относить к XV в.

Плановая схема описанных городищ, повторяющая с незначительными изменениями один и тот же прием расположения укреплений на местности, отмечена и еще в целом ряде городищ XIV—XV вв. К такому типу относятся остатки городов Радонежа, Вышегорода на Протве, Вышегорода на Яхроме, Рузы и др.⁹ Для всех этих городищ характерна связь с естественным рельефом местности. С трех сторон они хорошо защищены глубокими и широкими оврагами или крутыми берегами рек, и лишь с напольной сооружалась искусственная преграда — ров, обычно очень широкий, и вал. В отдельных случаях вал проходит и с других сторон площадки, иногда даже по всему ее периметру. Объяснение причин, почему подавляющее большинство укрепленных поселений XIV—XV вв. имеет такую плановую структуру, можно найти в тактике обороны; такая схема укреплений лучше всего соответствует тактическим принципам, характерным для XIV—XV вв.¹⁰

Основным методом захвата укрепленных пунктов в это время был штурм, поддерживаемый камнеметными машинами, поэтому совершенно естественно, что укрепления старались расположить так, чтобы большая часть их периметра была обезопасена от действия этих машин. Небольшая дальность действия камнеметов заставляла устанавливать их на близком расстоянии от стен крепости. Река, овраг или другая преграда полностью исключали возможность действия с их стороны, следовательно, штурм можно было ожидать лишь с напольной стороны, где искусственные средства обороны делались поэтому более мощными — здесь располагали башни, стену ставили на высоком земляном валу и т. д.¹¹

Однако встречаются городища, относящиеся к XIV—XV вв., но несколько иной плановой структуры. Примером этому может служить

⁷ В с. Кременское Медынского района Калужской обл. Описание городища см.: Калужские губ. ведомости 1849 г., часть неофициальная, № 43—44; М. В. Спафарьев. Кременское городище. Журнал Министерства внутренних дел, 1850, июль, кн. 7, ч. 31, стр. 408; Отчет о деятельности Калужской ученой архивной комиссии за 1901 г. Известия Калужской ученой архивной комиссии, 1902, вып. 6, Калуга, 1903, стр. 14.

⁸ Моск. лет. свод..., стр. 327, 328. Упоминаемая в духовной Калиты Кремишна, названная между Звенигородом и Рузой, — несомненно не имеет никакого отношения к Кременску.

⁹ П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, 62, 1956.

¹⁰ П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. КСИИМК, 59, 1955, стр. 25.

¹¹ На основании изучения сохранившихся каменных крепостей Новгородской и Псковской земель, относящихся к XIV—XV вв., такая «односторонняя» организация обороны была убедительно показана В. В. Косточкиным. См., напр., В. В. Косточкин. Оборонительные системы русских крепостей XIV—начала XV вв. СА, 1957, № 1, стр. 132.

городище в с. Воротынске, расположенное на правом берегу р. Выссы, в крутой петле этой реки (рис. 2—5)¹². С напольной стороны оно отделено от берегового плато широким рвом и валом высотой около 3 м. Однако, в отличие от всех перечисленных ранее пунктов, вторая линия вала и рва отрезает площадку также и от понижающегося конца мыса. Площадка узкая, сильно вытянутая (ее размеры 200 × 30 м), расположена на высоте около 14 м над уровнем реки. Боковые склоны, особенно северный, очень крутые.

Шурфы, заложенные на городище, показали, что культурные отложения здесь состоят из двух самостоятельных слоев, разделенных стерильной прослойкой. Нижний слой насыщен лепной керамикой, относящейся, по-видимому, к первой половине I тысячелетия н. э., а верхний датируется XIII—XIV и, быть может, XV вв. При прорезке напольного вала фрагменты керамики XIII в. обнаружены под его основанием, что позволяет датировать время сооружения вала XIV в.

Эти данные позволяют высказать предположение, что город Воротынск, известный по письменным источникам уже с XII в., находился прежде на другом месте, по-видимому, на городище у с. Спас на р. Оке, в 2 км выше устья р. Угры¹³. Перенос укрепленного поселения осуществлен, видимо, в XIV в., быть может в связи с возросшим военным значением города как пограничного пункта между Русью и Литвой.

Сравнение плановой схемы укреплений Воротынска с укреплениями типа Ярославца, Оболенска и Любутска показывает, что, несмотря на внешнее несходство, здесь применены одни и те же приемы организации обороны. Для крепости здесь был выбран мыс, хорошо защищенный с двух сторон крутыми склонами. Широким рвом и валом площадка мыса была отрезана с напольной стороны, откуда можно было ожидать штурма. Но в отличие от простого мысового типа укреплений, резко понижающийся конец мыса, расположенный в речной петле, не был использован для обороны, а, наоборот, отрезан от основной укрепленной площадки рвом и валом. В простых мысовых укреплениях штурм, поддерживаемый камнеметными машинами, мог быть осуществлен только с одной, напольной, стороны; в Воротынске же существовала возможность штурма и со стороны конца мыса, что делало подобный тип планировки укреплений менее совершенным. Однако для штурма со стороны мыса необходимо было первоначально переправить войска через реку, сконцентрировать их на открытой и низменной площадке в речной петле, установить камнеметные машины и лишь после этого начать штурм. Практически это было, по-видимому, почти неосуществимо, в силу чего прием расположения укреплений в речной петле применялся в XIV—XV вв. достаточно широко. Полуостров в речной петле, находившийся под защитой крепости, устроенной на перешейке, также оказывался в сравнительно безопасном положении, и поэтому здесь зачастую размещался незащищенный городской посад. Такова плановая схема ряда городов Тверской земли — Кашина, Клина, Ржева¹⁴.

Конечно, в XIV—XV вв. существовали и укрепления, созданные в предыдущий период, характерные для более раннего времени. Так, крепости в Дмитрове, Юрьеве-Польском, Перемышле не были заброшены, а продолжали усиливаться и укрепляться и в XIV—XV вв., причем пла-

¹² Село Воротынск, Лев-Толстовского района Калужской области.

¹³ См. П. Н. Третьяков. Калужская экспедиция ГАИМК 1936 г. СА, IV, стр. 329; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941 г., стр. 47. Исследование конструкции вала на городище у с. Спас, выполненное в 1955 г., показало, что укрепления здесь были сооружены, видимо, в XI в., а затем усилены в XII—XIII вв. Материала XIV в. на городище у с. Спас почти не имеется.

¹⁴ Э. А. Рикман. Города Тверского княжества. (Автореф. дисс.). М.—Л., 1949, стр. 16.

новая структура их оставалась в основном такой же, какой была в середине XII в. Это естественно, так как необходимость сохранения уже существовавших мощных укреплений, городской застройки и храмов не давала возможности осуществить перенос на новое место населенных пунктов, которые в связи с изменением тактики оказались не вполне соответствующими новым требованиям обороны. Однако для характеристики русского военно-инженерного искусства XIV—XV вв. большое значение имеют остатки вновь основанных укрепленных поселений, которые, следовательно, наиболее полно и четко отражают тактические приемы осады и обороны того времени. К этим памятникам и относятся рассмотренные выше ранне-московские городища.

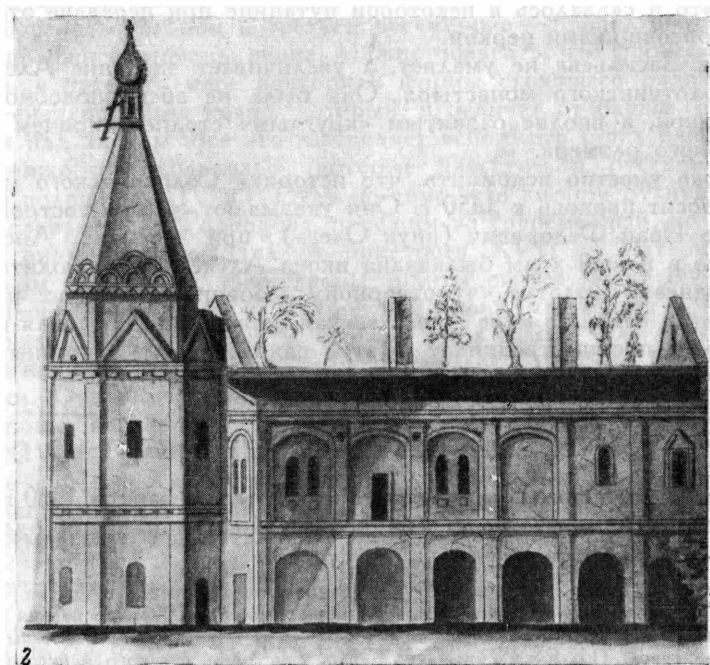

Рис. 3. Солотчинский монастырь.

1 — западная башня по рисунку М. Бровкина, 1849 г.; 2 — Алексеевская церковь. Северный фасад, по рисунку Н. Васильева, первая половина XIX в.

здания. Архитектурные формы трапезной Алексеевской церкви позволяют считать, что она была переделана или перестроена в 1645 г.⁵

Фасад трапезной на рисунке Васильева имеет и другие отличия. Так, в восточных угловых членениях показано по два окна, тогда как на изданном анонимном рисунке — всего одно. Очевидно, оба рисунка сделаны самостоятельно, причем рисунок Васильева более ранний, так как окна трапезной, как и часть окон шатровой церкви, изображены еще не заложёнными.

Существенное уточнение форм самого шатрового столпа. Рисунок Васильева убеждает, что в плане храма, сделанном в 1783—1784 гг. рязанским губернским архитектором, не было ошибки, т. е. выступающая из плоскости стены трапезной часть бышни не пятигранна, а семигранна, так что план башни в целом дал бы почти правильный двенадцатигранник. На обоих рисунках Алексеевская церковь изображена строго с севера и поэтому «лобовая» восточная (в данном случае четвертая от трапезной) грань столпа не видна. Принимая линию сочленения с трапезной за восьмую грань, правильнее говорить о традиционном восьмерике, но с расширенной восьмой (западной) гранью. Расширение ее диктовалось практической необходимостью устройства сообщения с трапезной тремя проемами. Конструктивный переход от неравностороннего восьмерика к обычному восьмерику, на котором стоит шатер, не представлял затруднений, так как для этого надо было ввести для западных «диагональных» граней верхнего восьмерика два угловых арочных сводика, например, типа тромпа. Труднее было оформить этот переход снаружи, и, судя по обоим рисункам храма, зодчий не обошелся здесь без известных натяжек, что и сказалось в некоторой путанице при передаче этих частей обоими зарисовщиками церкви.

Рисунок Васильева не умаляет, а увеличивает значение Алексеевской церкви Солотчинского монастыря. Она была не абсидоподобной частью при трапезной, а вполне развитым «круглым» столпом, причем довольно внушительного размера.

Здесь же уместно вспомнить, что историки Солотчинского монастыря упорно относят церковь к 1450 г. Они указывают, что ее построил рязанский князь Иван Федорович (внук Олега) при игумене Арсении, добавляя, что в новый храм была дана икона Алексея-митрополита, считавшаяся позднее в Солотче «чудотворной»⁶. Возникает вопрос: не воспроизводила ли в какой-то мере Алексеевская церковь, построенная в XVI в., формы своего предшественника? В этой связи следует вспомнить второй, так же исчезнувший памятник Солотчинского монастыря.

2

Покровская церковь Солотчинского монастыря в записи 1560 г. названа «надгробной»⁷. Она стояла у западной границы монастыря рядом с об-

⁵ Переделки трапезной указаны в надписи на камне в стене трапезной (см. П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество, стр. 299). Трапезная с шатровой восьмигранной церковью была построена в 1528—1545 гг. в Спасо-Каменском монастыре на Кубенском озере. (И. Евдокимов. Север в истории русского искусства. Вологда, 1920, стр. 8, табл.); А. И. Некрасов. Проблема происхождения древнерусских столпообразных храмов. Труды Кабинета истории материальной культуры, в. V. М., 1930, стр. 33—35.

⁶ А. Ратшин. Полное собрание исторических сведений о монастырях. М., 1852, стр. 460; И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, т. I. Зарайск, 1884, стр. 124; Архим. Македоний. Солотчинский монастырь. Рязань, 1886, стр. 17, 80, 83; А. П. Доброклонский. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. ЧОИДР, 1888, т. I, стр. 10.

⁷ Македоний. Указ. соч., стр. 24.

рывом и в 1768 г. обрушилась⁸. Рисунков не сохранилось, но по описям XVI в. известно лишь, что церковь была «каменная вверх», «восьмериком» и «под колоколы»⁹, что дало основание П. А. Раппопорту считать памятник шатровым и отнести к тому же XVI в.¹⁰ Однако к моменту разрушения Покровская церковь была уже, вероятно в XVII в., значительно расширена обширной пристройкой, так как в описи 1729 г. указаны ее размеры «в длину 10 саж., а поперек 7 саж. 1 арш.»¹¹. В той же описи упоминается и новая монастырская колокольня. Об остатках разрушившегося Покровского храма В. А. Городцов писал: «На месте храма лежат тесаные известковые камни и много обломков кирпичей. Последние форму похожи на современные, но крупнее их размерами. Крестьяне называют разрушенный храм Олеговым. При обвале храма в нем были обретыны мощи Олега Ивановича и супруги его Евфросинии»¹².

В начале XVIII в. западная стена монастыря продолжала еще оставаться деревянной, но при архимандрите Алипии (1741—1745 гг.) и здесь была «вновь построена каменная ограда вместо древней ветхой деревянной, да башня каменная»¹³. Новая башня изображена на рисунке Солотчинского монастыря, исполненном в 1849 г. Михаилом Бровкиным¹⁴. Рисунок сделан несомненно с натуры и отличается большой точностью. Покровская церковь и Алексеевская, разобранные в 1841—42 гг., на нем не изображены. Обрыв к р. Солотче подошел уже вплотную к башне 1741—1745 гг. Вскоре эта башня тоже погибла.

Она отличалась от остальных каменных круглых башен ограды и была восьмигранной, трехъярусной, увенчанной не шпилем, а луковичной главой. Было бы правильно назвать ее столпообразным храмом (рис. 3—1). В духе остальных каменных башен сделаны лишь круглые окна в нижнем восьмерике, но во втором и третьем восьмерике — продолговатые проемы; верхние похожи на проемы звона. Можно полагать, что формы этой башни XVIII в. в какой-то мере повторяли формы стоявшего рядом ветхого и чтимого «надгробного» храма, который, в отличие от башни, имел шагровый верх над звоном. Все это заставляет вспомнить о тех башнеобразных храмах «иже под колоколы», которые известны в русском зодчестве с первой половины XIV в.¹⁵ Судя по тому, что кирпич рухнувшей церкви был, по словам В. А. Городцова, похожим на современный, но более крупным, он, видимо, происходил от пристроек XVII в. Материал древней церкви нам неизвестен. Известковые плиты скорее могут быть отнесены к ней. Первое упоминание о Покровской церкви относится к 1560 г. Возможно было бы предположить, что это храм времен Олега, доживший до XVI в. в неизменном виде и сохранявшийся до XVIII в. в составе поздней обстройки. Очень возможно, что ярусная, восьмигранная башня 1741—1745 г. повторяла формы столпообразного храма «под звоном», построенного в XIV в. Он имел примерно ту же композицию, что и столп Ивана Великого в Московском Кремле 1505 г., сменивший древнюю церковь Ивана Лествичника «под колоколы» 1329 г. Можно, следовательно, думать, что и кремлевский храм Калиты имел ту же форму¹⁶.

⁸ Македоний. Указ. соч., стр. 5, 69.

⁹ Там же, стр. 6, 69; А. П. Доброклонский. Солотчинский монастырь..., стр. 9.

¹⁰ П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество..., стр. 298.

¹¹ Македоний. Указ. соч., стр. 54, 69.

¹² В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Труды XII АС, т. I, стр. 605.

¹³ Македоний. Указ. соч., стр. 64.

¹⁴ Любопытна подпись рисовальщика: «8 сентябрь 1849. Рисовал Мих. Бровкин нигде и никем неученый».

¹⁵ История русского искусства, т. III, М., 1955, стр. 422—424.

¹⁶ Данная интерпретация Покровской церкви предложена Н. Н. Ворониным.

Подтверждением сказанному может служить близкое сходство солотчинской башни с церковью Ивана Милостивого в Тверском кремле, как она изображена на иконе тверского князя Михаила¹⁷. Н. Н. Воронин датирует памятник 1413—1420 гг., отмечая его кажущуюся необычность для этого раннего времени¹⁸.

Таким образом можно заключить, что: 1) идея башнеобразного ярусного храма получила в XIV—начале XV в. почти одинаковое выражение в Москве и сопереживающих с ней Твери и Рязани, 2) шатровой Алексеевской церкви Солотчинского монастыря действительно мог предшествовать памятник XV в., в свою очередь восходящий к Покровской надгробной церкви Олега Ивановича.

3

Церковь Николая Чудотворца (в просторечии Николо-Высоковская или «Никола-Долгошея»), впервые упоминаемая в описи 1568 г.¹⁹, была разобрана во второй половине XIX в. в связи с постройкой на ее месте нового большого храма. Памятник известен по старинной фотографии, хранящейся в ГИМ²⁰, и был введен в литературу П. А. Раппопортом, отметившим его своеобразие: отсутствие обычного восьмерика под шатром и постановку шатра непосредственно на кубическое основание. Отмечена и оригинальность такого архитектурного решения, происхождение которого пока не совсем ясно²¹.

Новые данные о памятнике сообщает составленный в 1876 г. «Проект на постройку новой колокольни и на разные перестройки в Старовознесенской (Николовысоковской тож) церкви в г. Рязани». Здесь представлены план и южный фасад «существующей церкви» и проект нового храма с указанием на нем частей старого (рис. 4)²².

Оказывается, что нижний подшатровый объем представлял не куб или куб со срезанными углами, а двенадцатигранник, правда очень слабо выраженный и близкий к кубу. Он образован делением каждой из четырех стен на три грани (среднюю — большую и боковые — малые) и слабым, но последовательно проведенным загибом боковых граней внутрь. Внутреннему двенадцатиграннику соответствовал внешний. На восточной стене грани не видны в плане, так как здесь показаны проемы в абсиду, но они хорошо заметны на опубликованной М. А. Ильиным фотографии. На западной стене внешние грани заложены при сооружении трапезной. Шатер оставлен восьмигранным, а так как он немного сдвинут к востоку, то между гранями шатра и основанием нет закономерной связи.

Происхождение близкого к квадрату двенадцатигранника объясняется, видимо, желанием сохранить форму традиционного «круглого» храма, но вместе с тем максимально увеличить его площадь. Однако к квадратному плану перейти еще не желали или не решались на кубе поставить восьмигранный шатер. В этом отношении очень показательны, что такие шатровые памятники, как церковь коломенского Брусенского монастыря (1552 г.) и близкая ей церковь в с. Пруссах недалеко от Коломны, при постановке

¹⁷ Н. Н. Воронин. Тверской кремль в XV веке. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 85, рис. 21.

¹⁸ Там же, стр. 90.

¹⁹ Иероним. Рязанские достопамятности. Рязань, 1899, § 110.

²⁰ Воспроизведение см. у М. А. Ильина — «Рязань», стр. 51, 52.

²¹ П. А. Раппопорт. Очерк хронологии..., стр. 85, 87; М. А. Ильин. Рязань, стр. 52. М. А. Ильин считал, что шатер храма поставлен на куб, у которого срезаны углы.

²² На публикуемом рисунке мною показан пунктиром шатровый верх храма, опущенный автором чертежа 1876 г., а также выделена черной заливкой форма подшатрового столпа.

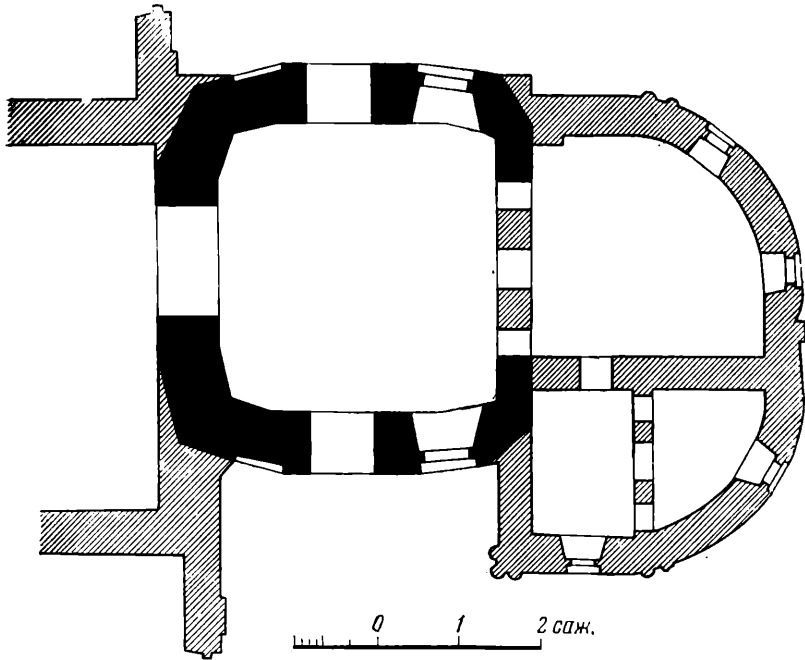
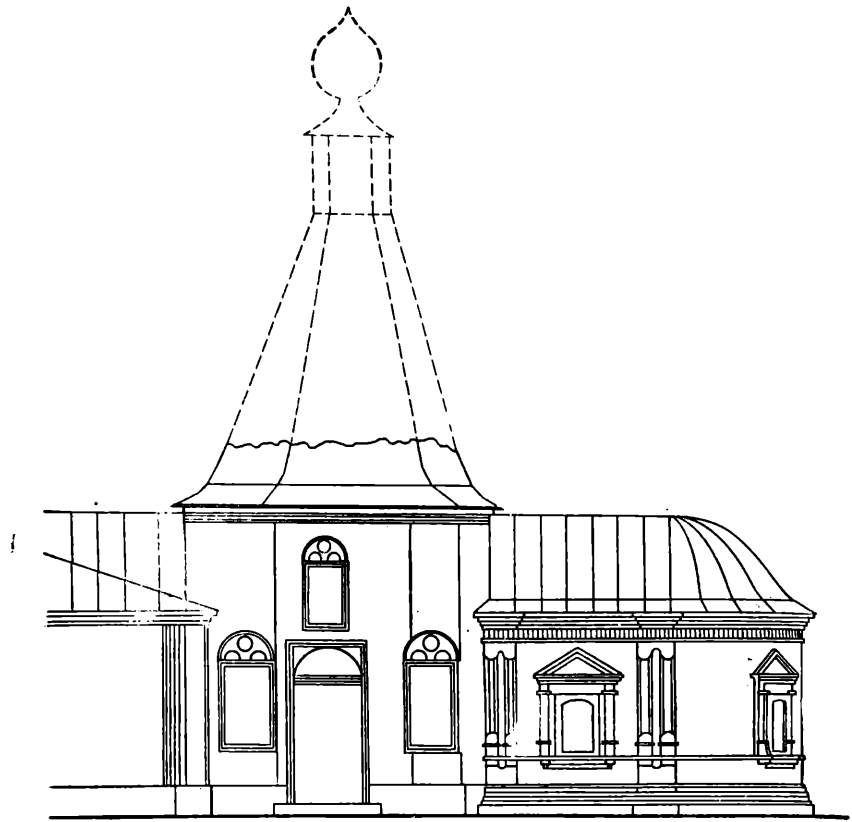

Рис. 4. Церковь Николая-чудотворца в Рязани. Южный фасад и план.

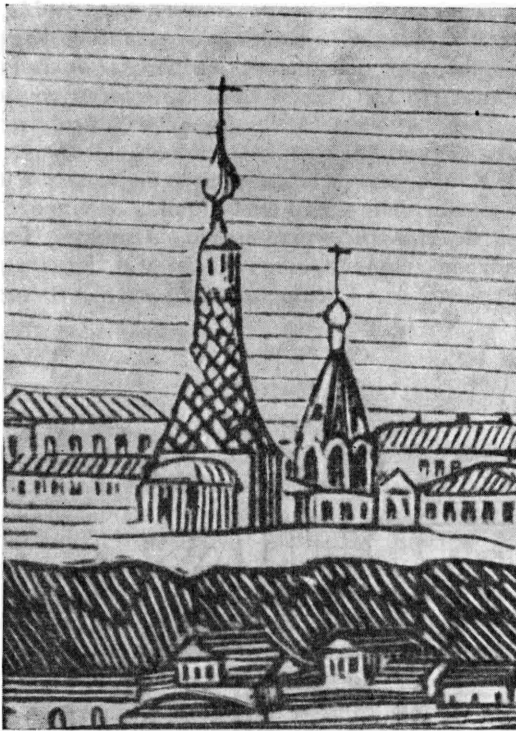

Рис. 5. Церковь Николая-чудотворца в Рязани. Вид с сев.-вост. По гравюре середины XIX в.

шатров прямо на куб имели внутри скошенные грани²³, т. е. приближались к восьмиграннику.

Деревянных двенадцатигранных храмов мы не знаем, но это не значит, что они не строились²⁴. О их существовании позволяют думать памятники деревянного крепостного зодчества, среди которых встречаются и двенадцатигранные²⁵ (Торопец).

Не является чем-либо исключительным и неравенство граней церкви «Николы-Долгошей». Так, например, восьмигранный постамент в основании барабана главы церкви в Мелётове под Псковом (1461—1462 гг.) имел более узкие «диагональные» грани. Возможно, что эта черта мелётовской церкви ведет начало от Троицкого собора в Пскове (постройки 1365—1367 гг.), многие элементы которого навеяны деревянным зодчеством²⁶. В деревянных храмах абсиды тоже часто делались неравногранными, причем сужались

именно «диагональные» грани. Двенадцатигранные башни применялись нередко и в каменном зодчестве, большей частью на углах крепостных стен. Ближайшие к Рязани примеры находим в Зарайском и Коломенском кремлях, законченных в 1531 г.²⁷

В литературе утвердилось мнение, что громадная абсида церкви «Николы-Долгошей» относится к XVII в., когда храм обновлялся²⁸. Однако следует выделить южный придел, относящийся по крайней мере ко времени сооружения храма. А. В. Антонов даже считал его остатком еще более древнего храма, разобранного частично при постройке церкви в XVI в.²⁹ Очевидно, у А. В. Антонова были какие-то данные, позволявшие выделять этот придел из всего комплекса, которых мы уже не знаем. Известно только, что при разборке храма в конце XIX в. его стены и стены придела оказались с забутовкой в середине³⁰. Существенно, что

²³ П. А. Раппопорт. Очерк хронологии..., стр. 87.

²⁴ И. Е. Забелин. Русское зодчество. Черты бытности в древне-русском зодчестве. М., 1900, стр. 91 и сл.

²⁵ М. Г. Милославский. Деревянное зодчество на Руси в XVI—XVII вв. Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. VII, М., 1956, стр. 99—100.

²⁶ Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Ин-та истории искусства АН СССР, М., 1952, стр. 313, 315.

²⁷ История русского искусства, т. III, стр. 385, 390, 391. М. А. Ильин характеризует башни Зарайского кремля как восьмигранные (там же, стр. 390), исходя, очевидно, из внутреннего пространства.

²⁸ М. А. Ильин. Рязань..., стр. 52.

²⁹ А. В. Антонов. О древнейшей церкви в Рязани при главном алтаре Николо-высоковского храма. Рязань, 1886, стр. 2.

³⁰ Сообщено автору Д. Д. Солодовниковым.

при декоративном оформлении придела, как и всей абсиды, в духе XVII в., его западная стенка имеет перспективный портал с килевидным архивольтом³¹, близкий северному portalу рязанского Архангельского собора начала XVI в. Возможно, что подобным же порталом был оформлен и вход в храм. Существованием придела при храме, видимо, объясняется и весьма странная организация алтарей в одной «общей» абсиде, разделенной внутри стенкой, так что алтари храма и придела размещаются в $\frac{1}{4}$ круга каждый. В связи с этим интересен конец текста описи 1568 г., где впервые упоминается храм: «во владычне слободе церковь каменна Николая Чудотворца не доделана, предел Воскресенье Христово»³². Сопоставляя эти данные, следует думать, что храм мыслился с двумя приделами, но был недостроен и получил асимметричную восточную часть. При позднейших обстройках (XVII—XVIII вв.) асимметричность громадной абсиды и трапезной с шатровой колокольней, ориентированных не по оси храма, а по оси храма с приделом, усилилась. В таком виде церковь «Николы-Долгошей» и изображена на «Проекте» 1876 г. и еще раз (но с северной стороны) на карандашном, исполненном, вероятно, А. В. Антоновым, рисунке, где многогранность основания не отмечена, но показан восьмерик.

М. А. Ильин на основе фотографии, снятой с памятника при его разборке, отмечает, что переход от шатра к основанию был оформлен треугольными стрелами на подобие церкви с. Городня (1577—1578 гг.)³³. На гравюре общего вида Рязани 1861 г.³⁴ церковь показана с шатром более стройных, слегка вогнутых, как у суздальских колоколен XVII—XVIII вв., очертаний, может быть искаженных более поздним железным кожухом (рис. 5).

В церкви «Николы-Долгошей», вероятно, следует видеть переходный тип от восьмигранных шатровых столпов к храмам с шатром, поставленным прямо на куб. Нужно оговориться, что это место рязанский памятник занимает не хронологически, а только композиционно. Мысль об особой интенсивности творческой мысли русских зодчих в 50—60-х гг. XVI в.³⁵ лишний раз подтверждается рассмотренными здесь рязанским и солотчинскими памятниками.

4

Появление в Рязани и Солотчинском монастыре в середине XVI в. шатровых и башнеобразных храмов не было случайным. Шатровый храм в XVI в. понимался как памятник, которым отмечались общенародные победы (Василий Блаженный и др.). С тем же казанским походом связана шатровая церковь Брусенского монастыря в Коломне (1552 г.)³⁶, а также известная шатровая церковь Козьмы и Демьяна в Муроме (1565 г.)³⁷. П. А. Раппопорт полагает, что Алексеевская церковь Солотчинского монастыря построена в 60-х годах XVI в. по завещанию того же коломенского епископа Феодосия³⁸, который построил в 1552 г. шатровую церковь коломенского Брусенского монастыря. Феодосий после коломенских событий 1552 г. «жил на покое» в Солотчинском монастыре, где и умер

³¹ См. фото в книге: М. А. Ильин. Рязань..., стр. 52.

³² Иероним. Рязанские достопамятности..., § 110.

³³ М. А. Ильин. Рязань..., стр. 52—53.

³⁴ «Иллюстрация», 1861 г., № 184.

³⁵ П. А. Раппопорт. Очерк хронологии..., стр. 86; его же. Русское шатровое зодчество..., стр. 287.

³⁶ Н. Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. МИА, № 12, стр. 226.

³⁷ Н. Н. Воронин. К истории русского зодчества XVI века. Сборник бюро аспирантов ГАИМК, I, Л., 1929, стр. 90—92.

³⁸ П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество..., стр. 298.

в 1560 г.³⁹ О личности Феодосия известно мало и она интересна не сама по себе, а именно на фоне происходивших в начале 50-х гг. событий, яркие эпизоды которых разыгрались в Коломне. Здесь долго стояли войска Грозного, пока Курбский отражал от Рязани и Тулы крымских татар. Здесь разрабатывались планы дальнейшего похода на Казань, здесь Феодосий служил молебны о даровании Ивану Грозному победы⁴⁰, сюда стекались все виды физической, материальной и духовной помощи. Не меньшие торжества готовились в Коломне в октябре 1552 г. после одержанной победы, когда, очевидно, здесь думали, что Иван Грозный будет возвращаться в Москву через Коломну. В подготовке этих торжеств принял участие и Солотчинский монастырь. Сюда специально направляется из Солотчи от архимандрита Досифея священник Лаврентий со «святой» водой для царя⁴¹.

Судя по летописным описаниям Казанского похода, в этот момент культурам московских митрополитов Петра и особенно Алексея придавалась исключительная патриотическая роль⁴². Посвящение Солотчинской церкви Алексею позволяет считать ее также храмом-памятником казанской победы. Некоторые черты сходства Алексеевской церкви с центральным столпом храма Василия Блаженного⁴³ подтверждают это.

Алексеевская церковь построена еще при жизни Феодосия, т. е. до 1560 г. В приходо-расходной книге Солотчинского монастыря записано, что деньги, которые Феодосий вложил в монастырь «для поминовения по себе и по своих родителех, да на Покров св. Богородице на надгробную церковь, да на колокол, да на церковь Алексея Чудотворца с трапезною каменною, да на покупку села в дом Пресвятыя Богородице 400 руб.», были украдены при архимандрите Хрисанфе, а он правил монастырем в 1560—1564 гг.⁴⁴ Следовательно, на эти деньги церковь построена быть не могла. Упоминание в цитированном документе, наряду с уже существовавшей к тому времени «надгробной церковью Покрова», и Алексеевской тоже говорит в пользу того, что в 1560 г. она уже была построена. Вероятно, закладка ее была осуществлена вскоре после событий 1552—1553 гг., когда Солотчинский монастырь посылал в Коломну Ивану Грозному «святую» воду, когда была уже одержана победа и в Москве приступили к сооружению в память ее храма Василия Блаженного. Коломенский епископ Феодосий в это время переехал «на покой» в Солотчинский монастырь. Закончен же храм около 1560 г., и его зодчие могли уже видеть шатер храма Василия Блаженного.

Также следует отодвинуть вглубь XVI в. церковь «Николы-Долгошей». Само посвящение памятника Николаю-чудотворцу несомненно связано с особым подъемом его культа во второй половине 50-х гг. XVI в. «Казанский летописец» подробно перечисляет все «чудеса» св. Николая, «обеспечившие» Ивану Грозному взятие Казани⁴⁵. С иконой Николая связано и явление девятого престола в храме Василия Блаженного.

³⁹ Македоний. Указ. соч., стр. 24.

⁴⁰ ПСРЛ, т. XIX, 1903, стр. III, 397, 401.

⁴¹ Македоний. Указ. соч., стр. 24. Указание в записи на 1553 г., явно не совпадающее с годом казанского похода, свидетельствует о том, что поездка Лаврентия была в промежутке от сентября до декабря. Как известно, в таких случаях при переводе летоисчисления от «сотворения мира» на летоисчисление от «рождества христового» надо вычитать не 5508 лет, а 5509 (Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, стр. 28), что дает сентябрь—декабрь 1552 г., вернее всего октябрь, когда Грозный возвращался из Казани.

⁴² ПСРЛ, т. XIX, стр. 108, 415, 428, 432, 434, 477, 485.

⁴³ П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество, стр. 301.

⁴⁴ Македоний. Указ. соч., стр. 24.

⁴⁵ ПСРЛ, т. XIX, стр. 141—142.

Все историки Рязани связывали церковь «Николы-Долгошей» с Иваном Грозным⁴⁶. Это согласуется с событиями 1552 г., когда, дойдя до Коломны, Грозный получил весть о подступе крымских татар к Рязани и Туле и выделил отряд Курбского, шедший через Рязань⁴⁷. В 1551—1554 гг. в Рязани епископом был Касьян, близкий к Ивану Грозному. В 1553 г. Грозный пожаловал Касьяна «царевым» прудом⁴⁸, по-видимому, за особые заслуги в событиях 1552 г. Касьян представляется нам наиболее вероятным заказчиком церкви. Все это позволяет относить ее возникновение к тем же пятидесятым годам XVI в., когда начали появляться главнейшие памятники казанского похода. Тот факт, что церковь «Николы-Долгошей» в описи 1568 г. значилась «недоделанной»⁴⁹, можно объяснить внезапным отлучением епископа Касьяна в связи с его причастностью к ереси Матвея Башкина⁵⁰.

---

⁴⁶ Т. Воздвиженский. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820, стр. 78; «Рязанские епархиальные ведомости», 1870, № 24, стр. 817; А. В. Антонов. Указ. соч., стр. 5 и др.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XIX, стр. 397; Сказания князя Курбского. СПб., 1868, стр. 14.

⁴⁸ Т. Воздвиженский. Указ. соч., стр. 46, 51—52.

⁴⁹ Архим. Макарий. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863, стр. 105.

⁵⁰ После сдачи в печать настоящей статьи мною были получены, благодаря любезности Н. Н. Вороника и П. А. Рапппорта, новые данные об Алексеевской церкви в Солотче и Никольской церкви в Рязани. О первой сообщается, что ее кирпич имеет в длину 11¹/₄, в ширину 6 и в толщину 3¹/₂ дюймов английских; своды храма «ни мало не имеют железа, но вместо того были употреблены дубовые брусья». О втором памятнике говорится, что он построен «во время посещения Иоанном IV Рязани в поход его Окою из Москвы на Казань. В церкви сей примечания достойна толстога и нерегулярность стен, также и готическая из кирпича уборка». («Описание с планами и фасадами древних зданий Рязанской губернии. Составлено Рязанским уездным землемером коллежским секретарем Леонтьевым в 1827 году». Копия. Архив ЛОИИМК, фонд 6, дело № 52, часть I, лист 199 об., 200). Как видим, эти материалы подтверждают данную в статье характеристику памятников.

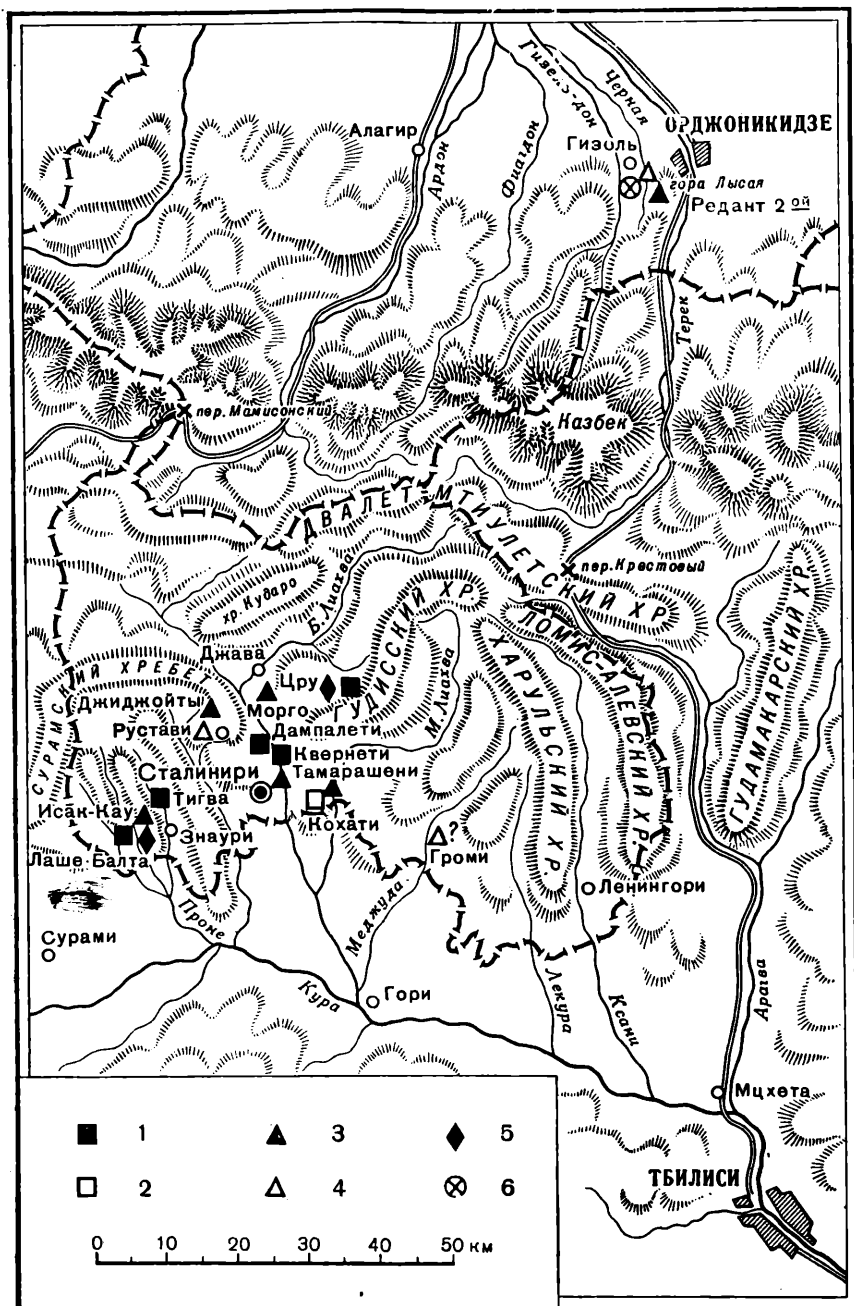

Рис. 6. Карта нижнепалеолитических местонахождений Южной и Северной Осетии.

1 — ашельские местонахождения; 2 — единичные ашельские орудия; 3 — мустьерские местонахождения; 4 — единичные мустьерские орудия; 5 — находки верхнепалеолитических орудий; 6 — находки макролитов.

возглавляемая О. М. Джапаридзе. Палеолитический отряд экспедиции⁵ осуществил широкую разведку в пределах Знаурского, Сталинирского и Джавского районов главным образом в той их части, которая составляет юго-запад и центр области. Было открыто несколько новых местонахождений и стоянок бронзового века (у родника Чипи к востоку от сел. Квернети и вблизи святилища Тутер-дзуар в районе сел. Иврети) и неолитического времени (три местонахождения на вспаханной поверхности левобережной террасы р. Чимас-дон в местностях Читор, Сэрвэт и Кугом, примыкающих к окраинам сел. Цру и Кроз, и одно местонахождение на 25—30-метровой террасе лиахвинской долины к северу от сел. Тамарашени). Отряд произвел также повторное обследование обнаруженных еще в 1951—1952 гг. местонахождений каменного века Лаше-Балта, Морго, Пичиджин и Цыплети⁶. Наиболее интересны обнаруженные в Юго-Осетии новые нижнепалеолитические местонахождения, где собрано большое количество разнообразных орудий (ручные рубила, грубые рубящие орудия, нуклеусы, скребла, остроконечники, отщепы, пластины).

Остановлюсь на наиболее интересных местонахождениях. Описание их дается по речным долинам.

Долина р. Оконская Проне. Долина пролегает в полосе низких гор с высотами ниже 1300 м, в области сплошного распространения третичных отложений. Оконская Проне расчлняет эту податливую для размыва толщу мягких пород, благодаря чему ее глубокая (до 300 м) и широкая (до 4 км) прямолинейная долина очень открыта. Левый склон ее, где заметно не менее 7 террас, круче правого. Высокие древние террасы прослеживаются и по правому пониженному берегу; здесь они сливаются непосредственно с поверхностью ровного увалистого водораздела (более древний уровень эрозии), который отделяет долину от соседней, образованной р. Метехская Проне⁷.

Рекогносцировочные работы произведены на небольшом участке среднего течения реки, в окрестностях районного центра Знаури⁸. Обнаруженное здесь нижнепалеолитическое местонахождение расположено в большой балке, глубоко врезанной в правый террасированный склон. Ручей Тигва-цхали промывает на дне этой балки каньонообразный овраг, простирающийся на восток и выходящий к пойме реки севернее г. Знаури. Ширина оврага 3—15 м, глубина — 2—5 м в устьевой части, 3—10 м в средней. На берегах оврага в 1 км к западу от Знаури раскинулось селение Тигва, имя которого и присвоено местонахождению.

Нижнепалеолитические изделия собраны среди галечниковых перекатов в русле оврага. Показательны большие размеры местонахождения: находки рассеяны в устьевой и средней частях оврага на протяжении около 2 км. Осмотр отвесных стен оврага позволил предположить, из каких слоев они вымываются. У места находки одного из орудий (ручное рубило) стену оврага слагают следующие отложения:

1. Почвенный слой: 0,3—0,4 м;
2. Лёссовидный суглинок: 0,4—3,3 м;
3. Галечники, сцементированные суглинком: 3,3—3,8 м;

⁵ Состав отряда: В. П. Любин (руководитель), И. И. Коробков, Б. В. Техов, Вл. П. Любин.

⁶ В. П. Любин. Палеолитические находки в Юго-Осетии. КСИИМК, вып. 54, стр. 49—60.

⁷ С. Симонович. Геологические наблюдения в бассейне левых притоков р. Куры между Сурамом и Гори. Материалы для геологии Кавказа, серия 2, кн. 6, Тифлис, 1892, стр. 376—377; Л. И. Прасолов и Н. Н. Соколов. Почвенно-геогр. очерк Юго-Осетии. Труды Совета по изуч. произв. сил, серия Закавказья, вып. 2, Л., 1931, стр. 381—385.

⁸ Знаури лежит в 16 км по прямой к юго-западу от г. Сталинири и в 18 км к северу от р. Куры.

4. Песчаник (возможно, переотложенный), с морскими раковинами *Mastra vitaliana* d'Orb. и *Tapes gregarius* d'Orb.⁹: 3,8—5 м.

Слой уходит под русло оврага и его полная мощность не установлена.

В другом месте галечник налегает на толщу зеленовато-серого или желтоватого глинистого песка, представляющего собой осадки того же возраста¹⁰.

Галечниковый материал, устилающий русло оврага, и собранные в нем древние орудия происходят, по-видимому, из третьего (галечникового) слоя, вскрытого и частично размытого водными потоками¹¹.

В итоге кратковременных сборов собрано 28 изделий. Материалом для их изготовления служили андезит (19 экз.) и кремненные осадочные породы (9 экз.). Судя по предметам, сохранившим не затронутые обработкой участки желвачной корки или окатанной поверхности, можно заключить, что сырьем служили речные гальки или андезитовые желваки.

Наиболее совершенные орудия изготовлены из лавовых пород (андезит ?), ближайшие выходы которых расположены в 10—12 км к северо-востоку от местонахождения (в районе сел. Додоти и Квасатали).

Древнепалеолитический инвентарь местонахождения Тигва включает 8 законченных орудий, 2 нуклеуса, 18 отщепов, массивных пластин и обломков изделий. Среди орудий — ручные рубила, остроконечники, скребловидное орудие. Общей чертой всех изделий являются их крупные размеры и массивность.

Интенсивная патина, выветренность и окатанность документируют глубокую древность находок. Поверхность многих изделий и особенно наиболее глубокие раковины углубления покрыты коркой известкового налета. Сильно видоизменена фактура андезитов. Кора выветривания многих предметов, изготовленных из этой черной лавовой породы, характеризуется пористостью и ноздреватостью. Сильная окатанность свидетельствует о вторичном положении находок.

Двусторонние формы составляют свыше 40%, причем ручные рубила составляют наиболее многочисленную и выразительную группу изделий (8 экз., два из которых дошли в обломках). Контуры ручных рубил приближаются к миндалевидным (2 экз.), неправильно овальным (2 экз.) или треугольным (1 экз.); одно миниатюрное рубильце имеет дисковидную форму. Наиболее крупный экземпляр миндалевидного рубила (рис. 7—1) достигает в длину 17,8 см, в ширину — 10,1 см, в толщину — 5,1 см; вес его равен 830 г. Для изготовления использован крупный желвак андезита. Наиболее утолщена центральная часть. Нижний конец орудия также достаточно массивен и сохраняет в основании площадку, покрытую желвачной коркой; площадка эта расположена не перпендикулярно, а наискось по отношению к длинной оси рубила, примыкая к крупному (древнему) вылому на одном из продольных краев. Орудие по всей поверхности обработано крупными сколами, а края слабо приострены мелкими. Верхний конец изделия слегка утоньшен и сужен, образуя грубое острие.

Второе миндалевидное ручное рубило (длина — 14,7 см, ширина — 8,9 см, толщина — 4,4 см) изготовлено, очевидно, из половины расколотого (андезитового) желвака, что обусловило неравномерную выпуклость

⁹ Морская фауна, характерная для прибрежно-мелководных отложений сарматского моря (средний сармат).

¹⁰ Определение раковин и указанных осадочных пород сделано проф. И. А. Коробковым. См. также М. И. Варенцов. Геологическое строение западной части Куринской депрессии. Изд. АН СССР, 1950, стр. 6, рис. 1; стр. 135, 141, рис. 48.

¹¹ В 1955 г. Э. А. Вангенгейм произвела специальное обследование местонахождения Тигва. Приводим ее заключение: «Собранные в русле оврага и в основании овражного аллювия остатки ашельской культуры находятся там в переотложенном состоянии; они могли быть снесены с древней поверхности 120-метровой террасы правого склона долины р. Оконская Проне при врезании оврага в эту террасу».

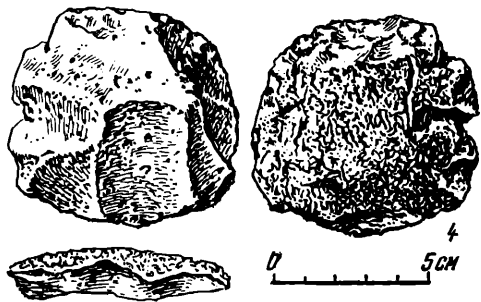
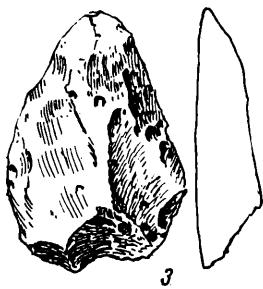
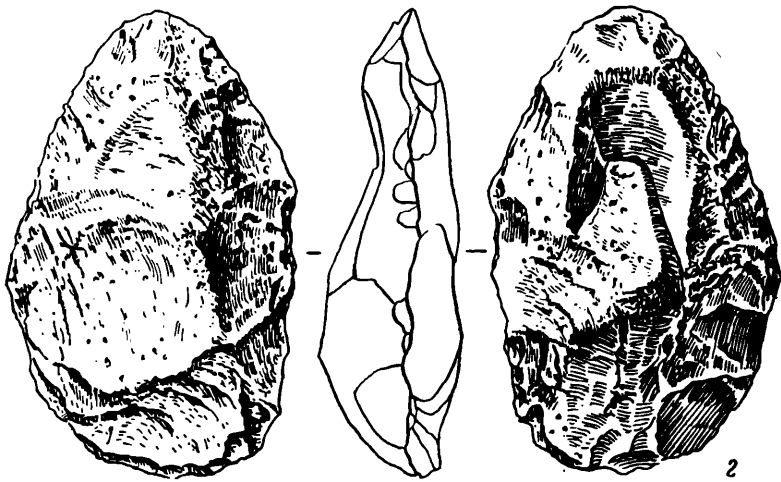
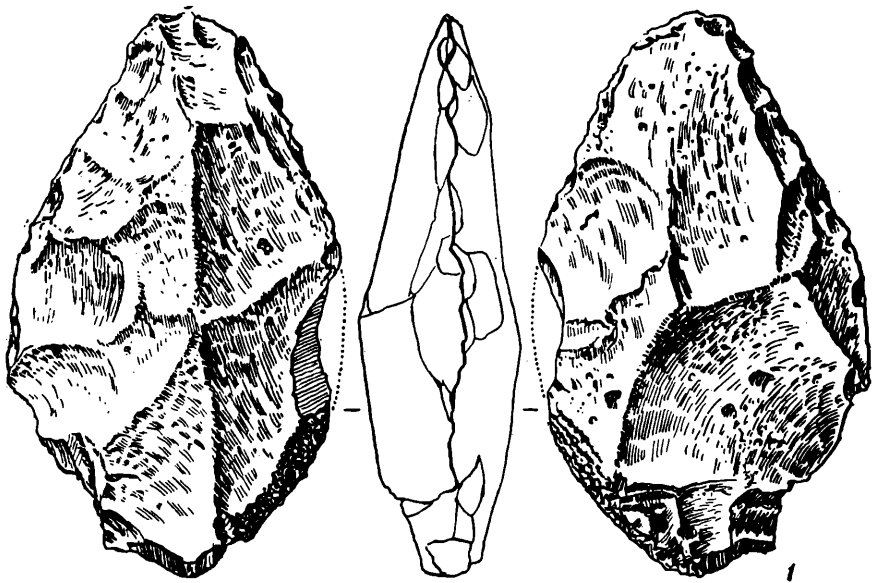

Рис. 7. Каменные орудия местонахождения у с. Тигва.

1, 2 — мидалевидные ручные рубила; 3 — остроконечник; 4 — нуклеус (1 — 4 — андезит).

сторон. Во время обивки верхней выпуклой поверхности один из сколов пошел не в желательном направлении, а сообразно слоистой структуре породы: образовался крупный изъян в центре поверхности. Асимметричное строение второй, несколько уплощенной поверхности (продольное ребро смещено к правому краю) объясняется, по-видимому, формой заготовки или несовершенством обивки. Обе поверхности обработаны более тщательно, чем поверхность первого миндалевидного бифаса. Окружность обита на всем протяжении. По продольным краям в результате дополнительной подправки мелкими сколами образованы слабо-зигзагообразные лезвия; слегка утолщенная пятка закруглена (рис. 7—2).

Остальные ручные рубила (по обработке и другим признакам) мало чем отличаются от описанных образцов. Из орудий отметим еще изготовленный на массивном треугольном отщепе остроконечник (рис. 7—3), края которого обработаны ретушью с заломами (длина его — 8,4 см, наибольшая ширина у основания — 5,7 см, толщина — 1,8 см).

Нуклеусы имеют форму дисков. Наибольший диаметр одного из них (рис. 7—4) равен 7,8 см, толщина — 2,2 см. Уплощенная сторона обработана вся; раковины на этой стороне небольшие, что говорит о скальвании соответственно небольших отщепов. Вторая, выпуклая поверхность сохраняет естественную корку желвака и лишь по краям подправлена мелкими сколами.

Отщепы (14 экз.). Большинство их (8 экз.) сделано из андезита; остальные — из гранита и других осадочных пород (6 экз.). Для первых типичны небольшие размеры, подтреугольные или удлиненно-прямоугольные очертания и сравнительно тонкое сечение; площадка подправлена на нуклеусе. Отщепы из гранита грубые, массивные, неправильные очертаний; площадка гладкая и скошенная. Более совершенный вид андезитовых отщепов объясняется, по-видимому, своеобразной «пластичностью» исходного материала: андезит хорошо поддается обработке, сравнительно легко и правильно раскалывается сообразно силе и направлению удара.

Известно, что нахождение дисков и отщепов развитых форм не может обязательно служить признаком более позднего, мустьерского, времени; диски, скребла, остроконечники в столь же характерном виде имеются уже в ашеле¹². Таким образом, несмотря на всю отрывочность наших сведений о нижнепалеолитическом местонахождении Тигва, обусловленных наличием еще небольших материалов, мы уверенно можем датировать этот памятник ашельской эпохой. Ручные рубила несут типичные черты ранне-ашельской техники, выражающейся в значительной массивности, тяжеловесности орудий, грубой обивке поверхности, наличии утолщенной пятки, извилистости краев. Однако накопление новых данных позволит точнее определить дату памятника в пределах ашельской эпохи.

Долина р. Большая Лиаква. Наиболее крупное в Юго-Осетии Большое Лиаквинское ущелье пересекает весь южный склон Большого Кавказа от Главного хребта до Горийской равнины на юге; у входа в него расположен г. Сталинири (бывш. Цхинвали). В пределах ущелья географические условия и ландшафты очень разнообразны. В верховьях рек рельеф носит черты высокогорной области, в среднем течении — средних гор, и лишь у южной границы области горы становятся низкими (предгорья). В результате постепенного врезания реки склоны лиаквинской долины террасообразны. Древние речные террасы отчетливо выражены в пределах средних гор и особенно — в полосе предгорий, где река окончательно выходит в район распространения мягких третичных пород и долина ее принимает открытый вид. К северу от г. Сталинири прослежи-

¹² М. З. Паничкина. Указ. соч., стр. 65; С. Н. Замятин. О локальных различиях в культуре палеолитического периода. Труды Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Новая серия, т. XVI, 1951, стр. 118.

ваются террасы-ступени, имеющие относительную высоту 10—15 м и 25—30 м; далее, крутым уступом, поднимается более мощная терраса: высота ее над уровнем моря — около 1000 м, над уровнем реки — 80—100 м. На высоте свыше 150 м заметна еще одна терраса¹³.

Первые следы палеолита в долине Большой Лиахвы установлены осенью 1952 г.¹⁴ Находки обнаружены в двух пунктах: к северо-западу от г. Сталинири (правый берег долины) и близ Джавы (сел. Морго). В первом пункте удалось собрать (на поверхности 80—100-метровой террасы и в прорезающих ее оврагах) несколько андезитовых отщепов нижнепалеолитического облика. В районе сел. Морго, на одном из более высоких террасовых уровней, установлено местонахождение, относящееся к мустьерскому времени. Морго расположено в пределах лесной среднегорной полосы; по прямой только 20 км отделяют его от покрытых вечными снегами веошин Главного хребта.

В 1954 г. поисковые работы в лиахвинской долине были продолжены. Палеолитический отряд провел повторное обследование местонахождения Морго и, преодолев Гудисский хребет, вышел в долину р. Чимас-дон (левый приток Б. Лиахвы), где на окраине сел. Цру удалось найти два массивных андезитовых отщепов ашельско-мустьерского типа (рис. 8—2).

Долина р. Чимас-дон (район сел. Цру, Чимас, Кроз) известна как один из крупнейших в Юго-Осетии центров излияния андезитовых лав¹⁵. В составе лавовых потоков крозско-чимасского района, по мнению В. П. Петрова, встречаются именно те особо стекловатые разности андезитов, которые напоминают обломок андезитового изделия из Лаше-Балта. Находка андезитовых отщепов близ сел. Цру — первое надежное свидетельство посещения ашельско-мустьерским человеком Юго-Осетии мест выхода сырьевого материала.

Во время пребывания отряда в сел. Цру местные жители передали несколько превосходных обсидиановых верхнепалеолитических орудий (резец, скребки, рис. 8—3, 4), найденных на пахотном участке, примыкающем к юго-восточной окраине селения. Осмотр этого поля отрядом не дал, однако, никаких результатов.

Продолжено также обследование северных окрестностей г. Сталинири. Тщательная разведка речных террас в районе пригородных селений Квернети и Дампалети позволила выявить два новых древнепалеолитических местонахождения. Здесь, как и в долине р. Оконская Проне, снова была установлена связь археологических находок с четвертичными формами рельефа. Остатки культуры ашельского человека также приурочены к руслам оврагов, прорезающих высокие древние речные террасы. Изделия поздней поры каменного века (неолит?) собраны на поверхности геологически более молодой лиахвинской террасы, имеющей 25—30 м высоты. И, наконец, находки памятников бронзовой эпохи (могильник на территории лесокбината) связаны с 10-метровой террасой.

Нижнепалеолитическое местонахождение Квернети находится в двух км к северо-западу от г. Сталинири, в широкой балке, глубоко расчленяющей высокий уступ 80—100-метровой и более высоких речных террас. Глубина балки достигает нескольких десятков метров. Квернетский ручей¹⁶ прорезал на дне ее овраг, глубина и ширина которого колеблются от 3 до 10 м; крутые склоны его местами оползают.

¹³ Л. И. Прасолов и Н. Н. Соколов. Указ. соч., стр. 356, 364, 378—380.

¹⁴ В. П. Лябин. Каменный век Юго-Осетии. (Автореф. дисс.). Л., 1953, стр. 10—11.

¹⁵ Б. В. Залесский, В. П. Петров и Б. П. Беликов. Горные породы и строительные материалы центральной части Юго-Осетии. Произв. силы Юго-Осетии, сб. IV, М.—Л., 1936, стр. 104—105.

¹⁶ В верховье ручья расположено сел. Квернети.

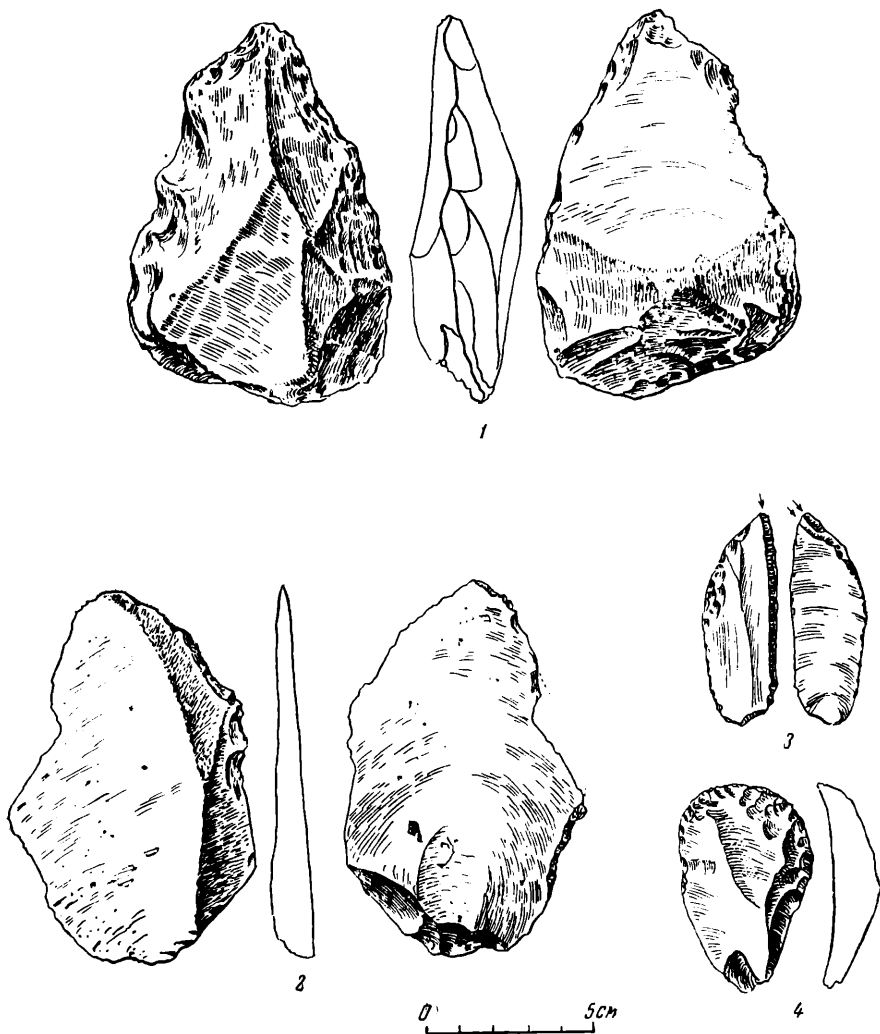

Рис. 8. Находки в районе селений Кохати и Цру.

1 — ручное рубило; 2 — отщеп; 3 — резец; 4 — скребок. (1, 2 — авдезит; 3, 4 — обсидиан; 1 — из Кохати; 2—4 — из Цру).

В 700—800 м от устья балки, в верхней части ее левого склона находится родник Чипи (Чипиты суадон).

Нижнепалеолитические находки собраны в русле Квернетского ручья. Стратиграфия берега оврага близ места находки наиболее типичного изделя (бифас ашельского типа) следующая:

1. Почвенный слой: 0,3—0,4 м;
2. Суглинок с большим или меньшим количеством гальки: 0,4—3,6 м;
3. Зеленовато-серый глинистый песок¹⁷ (глубина слоя не установлена).

В другом месте оврага слой суглинка с галькой подстилается песчаником, в третьем — осадочной породой с обломками раковин *Cardium* sp., *Tapes* sp., *Ervila*? *Donak* sp., что характеризует отложения сарматского моря (нижний сармат или нижняя часть среднего сармата)¹⁸.

¹⁷ Напоминает соответствующий слой в разрезе стены оврага в Тигва (долина р. Оконская Проне).

¹⁸ Определение И. А. Коробкова.

Древние орудия, как полагает автор, происходят из слоя суглинка с галькой, что, по-видимому, подтверждается находкой андезитового нуклеуса в слегка оползшем суглинково-галечниковом слое на правом склоне оврага, западнее родника Чипи. Берег оврага здесь представляет собой хорошо задернованную и лишенную камней площадку, что исключает возможность смыва нуклеуса с края площадки.

Суглинково-галечниковый слой вскрыт оврагом на большом протяжении; обнажен он и вдоль размытого края террасы. Кажется вполне вероятным, что все собранные в русле и на склоне оврага находки залегают ранее в толще этого слоя¹⁹.

Материалом для изготовления орудий служили андезит и кремнистые гальки. Собрано 14 орудий, 5 нуклеусов и 18 отщепов. Орудия представлены ручными рубилами, грубыми рубящими орудиями, скреблами, примитивным сверлом.

Миндалевидное ручное рубило с крупным выломом части одного из краев (рис. 9—1). Характер фактуры излома (патина, заглаженность) свидетельствует о весьма позднем возрасте повреждения. Размеры орудия: длина — 19,1 см, наибольшая ширина сохранившейся части — 9,5 см, толщина — 5,5 см²⁰. Поверхность выветрена и почти сплошь покрыта коркой известкового натека. Грани между отдельными фасетками сильно сглажены. Материал — кремнистая осадочная (?) порода, исходный темно-коричневый цвет которой виден на свежей выбоине у верхнего конца изделия. Стороны ручного рубила равномерно выпуклы; на одной из них сохранился участок поверхности, не затронутый обработкой, благодаря чему хорошо видно, что для изготовления орудия использован довольно крупный продолговатый валун. Обе поверхности несут обработку крупными грубыми сколами, направленными от краев к центру; на краях — следы вторичной подправки мелкими сколами, которые, однако, кое-где напоминают выщербины, образовавшиеся в результате употребления. Сохранившийся продольный край дает слабозигзагообразную линию. Негативы сколов — широкие, но неглубокие раковины — свидетельствуют об умелом удалении плоских и сравнительно тонких, как бы обстругивающих стесов. Многие фасетки образуют на концах заломы: материал имеет, по-видимому, свойство отделяться ровным слоем. Рубило удобно захватывается рукой при упоре утолщенной пятки в ладонь.

Ручное рубило с поперечным лезвием, неправильно-овальной формы (рис. 9—2). Длина — 15,5 см, наибольшая ширина — 9,7 см, толщина — 3,3 см. Заготовкой служила половина или крупный кусок расколотого андезитового желвака: поверхность, занимающая $\frac{2}{3}$ нижней стороны орудия, гладкая; другая сторона более выпукла. Разбитый желвак превращен в ручное рубило грубой двусторонней подправкой краев широкими сколами. Нижний конец более массивен, сохраняет желвачную корку и закруглен в основании. Продольные края извилисты. Дополнительная подправка (грубая ретушь) выравнивает лишь широкое поперечное лезвие, слегка скошенное по отношению к длинной оси орудия, поэтому в месте соединения его с одним из продольных краев образуется острый угол — верхний конец изделия; приострение достигнуто снятием трех небольших фасеток, располагающихся на верхней выпуклой стороне.

Рубило найдено не в русле оврага, а на поверхности 80—100-метровой террасы совместно с несколькими отщепами мустьерского облика. Эта особенность залегания орудия становится понятной при исследовании

¹⁹ Первичным местом залегания ашельских изделий, как полагает Э. А. Вангенгейм, могла быть древняя поверхность 160—200 м террасы ляхвинской долины.

²⁰ Наиболее крупное из всех известных в литературе ручных рубил, найденных на территории нашей страны.

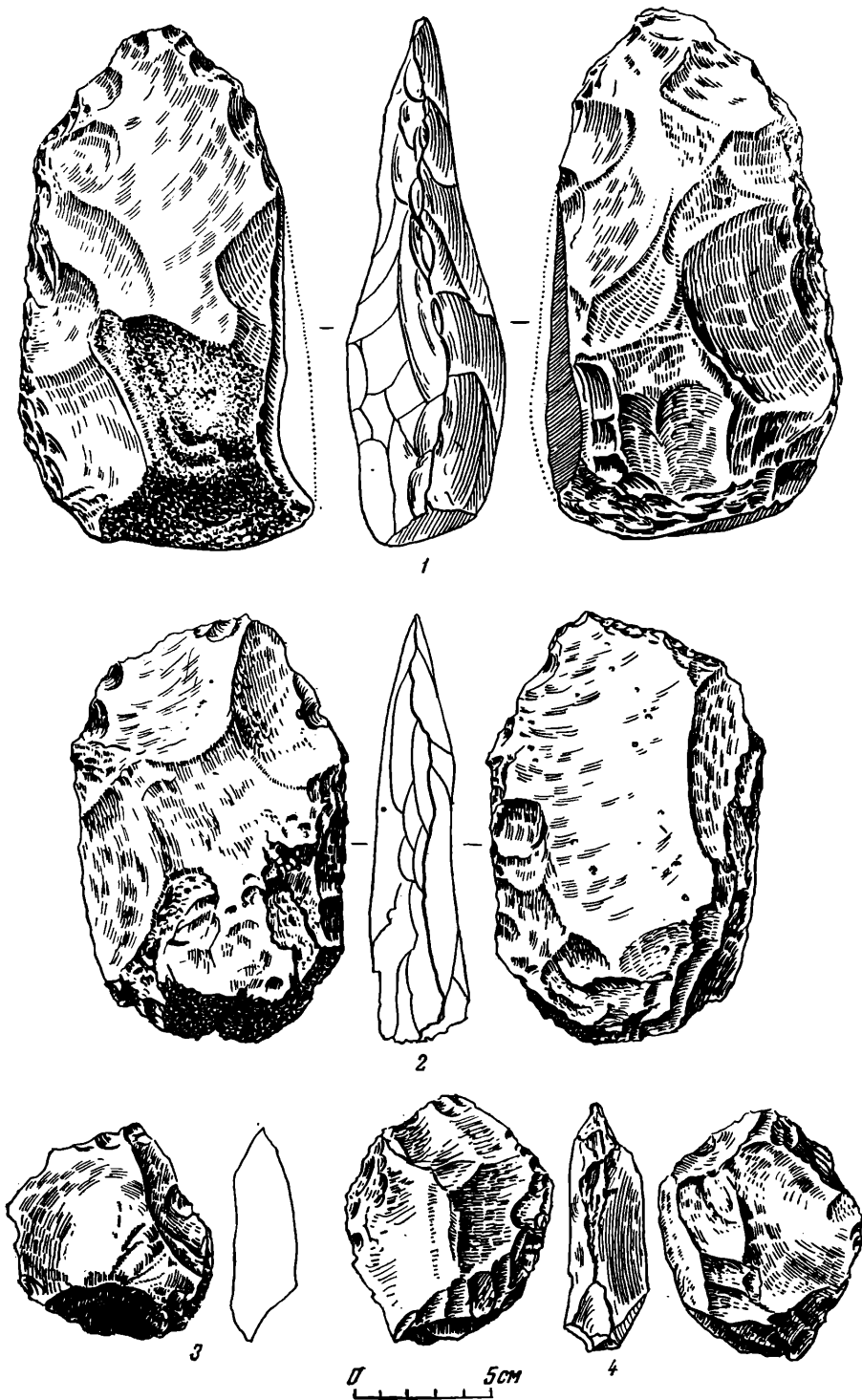

Рис. 9. Находки близ селений Квернети и Тамарашени.

1, 2 — ручные рубила; 3 — отщеп; 4 — рубиловидное орудие (1, 2, 4 — андезит; 3 — кремнистая порода; 1—3 — из Квернети; 4 — из Тамарашени).

вторичной подправки поперечного лезвия и верхнего конца. Дополнительная обработка их, как выяснилось, нанесена в более позднее время; патина, покрывающая фасетки вторичной подправки, лишена интенсивной пористости, которая характеризует остальную поверхность. Повторно орудие использовалось, по-видимому, еще в нижнепалеолитическое время (мустье?), так как степень патинизации фасеток подправки напоминает состояние поверхности андезитовых изделий, собранных на мустьерских местонахождениях Юго-Осетии. Небезынтересно отметить, что андезитовые отщепы, встречаемые в составе инвентаря стоянок эпохи бронзы (например, холм Шаршиат-Кадзах близ сел. Верхнее Хвце или холм Кувандон на окраине сел. Нижнее Рустави), сохраняют натуральный цвет андезита: темнозеленоватый, матовый.

Грубые рубящие орудия (9 экз.) — двусторонней формы, широко представленной в Квернети (в процентном отношении ко всему материалу). По ряду внешних признаков (массивность, тяжеловесность, изготовление из цельного желвака или крупного куска камня, обивка грубыми сколами, наличие значительных участков, не подвергавшихся обработке) эти орудия близко напоминают ручные рубила. Однако даже при самой беглой классификации их нетрудно выделить: очертания менее четки, обивка более небрежна и часто ограничивается лишь несколькими крупными приостряющими сколами, вторичная подправка почти отсутствует. Одно из этих орудий явно изготовлено из нуклеидной формы, подправленной по одному краю грубой двусторонней обработкой. Размеры изделия: длина — 11 см, ширина — 9 см, толщина — 4,2 см.

Нуклеусы встречены из андезитовой гальки (3 экз.) и осадочных пород (2 экз.). Форма — грубо-дисквидная. Два лучших образца весьма массивны (наибольший диаметр — около 8 см, толщина — около 4 см); края лишь на небольших участках выравнены сколами. Площадки нуклеусов, даже на подправленных участках расположены под тупым углом к фасеткам сколов. Выделяется чрезвычайно крупный тяжеловесный нуклеус (наибольший диаметр — 19 см, толщина — 10 см) из валуна гранита, расколотого надвое; несколькими стесами плоскость откола выравнена и использована в дальнейшем как отбивная площадка, от края которой отделено до десяти отщепов.

Широкие и массивные отщепы, составляющие большую часть находок (18 экз.) очень архаичного облика. Форма и размеры их разнообразны, неустойчивы. Около 50% отщепов можно выделить в группу укороченных (ширина превышает длину или равна ей); они массивны, неправильных четырехугольных очертаний (в среднем длина — 7 см, ширина — 7 см, толщина — от 1,3 см до 3,2 см). Для них характерны крупные выпуклые ударные бугорки, широкие гладкие площадки, несущие валунную корку либо часть плоскости откола валуна (подготовка нуклеуса не шла дальше простого раскола валуна или удаления одного из его концов без дальнейшей подправки); площадки в большинстве случаев расположены под тупым углом к брюшку. Несколько отщепов имеют в точке удара сосцевидный выступ, а на бугорке изъязнец и лучеобразно расходящиеся мелкие трещинки-складки (рис. 9—3). Грани на спинке неправильных форм. Все отмеченные признаки характерны и для остальных отщепов, контуры которых отличаются широкими подтреугольными или удлиненными очертаниями. На ударных площадках пяти экземпляров этой группы заметны негативы нескольких сколов — следы предварительной подправки. Два отщепа дополнительно обработаны посредством грубого стесывания: характерный прием вторичной обработки, применяемый при изготовлении нижнепалеолитических двусторонних орудий.

Из орудий следует упомянуть два скребловидных изделия и примитивное сверло (массивное острие).

В целом инвентарь квернетского местонахождения указывает на домустьерский возраст памятника. Архаичная техника расщепления камня (малая распространенность подправки площадок на нуклеусах), примитивный облик двусторонних форм (тип заготовок, массивность и тяжеловесность орудий, наличие утолщенной пятки и значительных участков, незатронутых обивкой, характерные грубые приемы первичной и вторичной обработки) позволяют предварительно определить дату местонахождения ранним или средним ашелем.

Нижнепалеолитическое местонахождение Дампалети лишь установлено рекогносцировкой; количество находок очень невелико (небольшое ручное рубило, отщепы, массивные широкие пластины). Расположено оно в 1,5 км к северу от квернетского местонахождения в такой же балке, прорезающей древние высокие террасы правого борта долины р. Б. Лиахва. Балка, однако, менее глубока (8—10 м); пологие склоны ее почти всюду задернованы или поросли кустарником. Лишь в средней части ручьем размыты суглинково-галечниковые отложения и, очевидно, из них вынесены андезитовые изделия.

По технике изготовления, размерам, сохранности поверхности и другим признакам находки из Дампалети стоят близко к андезитовым изделиям Лаше-Балта, Тигва и Квернети.

Местонахождение Тамарашени расположено на поверхности 25—30-метровой лиахвинской террасы в 100—900 м севернее одноименного селения. Терраса в этом месте долины достигает 600—700 м ширины. Обитые андезиты приурочены к поверхности приречной части террасы, простираясь вглубь нее на 300—400 м. В июле 1954 г. здесь собрано около 250 различных находок; подавляющее большинство их составляют андезитовые отщепы. Законченных орудий почти нет; удалось выделить лишь небольшую группу весьма небрежно исполненных небольших рубиловидных изделий (рис. 9—4) и несколько скребловидных орудий. Материалы сборов еще находятся в обработке, и окончательное заключение будет дано позже.

Однако уже сейчас можно сказать, что хорошая сохранность поверхности андезитов, залегание их в пахотном слое невысокой речной террасы и отсутствие орудий каких-либо хорошо выраженных и типичных палеолитических форм ставят, по-видимому, находки вне рамок древнекаменного века. Следует отметить, что поверхность соседней, более низкой 10-ти метровой террасы-ступени лишена находок обитых андезитов.

Долина р. Малая Лиахва. Малая Лиахва — наибольший приток Большой Лиахвы. К югу от сел. Белоти долина реки носит открытый характер. Расширение долины происходит за счет резкого понижения ее правого террасированного берега, при обследовании которого и удалось выявить следы палеолита.

В 200—300 м к северу от сел. Кохати на поверхности высокой террасы (40—60 м) собрана группа андезитовых отщепов типичного леваллуа-мустьерского облика (отщепы удлинённых очертаний и сравнительно тонкого сечения; спинки их правильных очертаний, площадки подправлены на нуклеусе). Единичные изделия (скребло, отщеп) найдены также и южнее сел. Кохати на том же террасовом уровне. Но самая выразительная находка — андезитовое ручное рубило — обнаружена в 1,5 км к югу от селения в глубоком овраге Хуыск-адаг (Сухой овраг). Русло этого оврага сплошь выстлано галечником; местами встречаются довольно крупные валуны. Галька переполняет и отложения, слагающие стены оврага. Ручное рубило найдено в 600 м от устья, в нижней части левого склона, среди оползающей гальки и валунов. Нет все же уверенности, что оно не принесено потоком из верхней части оврага. Находка единична: даже повторный тщательный осмотр местности оказался безрезультатным.

Ручное рубило из Кохати (рис. 8—1) — длина его 11,8 см, наибольшая ширина у основания 7,7 см, поперечное сечение 3,3 см — изготовлено на массивном отщепе удлиненно-треугольных очертаний. Характер заготовки обусловил асимметричность изделия в поперечном разрезе. Ударная площадка и бугорок удалены несколькими крупными плоскими сколами, наносившимися, очевидно, в целях утоньшения нижней части орудия. Остальная часть нижней плоскости — гладкая поверхность брюшка — не затронута обработкой. Симметричные боковые края отщепа заострены со стороны спинки мелкими сколами и крупной ретушью с заломами. Неровность левого края вызвана несколькими более поздними выщербинами. Небольшие повреждения заметны и у верхнего конца, который тем не менее сохраняет вид суженного остря.

Р. М. МУНЧАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НАГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ в 1954 г.

Дагестан чрезвычайно богат памятниками материальной культуры, отражающими почти все историко-культурные эпохи. Однако он является наименее изученной в археологическом отношении областью Кавказа.

Относительно лучше исследована узкая приморская полоса Дагестана, в частности Дербентский, Каякентский, Карабудахкентский районы и окрестности Махачкалы.

Что же касается горной и высокогорной части Дагестана, где сосредоточено основное большинство местных народностей, то она изучена еще очень мало. До сего времени здесь не проведено сколько-нибудь значительных археологических разведок и тем более больших стационарных раскопок.

На основании довольно отрывочных и не всегда документированных материалов из нагорного Дагестана не представляется возможным восстановить основные этапы общественно-экономического и культурно-исторического развития местных племен, а также хотя бы в общем гипотетическом порядке решать этногенетические задачи. Поэтому Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР поставил в качестве первоочередной работы планомерное и систематическое изучение археологических памятников горного Дагестана. Организованная в 1954 г. Институтом совместно с Дагестанским краеведческим музеем археологическая экспедиция явилась первым шагом к разрешению поставленной задачи¹.

Основной целью экспедиции было выявление путем разведок древних и средневековых памятников материальной культуры в горах Дагестана с тем, чтобы с будущего года начать стационарные раскопки и провести детальное обследование зафиксированных археологических объектов. Для разведок избраны Губинский, Акушинский и Кулинский районы.

Гунибский район, населенный аварцами, расположен в центральной полосе нагорного Дагестана, в его юго-западной части.

Работы были сосредоточены в окрестностях аула Чох, находящегося в 12 км на юго-восток от районного центра — с. Гуниб. Здесь, в местности

¹ В экспедиции приняли участие: от Института ИЯЛ ДагФАН — Р. М. Мунчаев (начальник экспедиции), М. И. Пикуль, В. Г. Котович, В. М. Котович, И. Г. Гревцов; от Республиканского музея — М. И. Исаков, Н. Д. Путинцева; от Дагпединститута — М. Ю. Шовкринский, от механического техникума г. Махачкалы — Н. К. Елисеев и Ю. М. Самсонов.

Нохола-ад², колхозник Исаак Чантилов указал разрушенный склеп в виде колодца, со стенами из сланцевых плит, перекрытый массивной каменной плитой. При осмотре ложины выявлен интересный склеповый могильник.

Одновременно с раскопками могильника велись разведки окружающей местности для выявления поселения, с которым могильник связан, и других археологических объектов. Во время разведки В. Г. Котович собрал значительное количество кремневых орудий и отщепов.

Местонахождение кремневых орудий — Чохская стоянка — находится в урочище Маарда, у подошвы горы Кьюри, примерно в 600—700 м к востоку от Нохола-ада. Находки обнаружены на небольшой террасе (100 × 20 м) по правой стороне узкого ущелья, где протекает р. Каль. Терраса на 15—20 м возвышается над уровнем реки. Ее юго-западный склон ежегодно распаивается для посева табака. Наибольшее количество кремневого инвентаря концентрировалось в северо-западной части распаханного участка, здесь и был заложен разведочный раскоп площадью 2 × 1,5 м.

Культурный слой, обильно насыщенный кремневыми отщепами, угольками, остатками очагов, кусочками охры, расколотыми и часто обожженными костями животных, оказался относительно мощным, достигающим толщины 1,05 м. Раскопанный участок, судя по громадному обилию кремневых отщепов, поделок (6 тыс. экз.) и готовых орудий, являлся, по-видимому, частью мастерской по производству кремневых орудий. Обнаруженный здесь материал представляет почти все стадии обработки кремня — от желваков до готовых орудий. Характерны нуклеусы пирамидальной и призматической формы (рис. 10 — 1—3). Размеры их колеблются от 3 до 5 см. Нуклеусам соответствуют микролитические ножевидные пластины; отдельные из них обработаны по краю мелкой ретушью. Среди микролитов встречаются пластины с выемкой и в виде проколов (рис. 10 — 4—9). Интересны скребки на отщепах. Выделяются скребки малых размеров (5—6 см) с ретушью по краям (рис. 10 — 14—15). Есть отщепы округло-четырёхугольной формы, с вторичной обработкой в виде сколов по всей поверхности (рис. 10 — 10—12), отщепы в виде заостренного орудия и даже с подобием черенка, на который нанесена мелкая ретушь, и др. (рис. 10 — 13).

В настоящее время трудно еще судить о возрасте Чохской стоянки. Безусловно, что это памятник каменного века, скорее мезолитической эпохи, однако для определения более точной даты должна быть проведена большая работа, к тому же раскопки стоянки еще продолжаются³.

Чохская стоянка — это наиболее древний памятник в нагорном Дагестане. Открытие его является самым большим достижением Дагестанской археологической экспедиции 1954 г. Значение этого открытия трудно переоценить, особенно если принять во внимание почти полную неизученность каменного века восточного Кавказа вообще, Дагестана в частности. Известные нам несколько неолитических памятников в Дагестане и Чечено-Ингушетии находятся в предгорной (Буйнакская стоянка) и преимущественно равнинной части. Ни одного столь древнего памятника так высоко в горах Кавказа не было открыто. С открытием Чохской стоянки возникают перспективы разрешения общей проблемы времени и путей хозяйственного освоения и заселения местными племенами горных и высокогорных районов северо-восточного Кавказа.

---

² Местность Нохола-ад расположена в 1,5 км на юго-восток от аула Чох, в горной полосе, на высоте около 2000 м над уровнем моря.

³ Раскопки Чохской стоянки ведет В. Г. Котович. Им подготавливается монография об этом памятнике. Выражаем надежду, что там будет решен вопрос о датировке этого памятника.

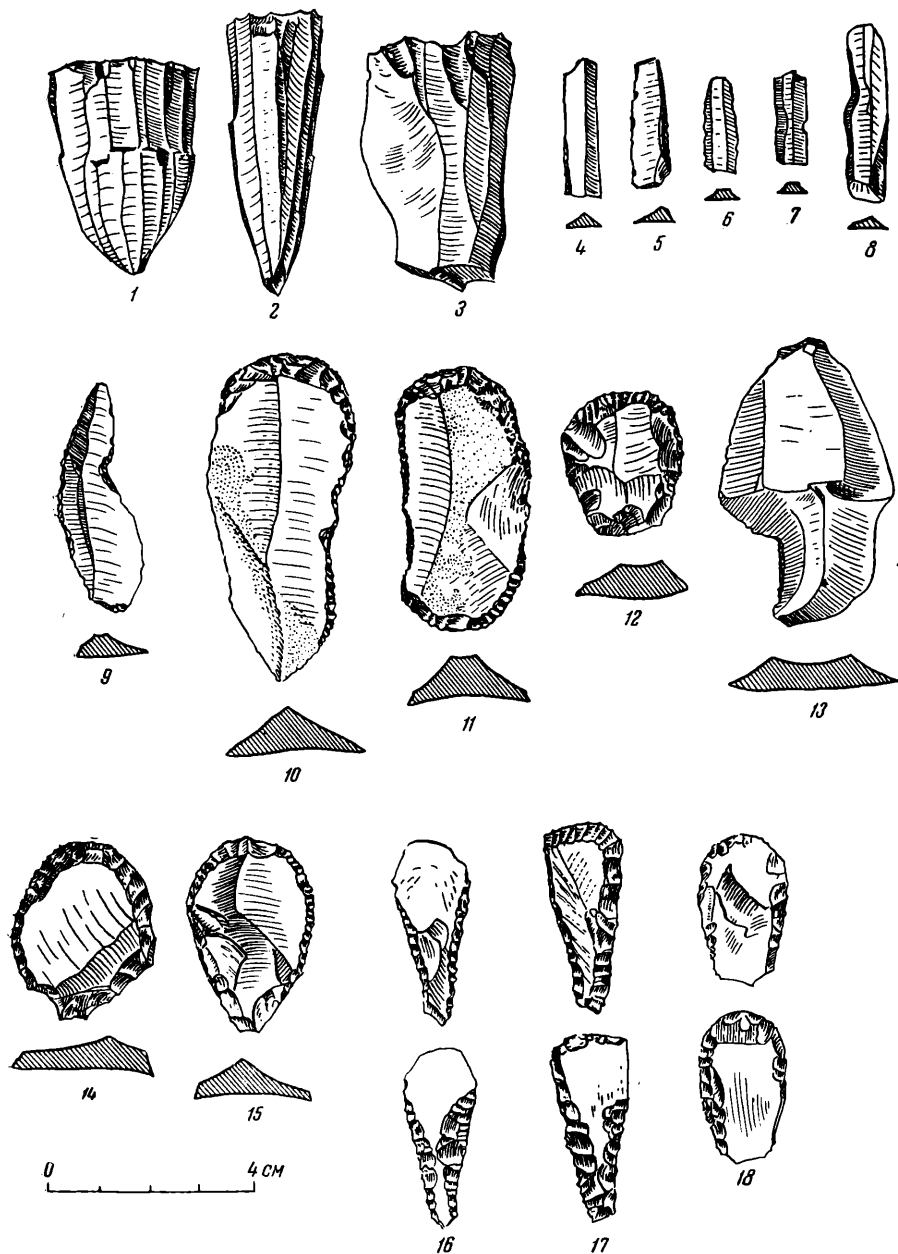

Рис. 10. Кремневый инвентарь из Чохской стоянки и Чохского могильника.
 1—3 — нуклеусы; 4—9 — микролитические пластинки; 10—12 — кремневые отщепы с вторичной обработкой в виде сколов; 13 — отщеп в виде заостренного орудия; 14, 15 — кремневые скребки; 16—18 — кремневые отщепы, обработанные по краям (1—15 — из Чохской стоянки; 16—18 — из склепа № 3 Чохского могильника).

Чохский могильник. Нохла-ад — узкая лощина, окруженная со всех сторон, за исключением южной, горами. Расширяясь в южном направлении, она спускается четырьмя небольшими горными террасами к дороге, ведущей из аула Чох к колхозным мельницам на р. Каль. Склепы расположены на террасах (на верхней — четвертой — один склеп, на третьей —

другой, на второй — предпоследней террасе — два склепа) и тянутся в один ряд по направлению с востока на запад.

Могилы обнаруживаются легко благодаря наличию небольших каменных насыпей и массивных плит-перекрытий, обычно выступающих одним концом из-под насыпи. Максимальная высота насыпи около 0,6 м.

Мы расчистили два ограбленных склепа (№ 2 и № 3), расположенных на третьей и четвертой террасах, и раскопали один (№ 1) на второй.

Склеп № 1 имел слегка возвышающуюся насыпь ($2,6 \times 2,35 \times 0,2$ м), представлявшую часть каменного завала могильной ямы и склепа. В отличие от других склепов, специальной плиты-перекрытия не было. Могильная яма прямоугольной формы вытянута по линии север—юг. Стенки склепа состояли в основном из 9-ти ярусной кладки плоских горизонтально положенных насухо сланцевых плит (толщина — 0,18—0,22 м). Глубина могилы — 1,95 м. В юго-восточной части склепа на глубине 0,9 м находился порог в могилу.

Человеческие кости были разбросаны по всей могиле, причем отмечено чередование нескольких слоев костей и каменных плит. Погребенные (судя по количеству черепов, их было 15) лежали беспорядочно, слегка засыпанные землей и главным образом заваленные сланцевыми плитами и булыжниками. Отсутствие многих костей, нахождение их в фрагментированном состоянии в могиле и иногда даже за ее пределами, расположение костей и челюстей одного черепа в значительном отдалении друг от друга и т. д. с несомненностью доказывают вторичность погребения, т. е. что здесь совершены захоронения останков уже сильно истлевших трупов.

В склепе найдено много костей мелкого и крупного рогатого скота, которые лежали без всякого порядка между человеческими костями.

Погребальный инвентарь состоял из большого количества специально разбитых сосудов, множества пастовых (бисер) и сердоликовых бус, бронзовых бус, бронзовых спиральных колечек в 1,5 оборота и бронзового браслета с заходящими концами. Все эти предметы были также беспорядочно разбросаны по всей могиле.

Насыпь склепа № 2, состоявшая из камней вперемешку с землей и щебнем ($5,30 \times 1,80 \times 0,60$ м), лежала на массивной, перекрывавшей склеп плите ($1,72 \times 1,60 \times 0,22$ м). Склеп овальной формы; $1,55 \times 1,60$ м в верхней части (у потолка) и $1,63 \times 1,35$ м у основания; глубина от потолка (плиты-перекрытия) до основания — 1,7 м. Стены сложены из 9—12 рядов хорошо обтесанных плит песчаника и сланца. Кладка сухая.

В стенах открыты две ниши: одна в южном конце могилы, прямо под плитой-перекрытием (ширина ее — 0,55 м, высота — 0,17 м и глубина — 0,25 м), вторая в западной части, на 0,49 м ниже перекрытия. Ее размеры соответственно равны: 0,28 м, 0,17 м и 0,45 м.

Установить обряд погребения не удалось. Большинство костей истлело, а несколько сохранившихся оказалось беспорядочно разбросанными в могиле. Склеп был ограблен.

Найдены фрагменты керамики, много пастовых, гагатových и сердоликовых бус, привеска из кости с отверстием, бронзовые височные подвески (рис. 11—9—13), а также бронзовый колпачок с отверстием в середине (рис. 11—7).

Склеп № 3 также овальной формы. Глубина его — 1,75 м, диаметр верхней части — $1,15 \times 1,05$ м, диаметр основания — $1,10 \times 1,06$ м. Плита-перекрытие значительно разрушена. Размеры сохранившейся ее части — $1,3 \times 0,8 \times 0,2$ м. Стены сложены 12 рядами сухой кладки из плит сланца и песчаника. В западной стенке (в третьем и четвертом ряду кладки сверху) на глубине 0,3 м находилась ниша (высота — 0,26 м, ширина — 0,25 м и глубина — 0,35 м). По словам местных жителей, в нише стоял сосуд, в котором лежали серьги и бусы.

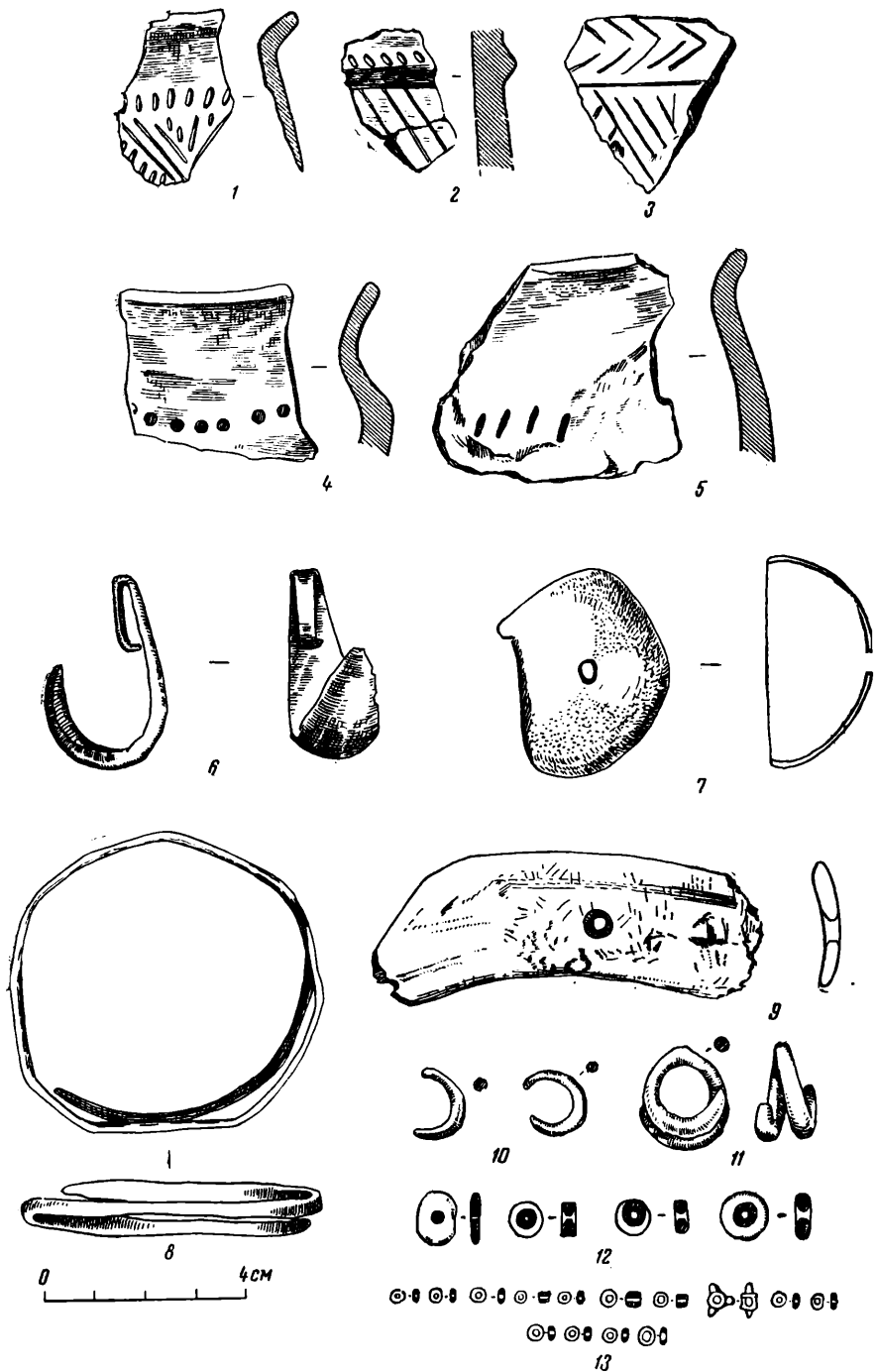

Рис. 11. Инвентарь из Чохского могильника.

1—5 — фрагменты сосудов; 6 — бронзовая подвеска; 7 — бронзовый полусферический колпачок; 8 — бронзовый браслет; 9 — привеска из кости; 10, 11 — бронзовые полутораспиральные привески; 12 — гагатомые и сердоликовые бусы; 13 — пастовые бусы (1—5 — из разных склепов; 6 — из склепа № 3; 7, 9—13 — из склепа № 2; 8 — из склепа № 1).

Судя по количеству черепных костей, в склепе было погребено 13 человек. Ввиду значительной потревоженности костяков в результате ограбления, определить их положение не удалось. Можно лишь предположить, что погребенные находились в сидячем положении вдоль стен склепа на разных уровнях.

Между человеческими костями лежали черепки сосудов, пастовые бусы, часть бронзовой височной подвески (рис. 11—6), три кремневых отщепа, обработанных по краям ретушью (рис. 10—16—18), а также кости мелкого и крупного рогатого скота.

Несмотря на различие типов могильных сооружений, все три склепа представляют погребальные сооружения для коллективных захоронений и объединяются единством инвентаря.

Каков обряд погребения в склепах № 2 и № 3, сказать трудно. Что же касается склепа № 1, то здесь мы наблюдаем обряд вторичного захоронения — явление, широко распространенное по времени и по территории, особенно на Кавказе. Как выяснено исследованиями последних лет, обряд вторичного захоронения был наиболее распространен в древности в Дагестане (сравнительно с другими областями Кавказа). Вторичные погребения открыты здесь в могильниках эпохи ранней бронзы и второй половины II тысячелетия до н. э. Они зафиксированы и в могильниках каякентско-хорочоевской культуры (первая половина I тысячелетия до н. э.), в частности, в Хорочоевском могильнике. Здесь, например, погребение № 36 совершено в могиле прямоугольной формы, стены которой были выложены из нескольких рядов каменной кладки, в отличие от всех остальных (49) погребений, совершенных в каменных ящиках⁴. Эта могила по конструкции ничем не отличается от склепа № 1 Чохского могильника. Разница лишь в размерах. Важно, что кости скелета в могиле № 36 были разбросаны по всей ее площади; мелкие кости разломаны. Между человеческими костями находились кости животного и фрагменты керамики, т. е. та же самая картина, что и в склепе № 1 Чохского могильника, с той лишь разницей, что в могиле № 36 погребены останки одного костяка — а в склепе — пятнадцати.

Аналогичные погребения, относящиеся к каякентско-хорочоевской культуре, раскопаны также в Кизил-яре⁵ и Новом Черкее⁶. Интересно, что в Новом Черкее, наряду с могилами, в которых кости были разбросаны, отмечены погребения в скорченном положении на боку.

Таким образом, устанавливается связь описываемого памятника с каякентско-хорочоевской культурой. Эта связь более ярко раскрывается при анализе погребального инвентаря.

Основной инвентарь — керамика. Ни одного целого сосуда не обнаружено — их в могилы не ставили. Этот факт бесспорен и представляет одну из специфических особенностей памятника⁷.

Сосуды слабого обжига, темно-серого цвета. На отдельных фрагментах имеется орнамент в виде елочки, косо расположенных углублений, округлых вдавлений по тулову, валика, украшенного косыми углублениями, большого налета рогообразной формы и др. (рис. 11—1—5). Подобная орнаментация характерна для керамики каякентско-хорочоевской культуры.

⁴ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА. № 68, 1958, стр. 130, 131, рис. 54, 2; рис. 56.

⁵ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан. «Древности», Труды МАО, вып. 2—3, 1886, Протоколы, стр. 36.

⁶ А. А. Захаров. Contributions to Archeology of Dagestan, II. Kozybski excavations in Northern Dagestan. ESA, VI, p. 159—166.

⁷ Характерно, что в могилу № 36 Хорочоевского могильника также не был поставлен целый сосуд (там найдено лишь несколько черепков), хотя в остальных могилах они находились.

Остальной инвентарь также типичен для этой культуры. Например, очень характерна височная подвеска из тонкой раскованной пластины (рис. 11—6). Такие подвески, встреченные почти во всех могильниках предскифского периода северо-восточного Кавказа (только в Хорочоевском могильнике их найдено 26 штук), обычно называются подвесками каякентско-хорочоевского типа⁸.

Характерен упомянутый выше бронзовый колпачок полусферической формы⁹ из склепа № 2.

Сердоликовые и пастовые бусы, в том числе с тремя рогатыми выступами («бородавчатые»), височные подвески в 1,5 оборота, бронзовый браслет (рис. 11—8), найденные в склепах, довольно часто встречаются в могильниках каякентско-хорочоевской культуры¹⁰.

В склепах Чохского могильника предметы вооружения не встречены. Это вполне естественно, т. к. отсутствие оружия в погребениях является одной из наиболее характерных особенностей подобных памятников.

Таким образом, несомненно, что могильник у сел. Чох может быть датирован рубежом II—I тысячелетия до н. э. как относящийся к кругу памятников каякентско-хорочоевской культуры.

Открытие его расширяет ареал распространения этой культуры вглубь центральной части нагорного Дагестана. При сохранении ряда общих черт в обряде и инвентаре, характерных преимущественно для западной группы каякентско-хорочоевских памятников, в Чохском могильнике можно обнаружить и значительные особенности. Достаточно указать на тип погребальных сооружений в виде овального в плане колодца, обнесенного выложенной из каменных плит стеной и перекрытого сверху массивной сланцевой плитой. Характерным для могильника надо признать и положение в могилу не целых сосудов, а только их фрагментов.

Безусловно, при дальнейшем изучении памятника с большей четкостью выявятся эти и другие его особенности, что позволит детально охарактеризовать культурно-историческое развитие племен нагорного Дагестана в эпоху поздней бронзы.

На основании предварительного изучения материалов могильника у сел. Чох можно предположить, что в центральной части нагорного Дагестана обнаружится особая группа памятников каякентско-хорочоевской культуры, связанная с определенной этнической общностью. Тщательные исследования в этом направлении могут в конце концов привести нас к пониманию причин этнической пестроты населения нагорного Дагестана, которая наблюдается в настоящее время.

Об этом свидетельствуют и результаты работы в Акушинском районе, населенном даргинцами и также расположенном в центральной полосе нагорного Дагестана.

Экспедиция обследовала открытый в 1941 г. М. И. Исаковым могильник близ аула Муги, в местности Гургенчала-Хаб, в 10 км на северо-восток от районного центра — сел. Акуша.

Склепы могильника расположены по направлению с северо-запада на юго-восток, почти вдоль дороги из аула Муги в сел. Мулебги. Склепы

---

⁸ А. П. Круглов. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. Уч. записки ЛГУ, серия историч. наук, вып. 13, 1949, стр. 118, рис. 5 (3).

⁹ Там же, стр. 118, рис. 5 (2).

¹⁰ Бусы с рогатыми выступами встречены и в погребениях более раннего времени в Дагестане (курган у ст. Манас), в Кабарде (Нальчикский могильник, погребение № 31) и Осетии (Кумбултский могильник «Верхняя Рутха», погребение № 16). См. А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 127, табл. II, рис. 9; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 56—58, рис. 19 (8, 9).

сооружены на возвышенных местах и отстоят один от другого на расстоянии примерно от 30 до 300 и больше метров.

Обнаружено четыре склепа, два из которых оказались разрушенными при сооружении животноводческой фермы. Два других склепа основательно ограблены. Тем не менее раскопки показали, что они все же очень интересны.

Склеп № 1 расположен на северо-западной оконечности высокого плато, ограниченного с западной стороны руслом пересохшей речки. Над склепом была насыпь толщиной 0,5 м, состоявшая из рыхлой земли, перемешанной с камнями и щебенкой. Под насыпью обнаружена огромная погребальная камера в виде вытянутого прямоугольника, ориентированного по линии север-западо-запад—юг-востоко-восток. Перекрытие состояло из четырех массивных сланцевых плит, к которым по бокам примыкали мелкие плиты. Наиболее массивная плита (размерами 1,68 × 1,14 × 0,32 м) перекрывала западную половину склепа. Размеры всего перекрытия — 2,38 × 1,67 м; глубина склепа — 1,6 м от нижнего края перекрытия, длина — 2,27 м, ширина — 1,43 м.

Стены тщательно сложены насухо из камней и сланцевых плит, иногда сбесанных. Обычно в нижней части находились массивные, вертикально поставленные плиты, а сверху шла кладка из горизонтально поставленных плит.

На глубине от 1,2 до 1,6 м были разбросаны кости человека, между которыми найдены фрагменты керамики и обработанный кремневый отщеп. Никакого порядка в расположении костей не установлено¹¹.

Склеп № 2 находится в 40 м к западу от склепа № 1, на правом высоком берегу пересохшего русла реки. Он сооружен в север-северо-восточной части курганообразной насыпи диаметром 12,5 м и высотой 1,0 м, состоящей из земли и крупных обломков камней.

Сохранилась лишь часть массивного перекрытия склепа — плита над его западной половиной¹². Ее размеры: 1,63 (север—юг) × 1,36 (восток—запад) × 0,12—0,30 м. Длина склепа (с востока на запад) — 1,75 м, ширина — 1,0 м, глубина — 1,3 м. Он представляет аналогичную описанной выше погребальную камеру, но меньших размеров, ориентированную строго по линии восток—запад. Стены сложены таким же образом, как и в склепе № 1. Например, западная стена составлена из двух вертикально и двух горизонтально поставленных плит, а северная — из одного ряда вертикально и пяти ярусов горизонтально поставленных сланцевых плит.

На глубине 0,9—1,25 м в разных частях склепа лежали фрагменты керамики, полуистлевшие части черепа и трубчатых костей человека. Установить позу погребенного поэтому не удается.

Мы не можем характеризовать обряд погребения в описанных склепах; дать историко-культурную характеристику памятника и установить его хронологию. Дело в том, что аналогичные склепы мало известны в Дагестане и вообще на Кавказе. В обоих склепах найдено 12 фрагментов керамики. Это в основном черепки тонкостенных сосудов (0,5 см) с темно-серой и серо-желтой наружной и темно-серой внутренней поверхностью, с прямым невысоким венчиком, слегка отогнутым наружу. От венчика до дна сосуды были орнаментированы рядами зубчатых вдавлений. Подобные сосуды и орнаментация до сих пор не встречены в керамических комплексах Дагестана и сопредельных областей Кавказа. В склепе № 2 обнаружены три фрагмента толстостенной керамики (0,8—1,1 см), сделанной из грубого теста с большим содержанием примесей шамота и белых извест-

¹¹ Грабители проникли в склеп через лазейку в центральной части перекрытия.

¹² По-видимому, при ограблении плита, перекрывающая восточную половину склепа, была снесена. Грабители разрушили также всю восточную стенку.

ковых частиц. Наружная поверхность черная без орнамента, внутренняя — серая.

Наличие в склепах такой архаической керамики с примитивной орнаментацией и обработанного кремневого отщепы позволяет лишь предположить, что памятник относится к глубокой древности, возможно, к эпохе бронзы.

Раскопки средневекового могильника в ауле Кули. Кулинский район расположен в бассейне р. Кази-Кумухское Койсу¹³, южнее Гунибского и Акушинского районов. Аул Кули находится на правом берегу Кази-Кумухского Койсу, в 10 км к юго-востоку от районного центра — сел. Вачи. Могильник, открытый в 1948 г. колхозным садоводом А. Рамазановым, расположен на северо-западной окраине сел. Кули, на левом обрывистом берегу р. Укаларат. В профиле обрыва видны северные стенки могильных сооружений.

В 1949—1950 гг. Л. И. Лавров произвел расчистку трех погребений, опубликовав некоторые собранные им материалы¹⁴.

Экспедицией вскрыты три могилы прямоугольной формы, ориентированные с северо-запада на юго-восток. Размеры их разные: например, могила № 2 была длиной в 2,05 м, шириной 0,45 м, глубиной 0,5 м. Стены ее сложены из вертикально и горизонтально поставленных плит; перекрытие каменное. Могила № 4 была грунтовой, овально-вытянутой формы, ориентированная также с северо-запада на юго-восток. Ее размеры: 1,8 × 0,7 м; перекрытие состояло из груды наклонно стоящих плит.

Погребенные во всех могилах лежали вытянуто на спине, головой на юго-восток-восток.

Сочетание грунтовых могил с погребениями в каменных ящиках или склепах является характерным для могильников домусульманского средневековья Дагестана¹⁵. Ориентировка могил почти всегда одинакова. Так, например, склепы могильника в местности Бецла-кала в 2 км к югу от сел. Гапшима Акушинского района¹⁶ также ориентированы с северо-запада на юго-восток¹⁷.

Характерно для таких могил наличие в них уголков. Любопытно, что в некоторых встречаются не целые предметы, а лишь отдельные фрагменты, что очень типично для Гапшиминского могильника. Можно указать, например, что в Кулинском и Гапшиминском могильниках найдены кусочки бронзового зеркала, стекла и бус. По-видимому, эта черта составляла особенность погребального обряда населения домусульманского средневековья нагорного Дагестана.

Нельзя не обратить внимания и на то, что три глиняных сосуда, обнаруженных нами при раскопках Кулинского могильника, находились не в погребениях, а над ними, между плитами надмогильных перекрытий. Сосуды сделаны на гончарном круге и отличаются хорошим обжигом. Среди них поливной сосуд с ручкой (высота — 10 см), полива — зеленого цвета.

Интересен и остальной погребальный инвентарь. Среди украшений есть железные браслеты с несомкнутыми концами (рис. 12—4); бронзовые

¹³ Кулинский район населен лакцами. Здесь местным жителем (М. Сенгуровым) случайно обнаружены два каменных топора эпохи бронзы. Один из них был передан экспедиции в 1954 г. Топоры хранятся в Дагестанском музее.

¹⁴ Л. И. Лавров. Ранне-средневековый могильник в нагорном Дагестане. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XIII, 1953; его же. Археологические разведки в Дагестане в 1947 и 1950 гг. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XIV, 1954.

¹⁵ Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд раннесредневекового Дагестана как исторический источник. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 101—109.

¹⁶ Могильник открыт в марте 1955 г. при сооружении силосных ям.

¹⁷ В Агачкалинском могильнике (VII—X вв. н. э.) погребенные ориентированы ногами к склону, т. е. так же, как в Кулинском. Укажем здесь же, что для средневековых могильников Дагестана характерно и одинаковое месторасположение. (См. Н. Б. Шейхов. Указ. соч.).

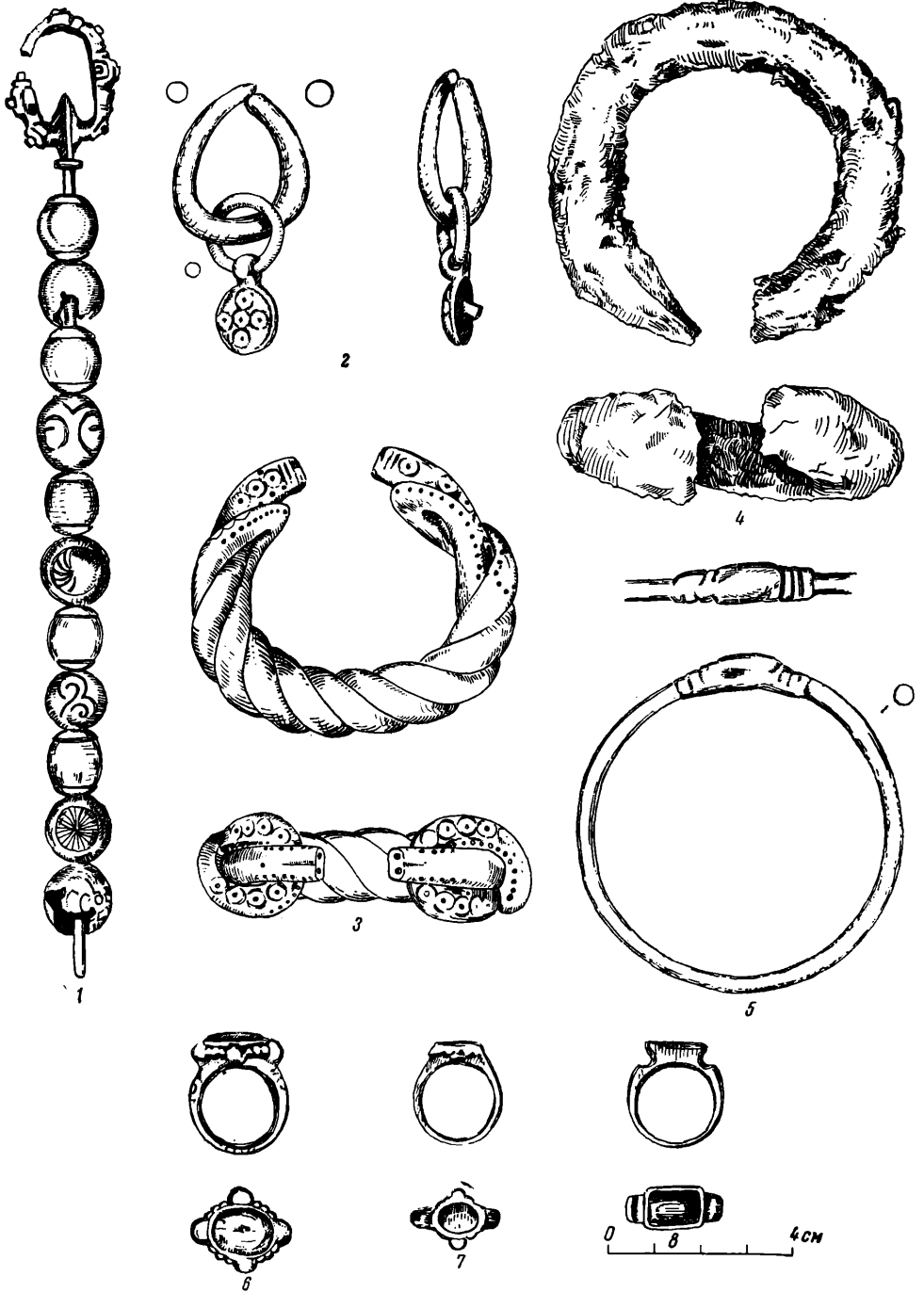

Рис. 12. Украшения из Кулинского могильника.

1, 2 — бронзовые подвески; 3, 5 — бронзовые браслеты; 4 — железный браслет; 6—8 — бронзовые перстни.

замкнутые браслеты, круглые в сечении (рис. 12—5); бронзовое колечко архаической формы; бронзовые перстни, из которых выпали камни (рис. 12—6—8); бронзовые подвески, состоящие из двух различных по диаметру колец. В состав ожерелья из стеклянных глазчатых бус (могила № 4) включены три подвески из мергеля. Ряд ценных предметов из различных погребений Кулинского могильника (рис. 12—1, 3) передал экспедиции А. Рамазанов¹⁸.

Кулинский могильник, судя по наличию в погребениях поливной посуды, изящной стеклянной посуды позднего типа, тонко отделанных стеклянных браслетов (находка А. Рамазанова) и другим признакам, может быть датирован XIII—XV вв. н. э.

Помимо обследования и раскопок памятников в горных районах, экспедиция в 1954 г. провела небольшие разведочные работы в равнинной части Дагестана, в частности в Дербентском районе, на поселении у сел. Великент¹⁹.

Сел. Великент расположено в 25 км к северо-западу от Дербента. Поселение находится на холме «Земновар-тепе», в 0,5 км к югу от села. Холм неправильно овальной формы и вытянут с северо-запада на юго-восток. Длина его — 175 м, ширина — 150 м, высота — 9 м.

Поселение располагалось на ровной площадке вершины холма. В настоящее время центральная часть площади древнего поселения занята колхозной фермой и дворами для загона скота, вокруг которых прорыты широкие и глубокие (1,5 × 1 м) канавы, где обнаруживаются в большом количестве фрагменты лепной керамики, обломки кремня, зернотерки, куски глиняной обмазки и т. д. В юго-западной части холма прорыто несколько широких и глубоких канав (2—4 × 1—2 м) длиной до 15 м, также сильно нарушивших культурный слой поселения.

Подъемный материал встречается почти по всей вершине и по пологим склонам. Это преимущественно фрагменты керамики и куски глиняной обмазки. Нами найдено свыше 30 целых и обломанных зернотерок, несколько фрагментов кремневых вкладышей и миниатюрные кремневые стрелы.

Разведочный раскоп (1,5 × 1 м), заложенный в центре поселения, показал, что культурный слой достигает здесь толщины двух метров. Керамика во всех горизонтах однотипна. Поэтому можно утверждать, что Великентское поселение — памятник однослойный.

Культурный слой обильно насыщен фрагментами керамики и костями домашних животных, преимущественно мелкого рогатого скота. Керамика в основном темно-серого и буроватого цветов. Фрагменты отдельных сосудов хорошо обработаны, иногда до блестящего темного лощения. Представлены типичные формы неолитических сосудов, известные нам в Дагестане по раскопкам Каякентского поселения. Один из черепков (найден в десятом слое, глубина 1,80—2,0 м) был украшен налепным спиральным орнаментом, характерным для южнокавказской неолитической культуры.

Следует особенно подчеркнуть находку фрагментов стенок сосудов, украшенных налепной полоской с защипами. Сосуды с таким орнаментом встречены и в других неолитических памятниках северо-восточного Кавказа, в том числе и на Каякентском поселении. То, что подобный орнамент обнаружен на неолитической керамике, свидетельствует, вопреки существующему мнению, о его раннем происхождении.

¹⁸ Хранятся в Дагестанском краеведческом музее.

¹⁹ Великентское поселение открыто еще в прошлом столетии А. А. Русовым. См. В. АС. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 515.

В 1953 г. В. Г. Котович произвел здесь сбор подъемного материала и небольшие раскопки на соседнем холме, представлявшем собой, судя по обилию фрагментов керамики и керамического шлака, гончарную мастерскую.

Из других находок интересны: обломок глиняного колеса, кремневое орудие в виде отбойника шаровидно-уплощенной формы, каменный топорик и костяная проколка (все они найдены в восьмом слое, на глубине 1,5 м).

Великентское поселение по расположению — на вершине холма, наличию типичных форм керамики (к тому же с наклепным орнаментом), каменной булавы, ладьевидных зернотерок, костяной проколки и т. д., входит в круг памятников южнокавказского или так называемого куро-аракского энеолита²⁰.

Большое количество зернотерок свидетельствует о развитии земледелия у местных племен. Процентное соотношение костей мелкого и крупного рогатого скота (примерно 75 : 25) показывает, что в стаде, принадлежавшем обитателям Великентского поселения, преобладал мелкий рогатый скот. Такое соотношение характерно для всех энеолитических поселений Кавказа. Оно связано с развитием здесь яйлажной формы скотоводства.

---

²⁰ Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 5—22. (На северо-восточном Кавказе известно теперь шесть аналогичных энеолитических памятников).

П. Н. ШУЛЬЦ и А. Д. СТОЛЯР

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОЛИНЕ САЛГИРА¹

В 1954 г. экспедицией Крымского филиала АН УССР в зоне Симферопольского водохранилища проводились раскопки курганов с погребениями эпохи бронзы и раннежелезного века².

Раскопки проводились на двух берегах Салгира, в 4 км к юго-востоку от Симферополя, между селениями Марьино и Лозовое.

Река и многочисленные родники долины, ее плодородные почвы уже с первобытных времён, судя по стоянкам и курганным могильникам, привлекали сюда человека. Здесь он мог заниматься рыболовством, охотой, скотоводством и земледелием. К тому же это место долины с относительно пологими берегами и ложбинами удобно для передвижений из степного Крыма через Салгир в Курцево-Сабловскую балку и долину р. Альмы.

На левом берегу Салгира раскопано два кургана эпохи бронзы (№ 1, 2) и курганообразная насыпь (№ 3), датируемая средневековым временем. На правом берегу вскрыто 11 курганов (№ 4—13, 15), возникновение которых относится к эпохе бронзы, и один (№ 14), датирующийся началом века раннего железа.

Курган № 1 — самый большой в левобережной Марьинской группе (высота — 2,3 м; диаметр — 27 м) — насыпан в несколько приемов; первая продолговатая насыпь — высотой всего лишь 1,2 м при длине около 18 м и ширине 15 м. В центре на древней дневной поверхности находилось каменное сооружение из обломков диорита (5,0 × 4,2 м, высотой — 1,25 м). К юго-западу от него открыто меньшее овальное сооружение (2,9 × 2,2 м, высотой 0,75 м) с впадиной в середине, в которой обнаружены скопления угля и обломки плохо обожженных лепных сосудов.

В середине большого сооружения, под камнями, расчищен посыпанный красной охрой скелет старика (№ 19), положенного на спину, головой на

¹ Доклад на секции неолита и бронзы на Отчетной сессии ИИМК АН СССР, 1955 г.

² Работы проведены на средства строительства. Считаю своим долгом принести благодарность руководящему персоналу строительства, его начальнику М. И. Ермошенко, главному инженеру И. И. Титову и другим сотрудникам за всемерную помощь, оказанную экспедиции в осуществлении ее работ.

Предварительные разведочные работы в зоне водохранилища проводились Крымским филиалом в 1953 г. См. П. Н. Шульц. Работы Северо-Крымской экспедиции. КСИА, вып. 4, Киев, 1950, стр. 97 сл.; А. А. Щепинский. Археологические разведки в долине реки Салгира. Известия Крымского отдела Географ. об-ва Союза ССР, вып. 3, 1954, стр. 81—90.

В 1954 г. раскопки велись левобережным (начальник П. Н. Шульц) и правобережным (начальник А. Д. Столяр) отрядами. Раскопки отдельных курганов производились Ю. Г. Колосовым, А. А. Щепинским, Т. Н. Троицкой, Х. И. Крис, А. Н. Щегловым, В. С. Забелиной, И. В. Абрамовой (МГУ) и А. М. Лесковым (Харьковский университет).

северо-восток, с руками, сложенными на груди. На дне могилы — слой мелкой гальки. Около костяка — кремневый отщеп и обломок плохо обожженного лепного сосуда. Рядом с большим сооружением в центре кургана, в яме (2,2 × 1,65 м), врезанной в материк на 0,4 м, раскрыто парное погребение (№ 17). Мужской костяк лежал вытянуто, головой на юго-восток-восток. Под головой плоский камень, рядом еще восемь таких же камней. Правая рука мужского костяка лежала под женским, перерубленным пополам по тазу, кости ног которого сложены у головы³. Оба покойника были положены на деревянные плахи и посыпаны красной охрой; у головы женщины стоял, по-видимому, круглый деревянный сосуд, от которого сохранилось лишь пятно коричневого тлена. У левой руки мужчины — кремневый отщеп с ретушью.

В 4 м на юго-запад от центральной могилы (№ 17) в яме находилось погребение женщины с ребенком (№ 18). Костяк ее лежал скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Вещей не было.

Помимо двух главных погребений (17—18) в первой, древнейшей насыпи обнаружено еще пять (№ 7—11). Костяки в погребениях № 7 и 10 (в отличие от № 18 и 17) лежали на материке: костяк младенца (№ 10) скорченно, головой на восток, возле головы — лепной плоскодонный горшок; костяк в северо-восточной поле кургана (№ 7) — на спине, ноги подогнуты. У ног — два плоскодонных горшка. Оба скелета были посыпаны красной охрой. В погребении № 9 (юго-восточная пола древнейшей насыпи на уровне древней почвы) костяк лежал на спине, головой на юго-восток-восток; на фалангах правой полусогнутой руки — плоскодонный горшок. Сходно с ним и погребение (№ 11), находившееся на расстоянии около 1 м к северо-востоку. Плохо сохранившийся костяк лежал на древней почве, по-видимому, на спине, головой на юго-запад. Плоскодонный горшок стоял на кисти левой руки.

С древнейшими захоронениями (№ 7—11, 17—18) связана прямоугольная площадка на поверхности древней почвы со следами кострища и небольшим круглодонным горшком ямного типа (рис. 13—2).

Погребение № 8 вскрыто в юго-западном секторе близ малого каменного сооружения. Оно было впущено в древний гумус. Костяк лежал на левом боку в сильно скорченном положении, головой на восток. В ногах — ямного типа горшочек с округлым дном (рис. 13—3). Рядом обнаружен небольшой прямоугольный каменный ящик (0,5 × 0,3 м), сложенный из четырех известняковых плит (высота — 0,3 м) и перекрытый двумя плитами.

В ящике находился лишь ямного типа сосуд с округлым дном (рис. 13—4). Следов погребения или трупосожжения не было. Этот небольшой своеобразный каменный ящик, являвшийся своего рода жертвенником, особенно интересен как наиболее древний из известных в Крыму.

Древнейшие погребения, площадка с кострищем и оба каменных сооружения связаны, судя по керамике, с поздне-ямной культурой (примерно первая четверть II тысячелетия до н. э.).

По истечении нескольких веков курган был надсыпан. Во вторичной насыпи обнаружено 12 впускных погребений (№ 1—6, 12—16, 19), которые, судя по керамике, в известной мере напоминающей формы сосудов катакомбного времени (рис. 13—8), относятся, по-видимому, ко второй

³ Совместные захоронения мужчины и женщины с признаками ритуального убийства встречались в погребениях эпохи бронзы в Крыму.

См. статью Х. И. Крис и Е. В. Веймарн. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. (В этом выпуске);

К. Ф. Соколова. Антропологические материалы кургана эпохи бронзы в Бахчисарайском районе. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 26—34.

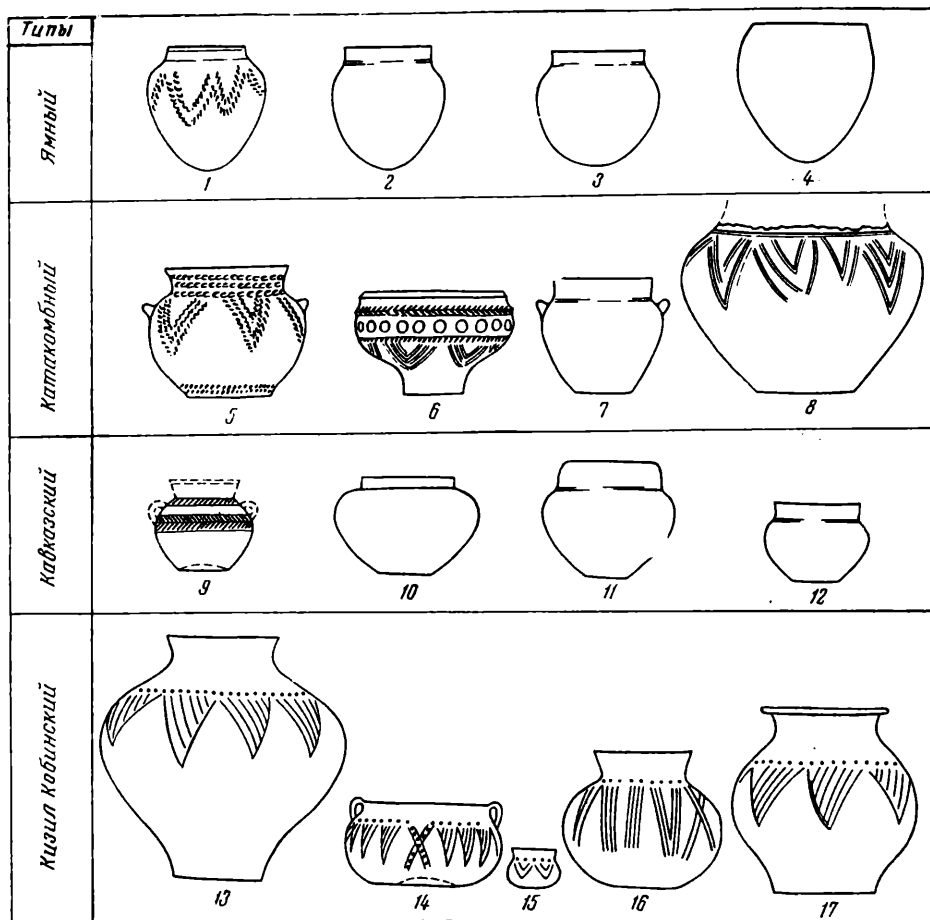

Рис. 13. Таблица основных типов сосудов из курганов долины реки Салгира.

1, 13 — курган № 7; 2—4, 8 — курган № 1; 5 — курган № 5; 6, 14 — курган № 12; 7 — курган № 10; 9, 10, 17 — курган № 6; 11, 12, 15 — курган № 4; 16 — курган № 14.

четверти II тысячелетия до н. э. По краю позднейшей засыпки, увеличившей высоту кургана, местами сохранилась каменная обкладка. Периферийное погребение № 16 в яме (1,9 × 1,55 м), врезанной в материк на 0,3 м, было заложено сверху двумя известняковыми плитами и камнями. Костяк, лежавший на спине, головой на северо-запад, с согнутой левой ногой и вытянутой правой, с кистями рук, положенными на бедра, был посыпан красной охрой. У плеча помещался плоскодонный сосуд с поясом из треугольников на плечиках (рис. 13 — 8) с отбитым венчиком, приближающийся по форме к катакомбным, но местной грубой работы.

Большая часть погребений во второй насыпи впущена в центральную часть кургана, иногда на небольшую глубину — от 0,1 до 1 м. Почти все они, за исключением двух (№ 1, 2), по всей вероятности, относятся ко второй четверти II тысячелетия. Погребения обычно заложены небольшими камнями, инвентарь беден: в головах или около рук в отдельных случаях ставился простой плоскодонный горшок. Лишь в погребении № 4, кроме горшка, лежала речная галька с просверленным отверстием (возможно, грузило). Часть костяков — в скорченном положении, у некоторых руки согнуты в локтях, кисти рук нередко у рта (№ 3, 12); большая часть

ориентирована головой на восток, меньшая — на юг, юго-восток и северо-восток. Лишь в двух могилах без инвентаря, впущенных на небольшую глубину, костяки лежали вытянуто, головами на запад. Может быть, эти две могилы относятся уже к началу железного века. Все погребения, за исключением последних двух, были посыпаны красной охрой.

Таким образом, в кургане № 1 обнаружено всего 19 погребений (костяков — 21), из них 7 погребений (9 костяков) в первой насыпи, причем два наиболее древних были парными (в № 17 — мужчина и женщина, в № 18 — женщина с ребенком), и 12 погребений и столько же костяков в последующей засыпке. Инвентарь бедный. Кроме горшков, найдены лишь упомянутое «грузило» и кремневые отщепы. Костей животных не было.

Датировка позднейшей части насыпи, помимо сосудов во впускных могилах, уточняется находками в насыпи массивных зернотерок, курантов, обломков керамики, безусловно попавших сюда из культурного слоя близлежащей стоянки эпохи бронзы во время позднейшей подсыпки кургана. Первая же насыпь, в отличие от позднейшей, не дала находок, не относящихся к ритуалу погребений.

Курган № 1 особенно интересен находками керамики местного типа, в ранних погребениях подражающей древнеямным сосудам, а в поздних — катакомбным.

Курган № 2 (высота — 1 м, диаметр — 16,5 м) расположен в 135 м на юг от первого. Насыпь была покрыта каменной обкладкой из небольших известняковых камней. В насыпи найдены кремневые отщепы и обломки лепных сосудов, попавшие сюда, по-видимому, из культурного слоя прилегающей стоянки.

Под насыпью выявилась кладка шириной от 2 до 3 м, из рваного камня в один слой, образующая как бы прямоугольную ограду со сторонами 11 и 14 м. В центре кургана и внутри ограды находилась могила удлиненной формы (2,3 × 0,6 м), впущенная в материк (на глубину 1,45—1,50 м). В ней лежал вытянуто на спине мужской костяк, обращенный головой на юго-запад; левая рука — вдоль туловища, правая согнута, кисть — у нижней челюсти. В погребении куски охры, а в засыпи — два обломка лепной керамики. Могила была заложена камнем.

Очень вероятно, что прямоугольная каменная кладка, имеющая отдаленные аналогии в каменных сооружениях Надпорожья⁴, в данном случае представляла собой своеобразную ограду могилы. Вещей в погребении не оказалось, поэтому датировать его трудно. Оно относится, вероятнее всего, к эпохе бронзы.

Курганообразная насыпь № 3 (высота — 0,45 м, диаметр — 12,5 м) расположена в 72 м юго-западнее первого кургана. Это груда беспорядочно набросанных, перемешанных с землей камней, среди которых встречены обломки средневековых реберчатых круглодонных амфор (VI—IX вв.). Под насыпью обнаружен культурный слой стоянки эпохи бронзы. Находившиеся здесь камни собраны, по-видимому, в ранне-средневековое время при распашке поля.

Правобережным отрядом раскопано 12 курганов (№ 4—15). Один из них (№ 6) достигал высоты 2,3 м, четыре других (№ 5, 7, 12 и 13) — около 2 м; высота кургана № 4 равнялась 1 м, шесть других малых курганов (№ 8—11, 14—15) едва достигали 0,2—0,8 м, так что наиболее низкие из них с трудом различались на местности. В большинстве курганов были полусферической формы; некоторые из них, овальные в плане, продолговатых очертаний.

Почти все насыпи (кроме № 13) были покрыты сверху каменной обкладкой; в одних случаях она закрывала центральную часть (№ 8, 9, 10,

⁴ А. Добровольський. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі. АП УРСР, т. II, 1949, стр. 191—200.

14 и 15), а в других прослеживалась лишь на отдельных участках (№ 5, 7, 12). Кольцевые каменные ограждения по краю насыпи наблюдались в курганах № 8, 14 и 13.

Три насыпи (№ 10, 11 и 13), наиболее близкие к руслу Салгира, размещались на подъеме коренного берега на большом расстоянии одна от другой и от остальных раскопанных курганов, составлявших компактную группу и являвшихся частью курганного поля, которое простиралось по ложбине в северо-восточном направлении в сторону степей на протяжении более 2 км.

Приведем краткие предварительные сведения о результатах раскопок правобережных курганов.

Курган № 4 (высота — 1 м, диаметр — 18 м). Наиболее древним среди погребений оказался каменный ящик прямоугольной формы, без покровной плиты, с остатками трех захоронений. Четыре плиты стенок были поставлены вертикально; на верхних гранях двух из них имелись чашечные углубления. Ящик окружала горизонтальная, овальная в плане выкладка из камня. Два сосуда, обнаруженные внутри ящика (рис. 13—11—12), существенно отличаются от керамики, обычной для раннетаврских ящиков горного Крыма; они напоминают сосуды из дольменов Кавказа и указывают на раннюю дату вскрытого погребения (эпоха бронзы). Это подтверждается и стратиграфическими наблюдениями: первоначально ящик не был перекрыт насыпью, и сооружение кургана связано с несколько более поздней грунтовой могилой № 8 с деревянным перекрытием (скорченный скелет лежал на левом боку и был ориентирован на северо-восток). К этой могиле по времени близко погребение № 7 с аналогичным положением костяка, совершенное, когда деревянное перекрытие грунтовой могилы еще не дало просадки.

В дальнейшем в ту же часть насыпи впущены еще шесть погребений, одно из которых сопровождалось круглодонным кубком (рис. 13—15) кизил-кобинского типа (VII—VI вв. до н. э.).

Курган № 5 (высота — 1,6 м, диаметр — 18 м). В центральной части насыпи находилось монументальное сооружение, овальное в плане, с крутыми боковыми стенками (рис. 14—1). Под ним на древней дневной поверхности, на подсыпке из речной гальки, прослежены остатки истлевшего и раздавленного камнями костяка. У юго-западного края той же подсыпки, рядом с вертикально поставленным диоритовым блоком, выявилась грунтовая яма неправильной овальной формы. Скелет в ней лежал в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на юг (погребение № 4).

Вторая грунтовая могила находилась на периферии кургана, к северу от центра. Яма была вырыта с уровня древней дневной поверхности. Это захоронение несколько более позднее, чем № 4. Яма овальная, расширилась книзу, а ее стенки нависали над дном в северном и южном концах. По-видимому, в этой особенности могилы сказалось подражание катакомбной камере; к тому же сопровождавший сосуд, украшенный шнуровой орнаментацией и снабженный двумя ушками, принадлежит к типичным катакомбным формам (рис. 13—5). Скелет лежал на спине вытянуто, головой на юг.

Кроме того, в насыпи обнаружены две группы плохо сохранившихся впускных погребений: одна — в центральной части и вторая, включающая в свой состав погребение с кубком кизил-кобинского типа, — под южной полкой.

Курган № 6 (высота — 2,4 м, диаметр — 30 м) венчал вершину небольшого холма. Каменная панцирная обкладка купола насыпи особенно монументальна (толщина достигала 1 м). Она была в форме неправильного овала, окаймленного по внешнему краю наиболее крупными, зачастую

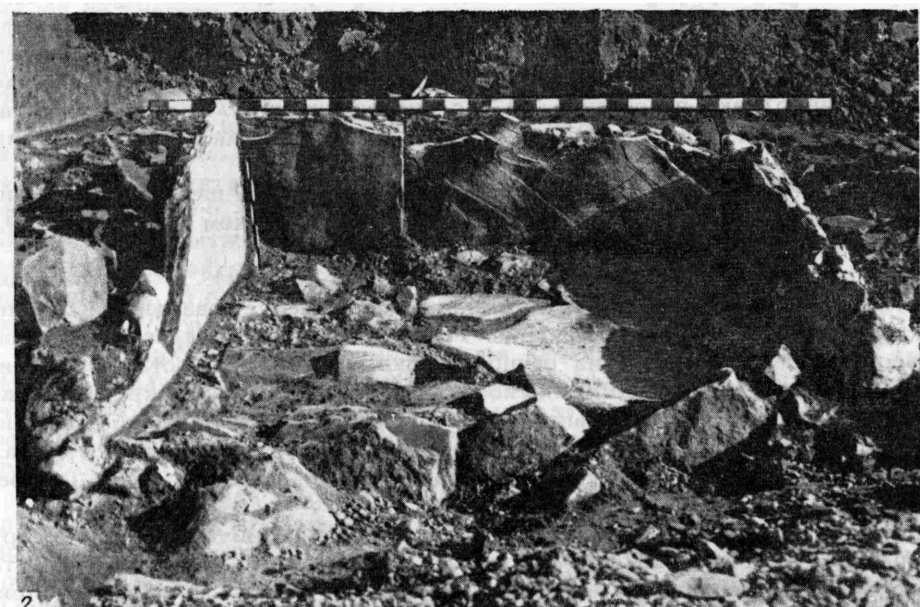

Рис. 14. Курган № 5, каменное сооружение в центре насыпи (1) и курган № 6, каменный ящик из крупных плит (2).

стоящими вертикально блоками. Две грунтовые могилы, перекрытые большими обработанными песчаниковыми плитами, располагались одна западнее, а другая — восточнее центра. В восточной могиле обнаружен сосуд реповидной формы с низким цилиндрическим венчиком и круглым вдавлением в нижней части дна (рис. 13 — 10).

Под южной полой на горизонте плиточного перекрытия грунтовых могил находился большой каменный ящик почти квадратной формы (2,5 × 2,3 м), сооруженный из пяти тщательно подогнанных песчаниковых плит (рис. 14 — 2). На дне — слой подсыпки из речной гальки, а выше его заполнение (мощностью до 0,35 м), состоявшее из земли, отдельных

камней и многочисленных фрагментированных и перемещенных человеческих костей. По предварительным подсчетам в ящике находилось около 30 разрушенных скелетов. Инвентарь этой коллективной усыпальницы включал: обломки сосудов (в том числе сосуда с зонально располагающимся резным елочковидным орнаментом, рис. 13—9), большой тщательно отретушированный кремневый нож, кремневый скребок, половину диоритового молота с цилиндрической сверлиной и медное или бронзовое шильце, квадратное в сечении.

В верхних горизонтах насыпи встречены впускные погребения эпохи поздней бронзы и кизил-кобинского времени (см. сосуд на рис. 13—17). Рядом с одним из них лежал подпрямоугольной формы большой каменный блок с чашечными углублениями на малой поверхности.

Курган № 7⁵ (высота — 2 м, диаметр — 24 м) был сильно поврежден старыми траншеями, которые, однако, не задели четырех наиболее древних грунтовых погребений. Три из них (с охрой) находились в центре насыпи на расстоянии 3,5—4 м одно от другого. Ямы имели прямоугольную форму; две из них (№ 2 и 3) перекрывались обработанными песчаниковыми плитами. В погребении № 2 детский скелет лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на север-северо-восток. В погребениях № 3 (детское) и № 4 (девочки-подростка) костяки лежали на спине, ноги согнуты, колени подняты вверх.

Все три могилы врезаны в материк с одного и того же горизонта древней дневной поверхности, каждая из них была перекрыта небольшой насыпью из темного гумуса.

Таким образом, в основе кургана лежит не одна, а три хронологически близкие древние могильные насыпи. Их датировка древнейшими временем устанавливается на основании инвентаря погребения № 2: типичного остродонного горшочка с веревочным орнаментом (рис. 13—1), «игольника» из трубчатой кости птицы с остатками разрушившегося (медного?) предмета и шаровидных керамических бусинок слабого обжига.

Еще одно погребение (№ 5) занимало периферийное положение и находилось в материковой овальной яме. Скелет лежал на спине (ориентировка север-северо-запад), ноги сильно подогнуты, так что кости голени перекрывались бедрами, а пяточные кости — тазом.

В одном из впускных погребений оказался крупный сосуд черного лощения с резным орнаментом (рис. 13—13), характерным для позднего этапа кизил-кобинской культуры (VII—VI вв. до н. э.).

Курган № 8 (высота — 0,5 м, диаметр — 11 м). Каменная обкладка низкой насыпи окаймлялась по краям частично сохранившейся крепидой из крупных блоков. В насыпи обнаружено восемь захоронений, из которых семь находились в центре на разных глубинах, перекрывая или прорезая одно другое. Основное погребение (№ 8) было в грунтовой могиле и сопровождалось плоскодонным горшком, датируемым временем поздней бронзы, и морской просверленной раковиной (*Patella*), находившейся под черепом скелета, ориентированного на юго-запад. Оно прорезалось ямой впускного погребения № 7 (вытянутый на спине скелет, ориентирован на запад), где обнаружены небольшой орнаментированный кубок кизил-кобинского типа и глиняное пряслице. Могила № 7 прорезала также одно из захоронений в слое подпочвы (№ 5 — костяк лежал вытянуто на спине, ориентирован на юг-западо-запад).

Курган № 9 (высота — 0,6 м, диаметр — 12 м). Основное захоронение (№ 6) находилось в материковой подпрямоугольной яме глубиной 0,75 м. Скорченный скелет, лежащий на левом боку и ориентированный головой на восток, сопровождался каменным уплощенным навершием в виде

⁵ А. М. Лесков. Седьмой симферопольский курган. КСИИМК, вып. 67, 1957.

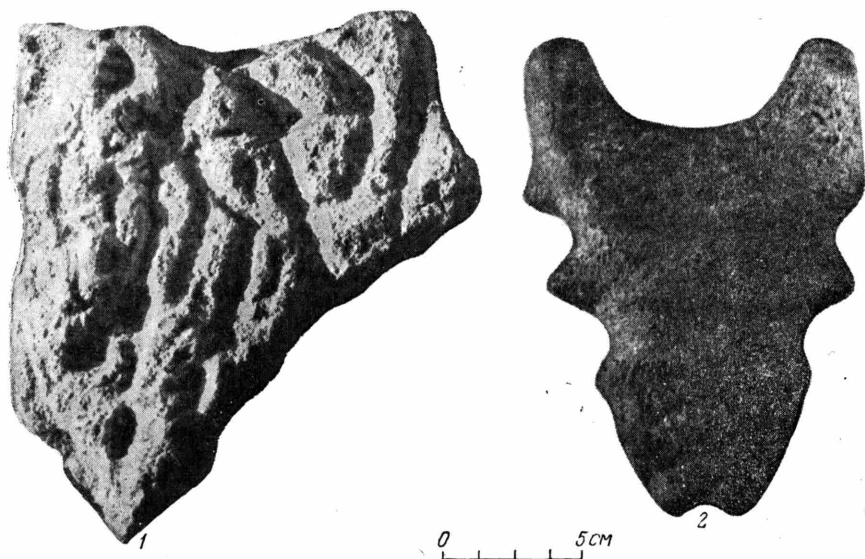

Рис. 15. Фрагмент стелы со знаками из каменного ящика кургана № 11 (известняк — 1) и изображение головы быка из основного погребения кургана № 9 (песчаник — 2).

стилизованной головы быка, тщательно высеченным из плотного песчаника (рис. 15 — 2). У черепа — пятно красной охры.

К этому погребению, по-видимому, близка по времени могила № 5 с аналогичным положением костяка. Она прорезала материковый выброс из основной могилы.

Из остальных четырех впускных захоронений три находились под нижней горизонтальной каменной кладкой севернее центра кургана. Наиболее раннее из них (№ 2, скорченное, на левом боку, ориентированное на восток) было повреждено последующим (№ 3, вытянутое, на спине, ориентированное на северо-запад), которое, в свою очередь, почти полностью разрушено заключительным погребением (№ 4, вытянутое на спине, ориентированное на юго-запад). Отсутствие инвентаря при всех впускных погребениях затрудняет их датировку.

Курган № 10 (высота — 0,8 м, диаметр — 10 м). Непосредственно под слоем верхней каменной обкладки насыпи расчищен четырехугольный каменный заклад, в границах которого размещалось погребение № 1. Скорченный, на правом боку, скелет (ориентировка восточная) и часть диоритовых камней заклада перекрывали материковый выброс.

Основное (№ 2) захоронение находилось в центре и занимало западную половину вытянутой ямы прямоугольной формы. Скелет лежал на спине, ноги согнуты, голова обращена на северо-восток-восток. У черепа найден глиняный сосуд, по-видимому катакомбного времени, с вытянутым, несколько расширяющимся кверху туловом, низким цилиндрическим горлом и двумя горизонтально поставленными ушками (рис. 13 — 7). Восточная половина ямы была обложена по стенкам каменными плитками, покрывавшими и часть дна. Здесь прослежено зольное пятно, а некоторые из камней были закопчены.

Курган № 11 (высота — 0,7 м, диаметр — 16 м). В южной половине насыпи на горизонте подпочвы и материка выявились три грунтовые могилы подпрямоугольной формы (№ 2, 4 и 5), располагавшиеся в плане примерно так же по вершинам треугольника, как и в кургане № 7. Не-

смотря на плохую сохранность костяков в могилах № 2 и 4, удалось установить, что все грунтовые погребения принадлежали детям, положенным на боку скорченно и ориентированным головой на восток с отклонением либо к северу (№ 4 и 5), либо к югу (№ 2). При этом погребение № 4 было двойным, рядом с остатками черепов — пятно красной охры.

Значительно выше грунтовых захоронений, в центре насыпи, непосредственно под слоем дерна обнаружен каменный ящик вытянуто-овальной формы, сложенный из небольших песчаниковых плит и прикрытый по концам двумя крупными плитами из песчаника, а в середине — обработанной квадратной известняковой плитой. Внутри ящика, под центральной плитой стоял обломок известняковой стелы со знаками на лицевой поверхности (круг с перекрестием, чашечные углубления и др., рис. 15 — 1). Погребение находилось под ящиком и было ориентировано так же, как и он (скелет лежал на спине, головой на юго-запад). У края ящика, к югу от него, два захоронения (№ 7 — взрослого и № 8 — двойное детское), причем костяки в них лежали вытянуто. В могиле № 8 обнаружены два орнаментированных сосуда кизил-кобинского типа. Выше погребений № 7 и 8 открыты остатки двух или трех разрушенных скелетов.

Курган № 12 (высота — 2 м, диаметр — 42 м). В основном погребении находился скорченный костяк, на левом боку, головой на северо-восток-восток. Он лежал в большой и глубокой прямоугольной яме, южнее центра насыпи. Яма (глубина ее 1,18—1,35 м) была перекрыта обрушившимся впоследствии сплошным деревянным накатом из плах и жердей; на плахах сохранился тонкий слой известковой подсыпки. Инвентарь исчерпывался кремневой ножевидной пластинкой с ретушью по краю и кремневым отщепом (найден у ступней). Отмечены также следы охры. Погребение можно отнести к древнейшей культуре.

Второе по времени захоронение вскрыто в северо-восточном секторе, рядом с небольшой каменной кладочкой и глубже нее. Вытянутый на спине скелет (ориентировка — юг-юго-восток), посыпанный охрой, лежал в слое погребенного гумуса. У правого плеча находился глиняный сосуд-ваза с поддоном, относящийся к катакомбной культуре. Поверхность вазы и ее ножка покрыты богатой зональной геометрической орнаментацией (рис. 13 — 6). Тут же лежал большой кремневый наконечник копья лавролистной формы, тщательно обработанный отжимной ретушью.

В том же секторе под двумя другими каменными кладочками, залегающими выше упомянутой и аналогичными ей, обнаружены: под первой значительно более позднее погребение — лежащий вытянуто на спине скелет подростка (ориентировка западная), при котором у поясничного позвонка найден бронзовый наконечник стрелы, трехлопастный, втульчатый с шипом (первая половина VI в. до н. э.); под второй — орнаментированный сосуд — миска кизил-кобинского типа (рис. 13 — 14) при полном отсутствии следов костяка.

Группа впускных погребений времени поздней бронзы и начала века железа открыта в верхних горизонтах насыпи, несколько южнее ее центра.

Курган № 13 (высота — 1,6 м, длина — 40 м, ширина — 24 м) отличался вытянутой формой насыпи, что, по-видимому, связано с ее долговременной распашкой в одном направлении. В центральной части под насыпью вскрыта сооруженная на поверхности древней почвы монументальная овальная каменная кладка с разрывами в некоторых местах (диаметр около 12 м). Кроме того, под лагами насыпи удалось отметить фрагментарные остатки второго, внешнего кольца, выложенного из небольших камней.

Внутри центрального кольца, у его северо-восточного края, в яме, углубленной в материк, находился неполный череп оленя (*Cervus elaphus*)

с рогами, обращенными ветвями вверх⁶. Вещи, как и следы погребения, отсутствовали.

Погребения обнаружались за границами внутренней выкладки, по юго-западную сторону ее дуги. Здесь выявлены: вытянутое детское захоронение (ориентировка западная) и погребение взрослого человека (на спине, ноги несколько согнуты в коленях; ориентировка западная), небольшой прямоугольный каменный ящик из песчаниковых плит без каких бы то ни было остатков погребения и грунтовая могила с тремя последовательно совершенными захоронениями (№ 5—7). В наиболее раннем из них (№ 7) скелет лежал скорченно на правом боку и был ориентирован на юго-восток-восток. В погребении № 6 — костяк положен на спине, ноги согнуты (ориентировка восточная). В последнем (№ 5) — скорченный костяк лежал на правом боку и был ориентирован, в отличие от двух предшествующих, головой на запад. Это погребение прорезало погребение № 6.

Курган № 14 (высота — 0,4 м, диаметр — 10 м). Открытое при раскопках единственное погребение относится к кизил-кобинскому времени. Оно помещалось под центром насыпи, в материковой яме, которая сверху была заложена плоскими обломками камня. Вытянутый на спине костяк был обращен головой на запад. Рядом с черепом стоял сосуд кизил-кобинского типа, сферической формы, украшенный резным геометрическим узором по лощеной поверхности (рис. 13—16). Около правого предплечья скелета лежали кости, по-видимому, барана (жертвенная пища). Среди всех раскопанных курганов это единственное основное подкурганное погребение, относящееся к кизил-кобинской культуре. Все остальные захоронения, сопровождаемые сосудами кизил-кобинского типа, были впускными.

Курган № 15 (высота — 0,2 м, диаметр — 6 м). Под каменной обкладкой насыпи, между двумя небольшими вертикально поставленными песчаниковыми плитами, находились фрагментированные остатки трех скелетов (в том числе двух детских). Ниже их, в неглубокой подпрямоугольной яме, помещалось основное погребение (скорченный скелет на левом боку, ориентирован головой на юго-запад-запад), сопровождаемое двумя плоскодонными горшками, датируемыми временем поздней бронзы.

В районе расположены курганов, на современной дневной поверхности и под насыпями некоторых из них найдены кремневые изделия (наконечники дровиков, скребки, отдельные вкладыши и нуклеусы, пластинки, отщепы и т. п.). Однако, как показала шурфовка, культурный слой находившейся здесь поздненеолитической стоянки не сохранился, и его небольшие останцы уцелели лишь под насыпями курганов № 4 и 10.

* * *

Раскопки курганов и стоянок в зоне Симферопольского водохранилища в 1954 г. впервые в Крыму дали значительный материал по эпохе бронзы.

Исследования показали, что в предгорной части долины Салгира, на территории, примыкающей к Симферополю, сохранились следы отдельных стоянок от мезолита до начала века железа. Среди курганных погребений есть очень древние, относящиеся к древнеямной культуре, может быть конца III тысячелетия (курганы № 5, 7 и 12), и к ее позднему этапу (начало II тысячелетия до н. э., древнейшие захоронения в кургане № 1 и др.). Могильные ямы этих погребений углублены в материк, иногда покрыты большими обработанными по краям плитами или же деревянным накатом. Костяки положены или на спину, колени подняты вверх, или скорченно на

⁶ В 1955 г. при раскопках одного из курганов близ д. Марьино у Симферополя обнаружена относящаяся к древнеямной культуре могила, около которой лежал костяк оленя.

боку. Вытянутые погребения начала эпохи бронзы встречены в левобережном кургане № 1, где среди наиболее ранних оказались два парных захоронения: матери с ребенком, мужчины и женщины, насильственно умерщвленной. Из четырех наиболее архаических сосудов яйцевидной формы с округлым дном (рис. 13—1—4), напоминающих сосуды ямного типа, орнаментирован лишь один (курган № 7), который находит прямые аналогии в типично ямной керамике (рис. 13—1). В большинстве случаев погребения ориентировались на восток с отклонениями на север и юг.

Обычай захоронения в грунтовых могилах был распространен в Крыму и в катакомбное время. Могил катакомбной конструкции в курганах, исследованных в 1954 г., не обнаружено. По-видимому, в Крыму они были мало распространены⁷. Вместе с тем, признаки едва намеченного подбоя в двух концах могильной ямы наблюдались в одном случае (курган № 5).

Из сосудов, относящихся к катакомбной культуре, только два, украшенных характерным орнаментом, могут считаться типично катакомбными. Другие сосуды этого же времени местного происхождения отличаются значительным своеобразием (рис. 13—7, 8).

В погребениях древнеямного и катакомбного времени инвентарь или отсутствует или очень беден и состоит по преимуществу из отдельных сосудов; кроме них обнаружено несколько кремневых орудий, одно подшлифованное каменное, два изделия из меди или бронзы, каменное «грузило» и глиняные бусы. Особенно же интересно каменное навершие в виде головы быка (курган № 9), которое свидетельствует о существовании в то время культа быка в Крыму. Клык кабана из кургана № 7 также, вероятно, имел ритуальное значение. О культе оленя в Крыму в эпоху бронзы свидетельствует находка части оленьего черепа с рогами в яме, окруженной кольцевой каменной обкладкой (курган № 13), и упомянутое выше захоронение оленя в Марьинском кургане (раскопки 1955 г.).

Костей животных в остальных могилах этого времени не обнаружено, что является существенной своеобразной чертой исследованных в 1954 г. погребений по сравнению с хронологически близкими им подкурганскими погребениями Днепро-Волжского междуречья⁸.

Весьма интересен впервые найденный в Крыму небольшой каменный ящик типа жертвенника с сосудом ямного типа (курган № 1) и ящик катакомбного времени с многочисленными захоронениями (курган № 6). Множественность погребений, подсыпка из гальки, сосуд с реповидным приплюснутым туловом и низким горлом (рис. 13—10) имеют общие черты с погребениями и инвентарем того же времени на Северном Кавказе.

Черты сходства есть и с обрядом, характерным для древнеямной и катакомбной культур Днепро-Волжского степного междуречья, а основные аналогии с инвентарем катакомбных захоронений (курганы № 5, 12) можно найти в курганах Нижнего Поднепровья и Приазовья (дореволюционные раскопки В. А. Городцова, Н. Е. Бранденбурга, Г. А. Скадовского, Е. П. Трефилова и новые раскопки Института археологии АН УССР — А. И. Тереножкина на р. Молочной, Л. М. Славина у с. Снегиревка, О. Г. Шапошниковой у с. Осокоровка и др.).

Основных погребений, датируемых временем поздней бронзы, обнаружено значительно меньше (курганы № 8 и 15). Захоронения, сопровож-

⁷ О полном отсутствии катакомбных могил говорить нельзя, так как в 1951 г. на окраине Симферополя, в Жигулиной роще обнаружена типичная катакомбная могила (см. П. Н. Шульц. О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в Северном Крыму. Известия Крымск. отд. Географ. об-ва Союза ССР, вып. 2, 1953, стр. 121; см. также ОАК за 1895 г., стр. 15; ОАК за 1898 г., стр. 21).

⁸ Остатки жертвенной пищи (кости барана) нами обнаружены лишь в одном погребении кизил-кобинского времени (курган № 14).

даемые бедным инвентарем (плоскодонные горшки), по-прежнему совершались в могильных ямах, впущенных в материк. Насыпи обложены камнями, а вокруг основания идет каменная выкладка из более крупных камней. Сходная каменная обкладка наблюдалась и в кургане № 14, наиболее позднем, относящемся к кизил-кобинскому времени.

Каменные ящики с характерной обкладкой из камня вокруг них (курганы № 4 и 6) и повторными погребениями позволяют поставить вопрос: не связан ли генетически таврский обычай хоронить в каменных ящиках с такими же обычаями, представленными в Крыму в эпоху бронзы?

Нельзя не обратить внимания на полное отсутствие в исследованных курганах остатков погребальных сооружений срубной конструкции и характерного для них инвентаря. Погребения поздней бронзы сопровождались только своеобразными плоскодонными горшками плохого обжига, со слегка выпуклым туловом.

Среди многочисленных впускных погребений встречаются древние, относящиеся еще к ранней бронзе (курган № 1); но преобладают разновременные, начиная от эпохи поздней бронзы и раннего железа вплоть до VI в. до н. э. (погребение № 4 кургана № 12, где найдена архаическая скифская стрела). Впускные погребения бедны, в большинстве случаев без вещей; скорченные и вытянутые костяки, сопровождаемые в отдельных случаях сосудами кизил-кобинского типа, чаще всего ориентированы головой на запад, иногда с некоторыми отклонениями. Можно предполагать, что распространение западной ориентации является следствием происшедших в Крыму в период раннего железа изменений в погребальной обрядности или же результатов появления скифских степных племен, для которых эта ориентация характерна.

Обилие впускных погребений с керамикой кизил-кобинского типа подтверждает заселенность долины Салгира в это время, что отмечалось и раньше по материалам многочисленных поселений кизил-кобинской культуры в крымских предгорьях.

Раскопками курганов и стоянок в зоне Симферопольского водохранилища положено начало систематическому изучению эпохи бронзы в Крыму, не привлекавшей до сих пор заслуженного внимания со стороны исследователей первобытной истории Крыма.

Х. И. КРИС и Е. В. ВЕЙМАРН

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ БЛИЗ БАХЧИСАРАЯ

В 1952 г. при производстве земляных работ на территории совхоза «Коминтерн», расположенного в 5 км к западу от г. Бахчисарая, частично нарушена насыпь большого кургана, доисследование которого произведено сотрудниками Крымского филиала АН СССР и музея пещерных городов Крыма.

Насыпь кургана состояла из камня и земли. Каменная часть насыпи — круглая в плане, диаметром 30 м и высотой около 2 м. По контуру круга поставлены наиболее крупные рваные камни, образуя как бы крепиду или кольцо, внутри заполненное камнями разной величины. Эта граница каменной насыпи была хорошо прослежена в северо-восточной и восточной частях кургана. Над каменной находилась насыпь из темной земли, наибольшая толщина которой в центре достигала 1,5 м. Таким образом, общая высота кургана к моменту исследования достигала 3,5 м (рис. 16). Однако сильный оплыв в южном направлении земляной насыпи позволяет думать, что первоначальная высота была значительно больше. Наименьший оплыв наблюдался в северной полё; граница земляной насыпи в этом месте находилась в 3—4 м от границы каменной, что дает основание наметить первоначальный диаметр кургана в пределах 40 м.

Основное погребение (№ 7) находилось в центре кургана. Могильная яма имела в плане форму квадрата со сторонами в 3 м. Углы его скруглены и ориентированы почти по странам света, с небольшим отклонением. Глубина ямы 2 м; на расстоянии 1 м от верхнего края ямы вдоль юго-восточной стенки был сделан покатый выступ-ступенька. В северо-западной части ямы поставлены вертикально пять небольших камней. Между ними и стенкой обнаружены следы вертикальных брусьев; в северо-западной части на глубине 0,45 м от верхнего края выявились следы трех, а на глубине 1,05 м — четырех почти вертикальных деревянных брусьев, составленных парами. В северо-восточной, юго-восточной и юго-западной частях могильной ямы сохранились следы деревянной обкладки стен. Очевидно, яма внутри была обложена деревом, а над ней сооружено деревянное перекрытие, которое поддерживалось вертикальными столбами. На дне могилы, почти в ее центре, в небольшом углублении вскрыто погребение. Положение костей свидетельствует о том, что умерший захоронен в сидячем положении, спиной к юго-западу, с согнутыми ногами, причем колени подняты кверху.

В углублении под костяком обнаружен толстый слой тлена темно-коричневого цвета, — видимо, остатки овчины или другой подстилки. Над

костями ног и частично тазовыми костями встречены подобные же остатки тлена.

Справа от костяка лежал большой комок, а среди костей и около кисти левой руки небольшие комки красной охры. У кисти левой руки найден бронзовый плоский нож (рис. 17—2) и четырехгранное в сечении бронзовое шило; между костями пальцев ног — подобное ему шило, но меньших размеров. Западнее — кремневый наконечник стрелы подтреугольной формы, со слегка скругленными сторонами и выемкой в основании, с тонким линзовидным сечением. Спинка стрелы сплошь покрыта ретушью из коротких фасеток, на брюшке — ретушь только по краям (рис. 17—1). В головах у погребенного были положены две каменные терочки.

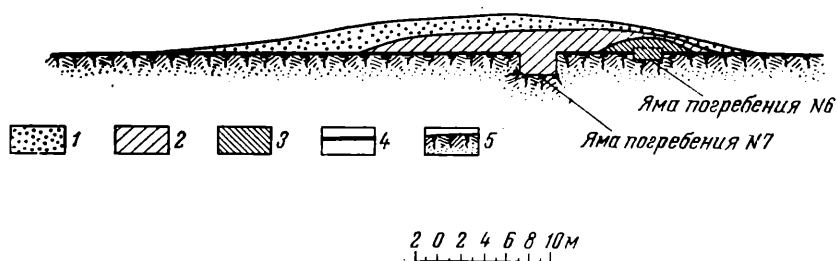

Рис. 16. Разрез кургана эпохи бронзы близ Бахчисарая.

1 — земляная насыпь; 2 — каменная насыпь; 3 — насыпь из черной земли; 4 — почва; 5 — материк.

В южном углу могилы на дне расчищено овальное углубление размером $0,80 \times 0,45$ м, глубиной 0,18 м. Поверхность его была покрыта мягким черным слоем толщиной в 5 мм.

На основании найденного инвентаря, формы и характера погребального сооружения можно установить дату захоронения, а также время возникновения большого кургана, насыпанного над погребением № 7.

Погребения в ямах в некоторых районах Северного Причерноморья встречаются не только в эпоху ямной, но и катакомбной культуры. Так, например, в Поднепровье не распространился обряд захоронения в катакомбах. В курганах Нижнего Поднепровья погребения катакомбной эпохи совершались, как и в предшествующее время, в ямах, перекрытых деревянным накатником. Сравнительное малое количество погребений катакомбной культуры, открытых в предгорной части Крыма, не позволяет пока выявить особенностей этого района. Единичные находки захоронений в катакомбах, известные здесь, не дают оснований для утверждения о том, что этот обряд наиболее характерен для района. Погребения, датируемые тем же временем, обнаруженные в курганах (№ 6, 12) на правом берегу Салгира в районе Симферопольского водохранилища, совершены не в катакомбах¹. Следует также обратить внимание на своеобразный выступ-ступеньку, который находился вдоль одного из бортов ямы публикуемого нами кургана. Эта деталь указывает на некоторое отступление от обычной формы могильной ямы, характерной для захоронений ямной культуры, и приближает к катакомбам, снабженным ступенькой. Выше упоминалось, что стены могилы (№ 7) были обложены деревом, а над ней был деревянный накатник. Подобную картину мы встречаем в погребениях эпохи катакомбной культуры в Приднепровье. Д. Я. Самоквасов описывает захоронение в «Бесчастной могиле», совершенное в большой четырехугольной

¹ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. В настоящем сборнике.

яме, по углам которой были поставлены столбы, а стены сплошь заделаны небольшими бревнами². Таким образом, по форме сооружения погребение № 7 можно отнести к раннему периоду катакомбной культуры.

Сидячее положение костяка не характерно для захоронений этого времени, однако находит аналогии в волго-маньчском варианте катакомбной культуры, где известно несколько подобных погребений³.

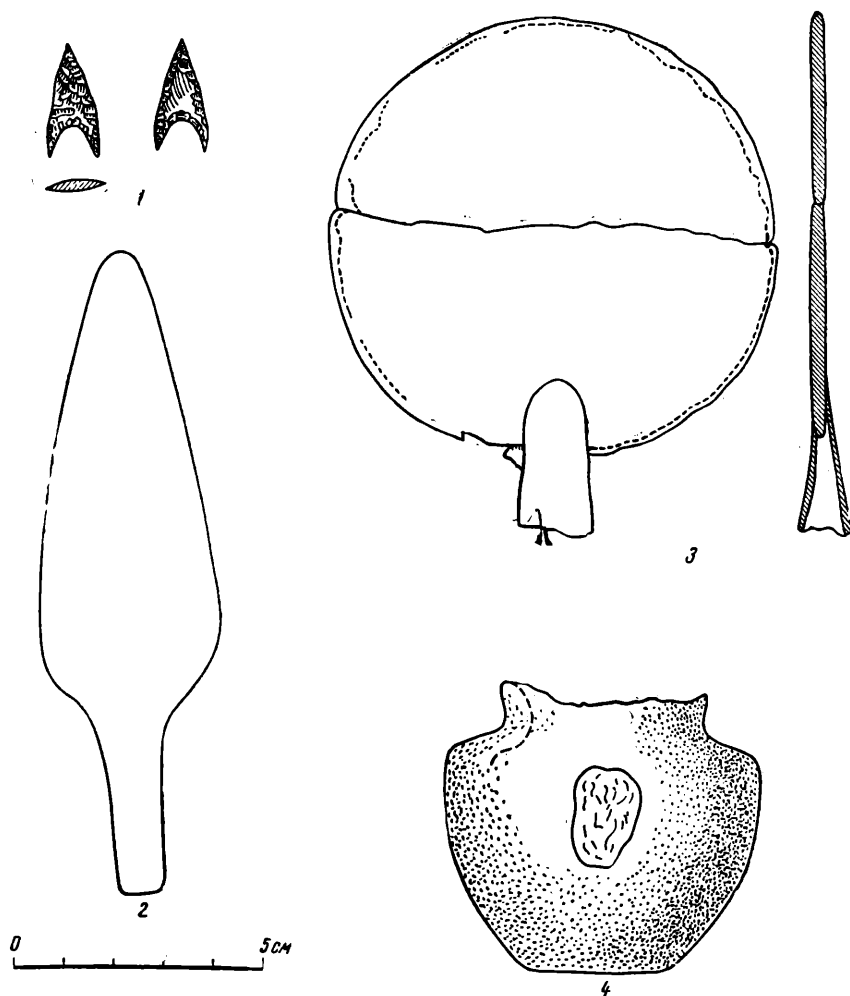

Рис. 17. Находки из кургана близ Бахчисарая.

1 — кремневый наконечник стрелы (погребение № 7); 2 — бронзовый нож (погребение № 1);
3 — серебряное зеркало (погребение № 3); 4 — глиняный сосудик (погребение № 6).

Возможность датировать погребение № 7 ранним периодом катакомбной культуры подтверждается также отсутствием сплошной посыпки костяка охрой, характерной для ямных погребений. Во вскрытой нами могиле находились лишь отдельные комочки охры, что характерно для катакомбного обряда погребения.

Инвентарь погребения № 7, состоящий из бронзового листовидного ножа, бронзовых четырехгранных шильев и кремневого наконечника стрелы с выемкой в основании, характерный для поздней поры ямной и раннего

² Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской Земли. М., 1907.

³ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 91.

периода катакомбной культуры, также не противоречит предлагаемой нами датировке.

Под каменной частью курганной насыпи, кроме центрального погребения, обнаружено еще одно (№ 6), которое по стратиграфическим данным можно также отнести ко времени первоначальной насыпки кургана. Оно находилось в 7 м к северо-северо-востоку от погребения № 7 под небольшой насыпью, почти круглой в плане, диаметром 8 м, высотой около 1 м. Основная часть этой насыпи состояла из черной земли. Над уровнем горизонта древней почвы в насыпи наблюдалась горизонтальная прослойка гальки толщиной 0,10 м, под которой в северной части кургана находился слой глинистой земли. В насыпи местами встречались крупные и мелкие камни. Каменная часть насыпи большого кургана перекрывала сооруженную над погребением № 6 насыпь и основное захоронение. Это позволяет говорить об одновременности погребений № 6 и № 7. Подобный случай сооружения сначала курганной насыпи над одним из погребений и общей бронзы на правом берегу р. Салгир в районе Симферопольского водохранилища (курган № 7)⁴.

Могильная яма погребения № 6 прямоугольной формы, размером 1,4 × 1,8 м, ориентированная в направлении север—юг, была врезана в материк на глубину 0,53 м. Следы материкового выкида наблюдались, как это отмечалось выше, над галечной прослойкой в основании насыпи, к северу от ямы. Глубина могилы от поверхности древней почвы 0,8 м; дно неровное: в центре оно повышалось, вдоль стенок углублялось, образуя канавку, в которую вдоль бортов были вертикально поставлены в два ряда в ширину и в высоту небольшие плоские необработанные камни, которые достигали в верхней своей части уровня древней почвы. Вдоль восточного борта могилы, а также в ее засыпи обнаружены следы истлевшего дерева, которые позволяют предположить, что над ямой было укреплено деревянное перекрытие. В засыпи над костяками встречено значительное количество золы, угля и пережженной земли, что дает основание допустить в погребальном обряде наличие костра или тризны. В могиле вскрыто пять скорченных костяков: мужской, два женских и два детских. Все они были ориентированы головами на юг с небольшим отклонением к западу (рис. 18—1).

Костяк № 1 — детский, на правом боку. Положение рук и остальных костей скелета № 2 (женского) указывает на то, что погребенный ребенок как бы обнимал женщину, положенную впереди него.

Костяк № 4 — мужской, на правом боку. Сильно скорчен, из-за чего бедренные и берцовые кости почти касаются позвонков. Степень скорченности свидетельствует о том, что погребенный был связан. На черепе след смертельного удара (насильственная смерть).

Костяк № 5 (женский) и № 3 (детский) были в том же положении, что и костяки № 1 и № 2: погребенная женщина обнимала ребенка; их перекрывало захоронение № 1.

В головах над костяком № 2 найден миниатюрный сосудик (рис. 17—4), высота его — 5,6 см, наибольший диаметр — 6,5 см, шейка прямая, слегка расширяющаяся к устью, линия плеч почти горизонтальна, тулово округлое, дно плоское. В верхней части тулова сохранились следы двух ручек. Изнутри поверхность тщательно сглажена, снаружи — лощеная; цвет розовато-желтый.

В ногах костяков находились две плоские круглые каменные терочки из плотной зернистой породы. Диаметр одной из них — 6,5 см, толщина —

⁴ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Указ. соч.

3 см, диаметр другой — 5 см, толщина — 1,8 см. Плоские поверхности большей терки тщательно сглажены.

В погребениях катакомбной культуры на Маныче, в степях Северного Причерноморья и в памятниках Северного Кавказа встречаются небольшие сосудики с двумя очень небольшими ручками; лощенные сосуды известны и на территории распространения катакомбной культуры, но их очень мало, и появление их надо связывать только с Северным Кавказом⁵.

Таким образом, сосуд, найденный в погребении № 6, и по форме и по характеру отделки находит наиболее близкие аналогии в памятниках катакомбной культуры на Северном Кавказе.

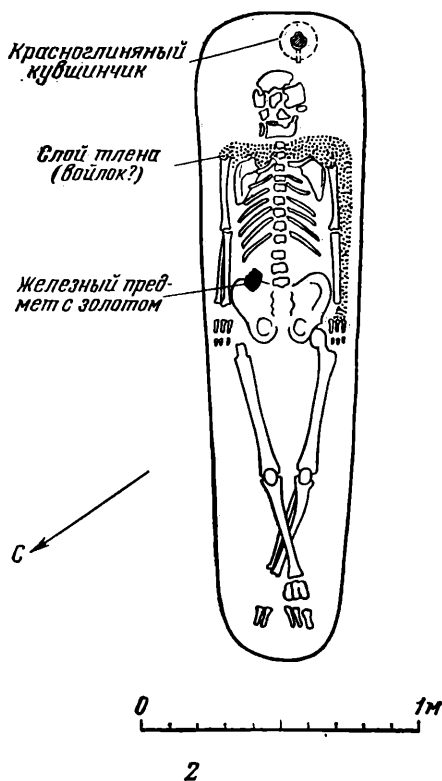

Рис. 18. Планы погребений в кургане близ Бахчисарая.

1 — погребение № 6; 2 — погребение № 4.

Положение костяков и характер погребального сооружения захоронения № 6 указывают на то же время. Как упоминалось выше, все костяки здесь обращены головой к югу, что типично для погребений катакомбной культуры. Ряд черт этого погребения в своеобразном каменном ящике из отдельных небольших плиток позволяет сравнивать его с захоронениями эпохи катакомбной культуры в каменных ящиках в курганах № 4 и 6, открытыми на правом берегу Салгира⁶. Несмотря на различие в их конструкции, которое, возможно, объясняется некоторой разновременностью памятников, обращает внимание коллективность захоронений, характерная и для более поздних погребений в каменных ящиках Крыма.

Состав погребенных в коллективном погребении кургана уточняет его датировку. Здесь сохранились черты, присущие захоронениям эпохи

⁵ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 90, 114.

⁶ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Указ. соч.

ямной культуры, — захоронения женщин с детьми. Размещение скелетов (№ 1—5), в том числе двух женских и детских, положенных как бы в два яруса, позволяет высказать предположение о насильственной смерти людей, захороненных здесь. Однако это не ритуальное убийство ребенка, сопровождающего умершую женщину. Очевидно, все пять захороненных сопровождали основное погребение. Наличие в комплексе не только детей, но и двух женщин и насильственно убитого мужчины, что характерно для коллективных захоронений эпохи катакомбной культуры, дает основание относить погребение № 6 к раннему периоду этой культуры.

Таким образом, можно считать, что одновременные погребения № 7 (центральное) и № 6 — сопровождающее (коллективное) раскрывают погребальный ритуал эпохи развившихся патриархальных отношений, когда погребение главы семьи сопровождалось умерщвлением женщин и детей.

Обряд и инвентарь погребений № 6 и № 7 позволяют относить сооружение кургана к раннему периоду катакомбной культуры и указывают на связи с синхронными культурами Нижнего Поднепровья, Приазовья и Северного Кавказа.

В пределах предполагаемого первоначального диаметра кургана в земляной части его насыпи обнаружены остатки пяти впускных погребений; четыре из них были разрушены при земляных работах до начала археологических исследований.

Погребения № 1 и № 2, расположенные в южной части кургана, фиксированы приблизительно по месту найденных сильно раздробленных человеческих костей, обломка сероглиняного сосуда, сделанного на гончарном круге, и нескольких обломков черноглиняных лепных сосудов.

Погребение № 3 находилось в юго-восточной части насыпи на материке, на глубине 2 м от поверхности кургана. Здесь среди перемешанных с землей раздробленных костей найдены три обломка разных краснолаковых сосудов и круглое гладкое с обеих сторон серебряное зеркало диаметром 9,5 см с полой вставкой для ручки. Зеркало было разломано на две части (рис. 17—3).

Погребение № 4 сохранилось лучше других. Оно находилось в северо-восточной части на границе каменной и земляной насыпей. Могильная яма была врезана в материк на 0,2 м, глубина ее от поверхности кургана — 1,2 м.

В плане яма прямоугольная, ориентирована в направлении северо-запад — юго-восток. На дне лежал костяк головой на юго-восток, на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и вытянутыми, но скрещенными ниже колен ногами (рис. 18—2). В головах обнаружен раздавленный краснолаковый кувшинчик, со сливом на венчике. У плеч и вдоль левой руки прослежен слой перегнившей шерстяной подстилки (кошмы?). На тазу справа найдена железная проржавевшая пряжка со следами инкрустации тонкой золотой проволокой. В нарушенной земле над погребением оказался обломок краснолаковой миски со сверлиной и обломок кремня.

Судя по обломкам краснолакового кувшинчика, погребение может быть отнесено к I—II вв. н. э., положение костяка позволяет считать это погребение сарматским⁷.

---

⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 89; М. І. Вязьмитина. Вівчення сарматів на території Української РСР. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 72.

Погребение № 5 обнаружено в юго-западной части кургана на глубине 1 м от его поверхности, над каменной насыпью. Сохранились лишь раздробленные человеческие кости и следы сгнившего дерева. Из пяти впускных погребений наиболее определенно датируется четвертое. По-видимому, к этому времени относятся и погребения № 1—3, в последнем из которых находилось зеркало.

Таким образом, остатки описанных впускных захоронений в земляной части насыпи кургана относятся к I—II вв. н. э. и, по-видимому, принадлежали сарматам.

М. М. ГЕРАСИМОВА

ЧЕРЕПА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Вторым отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н. Я. Мерперта в 1953—1954 гг. велись раскопки курганных групп у с. Кайбелы и хутора Красная Звезда (Чердаклинский район, Ульяновская область). Большая часть публикуемого материала происходит из этих курганов, два черепа — из курганов у Светлого Озера и один — из кургана у с. Хрящевки того же района.

Культурная и территориальная близость археологических памятников позволяет объединить изучаемые черепа в одну серию. Кроме того, в таблицы включены данные, любезно предоставленные мне Г. А. Хить, о двух черепах из курганов у с. Пиксяси Мордовской АССР, раскопанных П. Д. Степановым¹.

Большая часть черепов была раздавлена землей, условия захоронения (в черноземе) также отрицательно влияли на сохранность костей, однако удалось скленть 25 черепов (в том числе 11 мужских, 6 женских и 8 детских).

На основании средних величин важнейших краниометрических признаков серию можно характеризовать как долихокранную, с большими размерами продольного диаметра при средней величине поперечного. Мужские черепа массивные, с довольно сильно развитым рельефом, высокие, со средней ширины невысоким ортогнатным лицом. Нос высокий и узкий, сильно выступает над линией профиля. Таким образом, черепа характеризуются резко выраженными признаками европеоидной расы. В табл. 1 приведены средние величины, полученные в результате суммирования измерений черепов, публикуемых в этой статье, и всех ранее опубликованных данных по черепах северной группы срубной культуры².

Описываемая серия не вполне однородна. Численно преобладает европеоидный тип с очень длинным черепом. Однако два мужских черепа (Кайбелы, курган 9, погребения № 61 и № 76) характеризуются резко выраженной брахикранностью при средней величине продольного и большой величине поперечного диаметров, невысоким и широким лицом, узким или средне-широким умеренно выступающим носом, неширокими и низкими глазницами. Брахикранные черепа из срубных погребений уже

¹ П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 74—80.

² Г. Ф. Дебед. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Поволжья. МИА, № 42, 1955; его же. Материалы для палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антропологический журнал, № 1, 1936; его же. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 86.

описаны в литературе: два юношеских из погребений у с. Ягодного и один череп взрослого из кургана у с. Хрящевки. В своем описании Г. Ф. Дебец отмечает у них небольшую монголоидную примесь³.

Что касается брахикранных черепов серии, то у них не обнаружено никаких монголоидных черт. В Нижнем Поволжье брахикранные черепа, также лишенные монголоидных особенностей, отмечены в эпоху катакомбной культуры.

Количество изученных черепов незначительно, потому можно было бы говорить об элементе случайности, если бы не аналогичное явление, известное на Украине. Речь идет об Одесском кургане, где брахикранные черепа также сосредоточивались в погребениях катакомбной культуры⁴.

Сравнение брахикранных черепов срубной и катакомбной культур может говорить о сохранении брахикранный «катакомбный» типа в эпоху срубной культуры.

Таблица 1

СРЕДНИЕ ВЕЛИЧИНЫ ВАЖНЕЙШИХ РАЗМЕРОВ ЧЕРЕПОВ ИЗ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ СРУБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОВОЛЖЬЯ

№ по Мартину	Признак	Мужские	Женские
40	Длина основания лица	99,8 (19)	96,8 (18)
5	Длина основания черепа	104,6 (22)	99,8 (18)
40/5	Указатель выступления лица	93,2 (19)	92,2 (18)
72	Общий угол лица	86°1 (28)	83°3 (20)
48	Высота лица верхняя	71,1 (29)	66,2 (24)
45	Скуловой диаметр	135,1 (29)	124,5 (21)
75 (1)	Угол выступления носа	35°7 (22)	27°9 (22)
55	Высота носа	52,5 (28)	49,6 (24)
54	Ширина носа	25,0 (24)	23,9 (21)
54/55	Носовой указатель	47,9 (23)	48,9 (19)
	Передне-носовая ось (1—5)	3,19 (21)	2,55 (20)
	Нижний край грушевидного отверстия		
	% антропийных форм	64,3% (28)	75% (24)
52	Высота орбиты	33,6 (29)	32,5 (20)
51a	Ширина орбиты от d	40,7 (18)	38,4 (19)
51/52a	Орбитный указатель	80,7 (18)	84,2 (19)
1	Продольный диаметр	189,3 (34)	179,6 (26)
8	Поперечный диаметр	139,2 (33)	133,9 (26)
17	Высотный диаметр	137,8 (25)	134,1 (17)
8/1	Черепной указатель	73,3 (33)	73,2 (26)
9	Наименьшая ширина лба	98,7 (30)	94,7 (26)
32	Угол наклона лба	81°4 (27)	83°8 (22)
	Развитие надбровья (1—6)	3,27 (33)	2,22 (26)
	Назомаллярный угол	135°4 (25)	136°6 (18)
	Зигмаксиллярный угол	125°3 (21)	123°1 (16)

³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Поволжья. МИА, № 42.

⁴ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 101.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕРЕПО

№№ курганов и погребений	М					
	Красная Звезда, курган 11, погребение 11	Кайбелы, курган 9, погребение 51	Светлое Озеро, курган 1, погребение 1	Кайбелы, курган 23, погребение 3	Кайбелы, курган 9, погребение 60	Кайбелы, курган 9, погребение 41
Признаки						
1. Продольный диаметр	188	184	194	201	183	190
8. Поперечный диаметр	137	137	134	137	132	142
17. Высотный диаметр базион-брегма	141	140	132	142	—	138
5. Длина основания черепа	109	99	106	—	—	105
20. Высота порион-брегма	119	114	121	120	118	121
11. Ушная ширина	124	126	117	116	123	133
12. Ширина затылка	113	112	—	111	109	109
9. Наименьшая ширина лба	99	97	100	98	95	97
10. Наибольшая ширина лба	124	114	121	107	112	118
45. Скуловой диаметр	134	129	134?	—	139?	135?
40. Длина основания лица	103	91	105	—	—	101
48. Верхняя высота лица	71	70	61	64	69	66
47. Полная высота лица	119	114	—	116	115	113
43. Верхняя ширина лица	103	102	110	—	111	105
46. Средняя ширина лица	88	89	97	—	95?	94
61. Ширина альвеолярной дуги	61	57	61	—	59	58
62. Длина неба	48	42	46	—	48	44
63. Ширина неба	—	38	37	—	39	—
55. Высота носа	53	50	44	—	54	51
54. Ширина носа	25,3	22,5	—	—	25,3	24,6
51. Ширина орбиты от mf	42,5	42,3	—	—	44,6	46,1
51а. Ширина орбиты от d	—	38,6	—	—	—	43,1
52. Высота орбиты	36,4	37,0	—	—	34,5	32,0
65. Мыщелковая ширина	—	118	—	102	118?	114
66. Бигониальная ширина	95?	98	—	95	112?	95
68. Длина нижней челюсти от углов	87	78	—	86	80	80
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	112	102	—	117	107	115
70. Высота ветви	61	61	—	70	51	61
71а. Наименьшая ширина ветви	36	34	34	38	35	36
8 : 1. Черепной указатель	72,9	74,5	69,7	68,2	72,1	74,7
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	102,9	102,2	98,5	103,7	—	97,1
17 : 1. Высотно-продольный указатель	75,0	76,1	68,0	70,7	—	73,6
40 : 5. Указатель выступания лица	94,5	91,9	94,8	—	—	96,1
48 : 45. Лицевой указатель	52,9	54,3	45,5	—	49,6	48,8
54 : 55. Носовой указатель	47,7	45,0	—	—	46,8	48,1
52 : 51а. Орбитный указатель	—	95,8	—	—	—	74,1
52 : 51. Орбитный указатель	81,8	87,5	—	—	77,1	69,4
Глубина fossa canina в мм	6,8	7,0	—	—	7,3	6,8
Надбровье (по Мартину 1—6)	3	2	2	3	4	3
Надбровные дуги (1—3)	2	1	1	3	2	2
Передне-носовая ось (по Брока 1—5)	2	5	5	5	2	2

РУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВОЛЖЬЯ

№							Женские					
	Кайбасы, курган 3, погребение 10	Хрипавка, курган 10, погребение 3	Кайбасы, курган 6, погребение 14	Кайбасы, курган 9, погребение 61	Кайбасы, курган 5, погребение 76	Пикоси, курган 3	Пикоси, курган 2	Кайбасы, курган 17, погребение 1	Красная речка, курган 22, погребение 6	Кайбасы, курган 17, погребение 10	Кайбасы, курган 9, погребение 48	Кайбасы, курган 6, погребение 13
186	190	186	179	165	192	193	175	162	176	186	181	185
134	132	136	151	147	144	138	137	124	132	134	141	132
135	—	142	133	135	—	136	—	—	—	132	—	—
107	—	98	100	95	—	107	—	—	—	100	97	—
114	121	122	114	119	117	116	—	—	—	111	113	114
132	114	121	137	129	127?	128	120	—	—	127	121	109
112	120	114	110	109	120	105	—	—	—	108	106	102
104	100	94	98	95	109	103	99	91	96	98	101	90
—	110?	—	124	122	127	118	113	—	—	108	118	113
140	127	129	141	139	141?	141	—	—	—	123?	125	118
96	—	—	96	93	—	101	—	—	—	93	95	—
71	65	—	69	70	84?	73	71	—	—	77	65	66
125	116	—	118	—	130?	119	120	—	—	121	114	113?
113	—	—	106	107	111	111	—	—	—	—	107	98?
97	—	—	96	97	—	91	—	—	—	—	97	—
64	—	—	63	63	61	64	—	—	—	63	60	—
46	40	—	49	46	48	47	45	—	—	46	44	—
41	—	—	43	42	41	43	—	—	—	42	36	—
55	50	—	52	51	65?	52	56	—	—	59	49	50
23,8	—	—	24,9	22,7	25	26,3	—	—	—	—	28,4	—
46,7	47,2	—	42,7	42,4	44	44,3	—	—	—	—	42,9	42,9
—	—	—	39,9	37,1	—	42,8	—	—	—	—	40,5	—
38,8	38,7	—	32,6	32,8	37,6	32,8	—	—	—	—	31,7	33,0
127	113	—	122	—	120?	—	—	—	—	114	112	—
101	93	—	120	—	102?	—	91	—	—	99	96	—
88	83	—	83	—	78?	—	79	—	—	80	78	—
113	109	—	116	—	—	—	111?	—	—	105	105	—
71	56	—	62	—	67	69	64	—	—	60	61	—
36	35	—	34	—	35	37	37	—	—	32	35	—
72,0	79,4	73,1	84,4	89,1	75,0	72,0	78,3	76,5	75,0	72,0	77,9	71,4
100,7	—	104,4	88,1	91,8	—	98,5	—	—	—	98,5	97,9	—
72,5	—	76,3	75,4	81,8	—	70,1	—	—	—	71,0	75,7	—
89,7	—	—	96,0	97,9	—	94,4	—	—	—	93,0	97,9	—
50,7	51,2	—	48,9	50,3	59,6	52,1	—	—	—	62,6	52,0	55,9
43,3	—	—	47,9	44,5	38,5	50,0	—	—	—	—	57,95	—
—	—	—	81,7	88,4	—	76,6	—	—	—	—	78,3	—
83,1	82,0	—	76,4	77,4	84,4	74,0	—	—	—	—	73,9	76,9
7,4	4,4	—	6,7	7,4	—	—	—	—	—	—	5,6	2,4
3	2	2	3	2	4	4	1	1	2	2	2	3
3	1	1	2	1	3	3	1	1	1	1	1	1
3	2	—	4	3	—	4	2	—	—	2	2	—

№№ курганов и погребений	№					
	Красная Звезда, курган 11, погребение 11	Кайбасы, курган 9, погребение 51	Светлое Озеро, курган 1, погребение 1	Кайбасы, курган 23, погребение 3	Кайбасы, курган 9, погребение 60	Кайбасы, курган 9, погребение 41
Признаки						
Нижний край грушевидного отверстия	F. p.	F. p.	F. p.	F. p.	F. p.	F. p.
Бималлярная хорда fmo — fmo	99,0	96,7	—	100,8	—	99,9
Высота назиона над хордой fmo — fmo	19,1	16,2	—	15,6	—	16,9
Назомалярный угол	137°5	143°	—	145°	—	142°
Зигмаксиллярная хорда zm' — zm'	—	90,1	92,3	—	90,9	93,6
Высота subspinale над хордой Z'm — Z'm	26,5?	23,8	22,9	—	22,6	21,4
Зигмаксиллярный угол	—	124°	127°	—	127°	131°
DC Дакриальная хорда	—	19,7	—	—	—	18,6
DS Дакриальная высота	—	11,4	—	—	—	11,9
100 DS/DC Дакриальный указатель	—	57,86	—	—	—	64,3
SC Симотическая хорда	10,1	8,0	—	—	—	7,8
SS Симотическая высота	4,9	1,7	—	—	—	5,1
100 SS/SC. Симотический указатель	48,5	21,25	—	—	—	65,3
32. Угол лба nas — met к горизонтали	85°	81°	85°	—	75°	87°
Угол лба gl — met к горизонтали	80°	75°	80°	—	68°	80°
72. Общий угол лица	77°	79°	84°	—	85°	84°
75. Угол носовых костей к горизонтали	40°	47°	—	—	59°	52°
75 (1) Угол носовых костей к линии профиля	37°	32°	—	—	26°	32°

Таблица 2 (продолжение)

м							Женские					
Кайбелы, курган 9, погребение 10	Хрягевка, курган 10, погребение 3	Кайбелы, курган 6, погребение 14	Кайбелы, курган 9, погребение 61	Кайбелы, курган 9, погребение 76	Пикский, курган 3	Пикский, курган 2	Кайбелы, курган 17, погребение 1	Красная речка, курган 22, погребение 6	Кайбелы, курган 17, погребение 10	Кайбелы, курган 9, погребение 48	Кайбелы, курган 6, погребение 13	Кайбелы, курган 9, погребение 16
Ant	F. p.	—	Ant	Ant	Ant	Ant	F. p.	—	—	Ant	Ant	Ant.
103,8	99,5	91,4	99,1	—	100	102,1	—	—	—	—	100,6	92,6
21,1	22,8	18,1	17,3	—	—	12,3	—	—	—	—	18,4	16,9
135°5	132°	137°	142°	—	—	140°	—	—	—	—	140°	140°
93,8	—	—	94,1	94,9	96	93,8	—	—	—	—	98,0	—
26,1	—	—	21,8	22,7	17,8	16,7	—	—	—	—	26,1	—
124°	—	—	130°	128°	128°	124°5	—	—	—	—	124°	—
21,2	—	—	17,4	18,8	—	21,4	—	—	—	—	25,3	—
15,4	—	—	8,7	13,7	—	13,4	—	—	—	—	10,9	—
72,55	—	—	50,0	72,87	—	62,61	—	—	—	—	43,08	—
11,8	—	—	6,7	9,2	—	9,4	—	—	—	—	7,3	—
7,9	—	—	4,2	4,5	—	4,2	—	—	—	—	2,8	—
66,95	—	—	62,68	48,91	—	—	—	—	—	—	38,35	—
72°	79°	—	80°	87°	82°	79°	80°	—	—	85°	88°	78°
66°	77°	—	74°	84°	74°	70°	77°	—	—	79°	87°	74°
88°	89°	—	84°	87°	94°	85°	78°	—	—	84°	79°	81°
58°	58°	—	63°	62°	—	53°	57°	—	—	55°	61°	50°
30°	31°	—	21°	25°	—	32°	21°	—	—	29°	18°	31°

В. С. СОРОКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ
ЧАСТИ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ*(Экспедиция 1955 г. в районы освоения целинных земель)¹*

Территория освоения целинных земель занимает в Актюбинской области главным образом ее северо-западную часть, — это по существующему административному делению Хобдинский, Уильский, Маргукский, Родниковский, Степной, Новороссийский, Ключевой, Темирский и Джурунский районы. Работами отряда в течение двух летних месяцев 1955 г. удалось в той или иной степени охватить все перечисленные районы, кроме Уильского. Были проведены четыре разведывательных маршрута, во время которых обнаружены и нанесены на карту 75 могильников, одно поселение и раскопано 28 могильных памятников (рис. 19).

Наиболее древними из исследованных памятников были захоронения эпохи бронзы, относящиеся к так называемой андроновской культуре, к ее алакульской ступени (вторая половина II тысячелетия до н. э.), по хронологической схеме, предложенной К. В. Сальниковым. Эти сооружения в виде курганов или каменных колец были исследованы в могильниках: Ак-Жар, в 10 км к северу от Актюбинска, на р. Терис-бутаг (курган № 3, нижнее погребение); Карагала, близ почтового поста № 3 Родниковского района; Ульке-1 и -2, в 35 км к востоку от Актюбинска, в том месте, где три небольшие степные речки — Айдырлама, Орташа и Кужантай сливаются вместе, образуя одну речку Жаман-Каргалу, и, наконец, в могильнике Бугет-2, на р. Ори, близ северной границы области. Всего исследовано восемь могильных сооружений, содержащих десять погребений, датируемых эпохой бронзы.

Для характеристики памятников приведем наиболее богатое по инвентарю верхнее погребение кургана № 3 могильника Ульке-1. Насыпь кургана земляная, диаметром около 12 м и высотой около 0,4 м. Могильная яма, контуры которой удалось установить только в западной части, ориентирована длинной осью по линии запад—восток. Костяк взрослого человека лежал на левом боку, головой на запад, с согнутыми ногами и кистями рук против лица. Сохранность костей очень плохая. На костях предплечий обеих рук были надеты бронзовые несомкнутые браслеты с закругленными концами, по одному на каждой руке. Браслеты тонкие, в сечении желобчатые, выпуклой стороной наружу; диаметром 7 см (рис. 20 — 1, 2). Почти у самого темени лежало бронзовое четырехгранное заостренное с обоих концов шило длиной 10,5 см (рис. 20 — 4). Здесь же поблизости обнару-

¹ Экспедиция организована ИИМК АН СССР по согласованию с Академией наук КазССР, в составе одного Западно-Казахстанского отряда (нач. В. С. Сорокин).

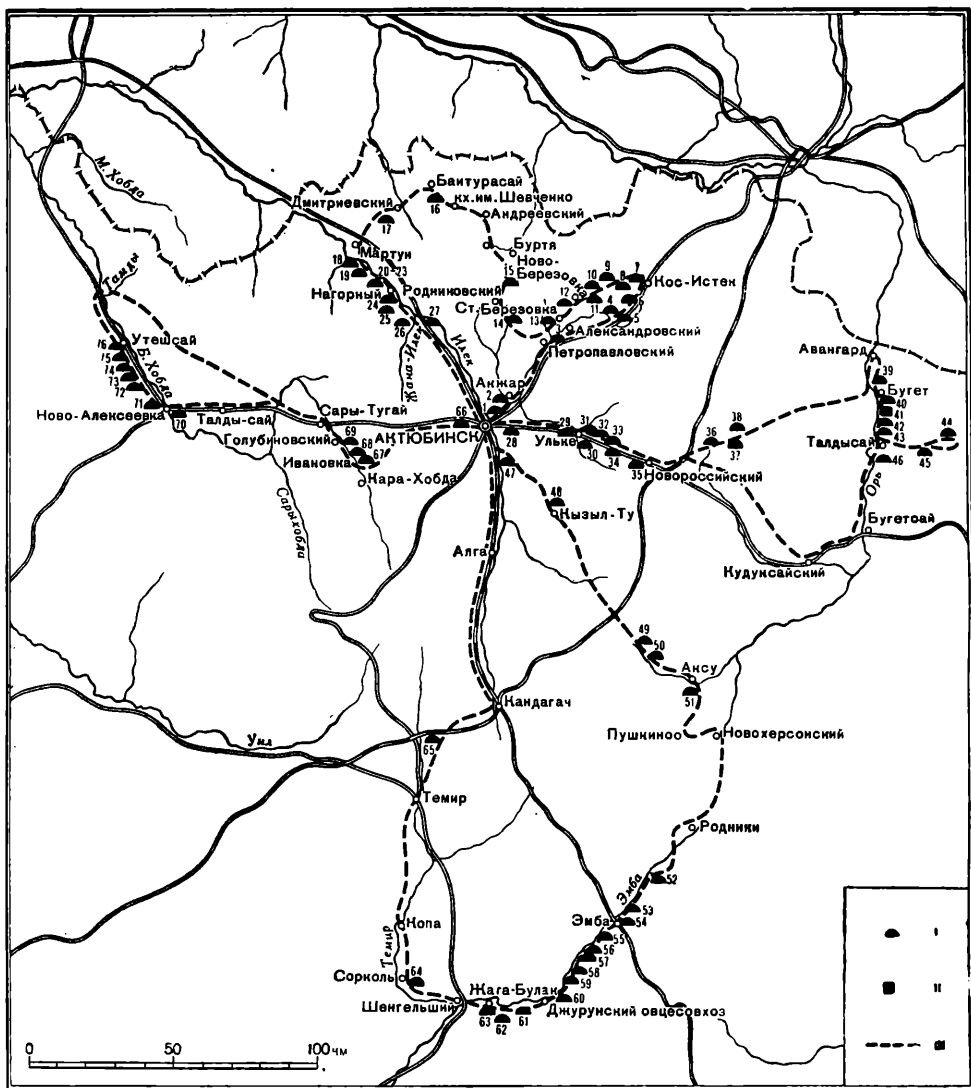

Рис. 19. Карта разведывательных маршрутов экспедиции 1955 г.

I — курганы, могильники; II — поселения; III — маршруты. 1—76 — памятники, зарегистрированные экспедицией, в их числе: 2 — могильник Ак-Жар; 5 — могильник Карагала; 30 — могильник Улькс-1; 31 — могильник Улькс-2; 41 — поселение Бугет-2; 42 — могильник Бугет-2.

жена бронзовая серьга в виде завитка в полтора оборота, желобчатая в сечении, с закругленными концами, диаметром 23 мм (рис. 20 — 3). Несколько дальше от черепа, почти у западной стенки могилы лежал бронзовый нож или кинжал, как и шило, очень хорошей сохранности. Лезвие кинжала, составляющее одно целое с широким в основании черешком, отделено от него приостренными выступами по сторонам. Длина предмета — 19 см, ширина лезвия в наиболее широкой части — 42 мм (рис. 20 — 5). В юго-западном углу могилы стоял большой орнаментированный сосуд, раздавленный и расслоившийся. Сосуд еще до помещения в могилу был поврежден и скреплен в нескольких местах бронзовыми скрепками, введенными в специально просверленные отверстия.

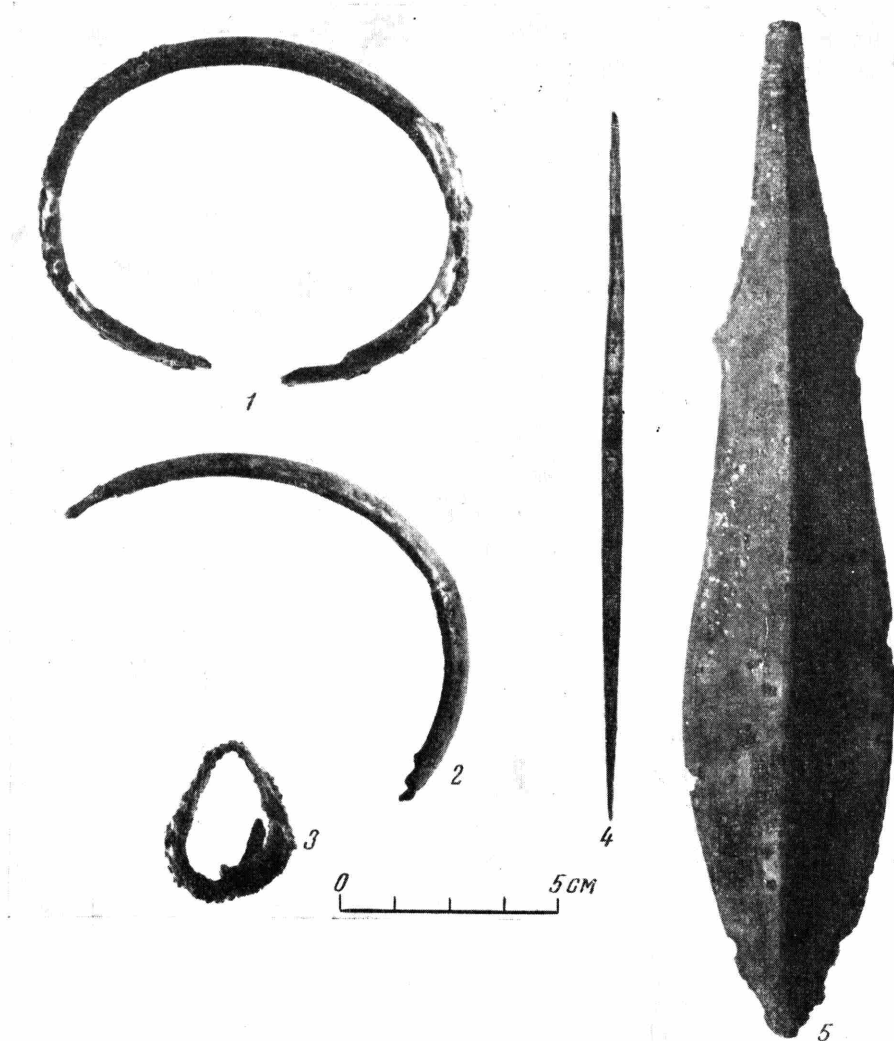

Рис. 20. Бронзовые предметы из верхнего погребения кургана № 3 могильника Ульке-1.
1, 2 — браслеты; 3 — серьга; 4 — шило; 5 — кинжал.

Весь комплекс предметов, не считая типично андроновского горшка, находит полную аналогию в инвентаре погребений срубной культуры Поволжья. Напомним комплекс бронзовых предметов из погребений, опубликованных В. В. Гольмстен в 1928 г.², а также шилья, браслеты и серьги, найденные в погребениях позднебронзовой эпохи у с. Бережновка, на р. Еруслан³, и совершенно аналогичный найденному бронзовый нож или кинжал из могилы № 5 кургана G2 у с. Макаровка на р. Карамыш на Нижней Волге⁴.

² В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. Труды секции археологии РАНИОН, IV, М., 1928, рис. 41, 42 и 44.

³ И. В. Синецун. Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, Л., 1953, стр. 82, рис. 31—2 и 3.

⁴ И. В. Синецун. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Ученые записки Саратов. ун-та, т. XVII, вып. исторический, Саратов, 1947, рис. 55, стр. 78—81.

К савроматской ступени развития раннего кочевого общества (VI—IV вв. до н. э.) относятся погребения в курганах № 3 и 4 могильника Ак-Жар. Насыпь кургана № 3 состояла из мелкого колотого камня; диаметр ее — около 12 м, высота — 0,2 м. Под насыпью оказалось каменное кольцо диаметром около 6 м, связанное с более ранним погребением, относящимся к эпохе бронзы и нарушенным впоследствии савроматским, которое было совершено в удлинненно-овальной яме длиной 2 м и шириной 1,1 м, ориентированной длинной осью по линии запад—восток. Скелет взрослого человека лежал на глубине 0,5 м головой на запад, на спине, руки и ноги вытянуты. Под череп подложен плоский камень. В числе находок два бронзовых наконечника стрел со втулкой и тремя лопастями «скифского» типа, обнаруженные у левого бедра, и железный предмет, возможно часть колчана, лежавший поверх костей левой руки у локтевого сгиба.

Курган № 4 собственно говоря нельзя назвать курганом, так как на поверхности видна была плоская каменная наброска, к тому же просевшая в середине. Могильная яма под ней, забитая землей с крупными камнями, имела прямые длинные и закругленные короткие стенки. Ее размеры: длина — 2,15 м, ширина — 75 см, глубина — 1,7 м. Длинной осью она была ориентирована по линии северо-запад—юго-восток. На дне находился скелет взрослого мужчины, лежавший на спине, руки вытянуты вдоль тела, голова обращена на юго-восток. У восточной стенки, против плечевой кости правой руки лежал железный меч — акинак, плохо сохранившийся, согнутый вдвое, вероятно в момент совершения погребального обряда. Меч обоюдоострый, длиной 55 см, с сердцевидным перекрестием. Между берцовыми костями левой ноги и западной стенкой могилы был поставлен глиняный горшок, лепленный от руки, без орнамента; бока выпуклые, дно широкое, венчик слабо отогнут. Черепок очень хрупкий, в изломе серо-коричневый, снаружи коричнево-черный. Высота сосуда — около 13,5 см, диаметр по верхнему краю, как и диаметр дна, около 10 см. Близ горшка найдены три бронзовых втульчатых наконечника стрел, все трехгранные, но разной формы.

Сарматская эпоха представлена курганными погребениями могильников Ак-Жар (курган № 29) и Ульке-2 (курганы № 13, 16, 17, 19); насыпь кургана № 29 земляная, диаметром около 12 м и высотой 0,5 м. Ориентированная длинной осью с северо-запада на юго-восток, могильная яма имела прямые длинные и округлые короткие стенки размерами 1,95 × 1,15 м в верхней части и соответственно, 1,45 × 1 м в нижней части; глубина — 1,5 м. Скелет девушки-подростка лежал вытянуто на спине, руки — вдоль тела, голова ориентирована на юго-восток; скелет занимал северо-восточную часть могилы; в северо-западной находились четыре глиняных сосуда, там же обнаружены раковина и два астрагала. На обеих запястьях погребенной было по одному несомкнутому железному браслету плохой сохранности. В области шеи найдены мелкие бусы: белые, синие и зеленые. У головы лежал небольшой железный нож. Обнаруженные сосуды очень интересны. Самым крупным был бомбовидный сосуд с прямым толстым направленным наружу венчиком и с коротким трубчатым носиком (рис. 21—1). Венчик по краю и верхняя часть тулова орнаментированы насечками в виде рядов и «елочек». Стенки сосуда довольно тонкие, 5—6 мм, цвет грязно-бурый. Размеры: высота — 27 см, наибольший диаметр — 26 см, диаметр по верхнему краю — 19 см.

Другой круглодонный сосуд (рис. 22—1) был значительно меньше; высота его — 14 см, наибольший диаметр — 15 см, диаметр по верхнему краю — 9 см. Плечи покатые, венчик короткий и слегка отогнут. Орнамент очень прост, это частые и короткие вертикальные насечки, сделанные по сырой глине под венчиком и ограниченные горизонтальной полосой.

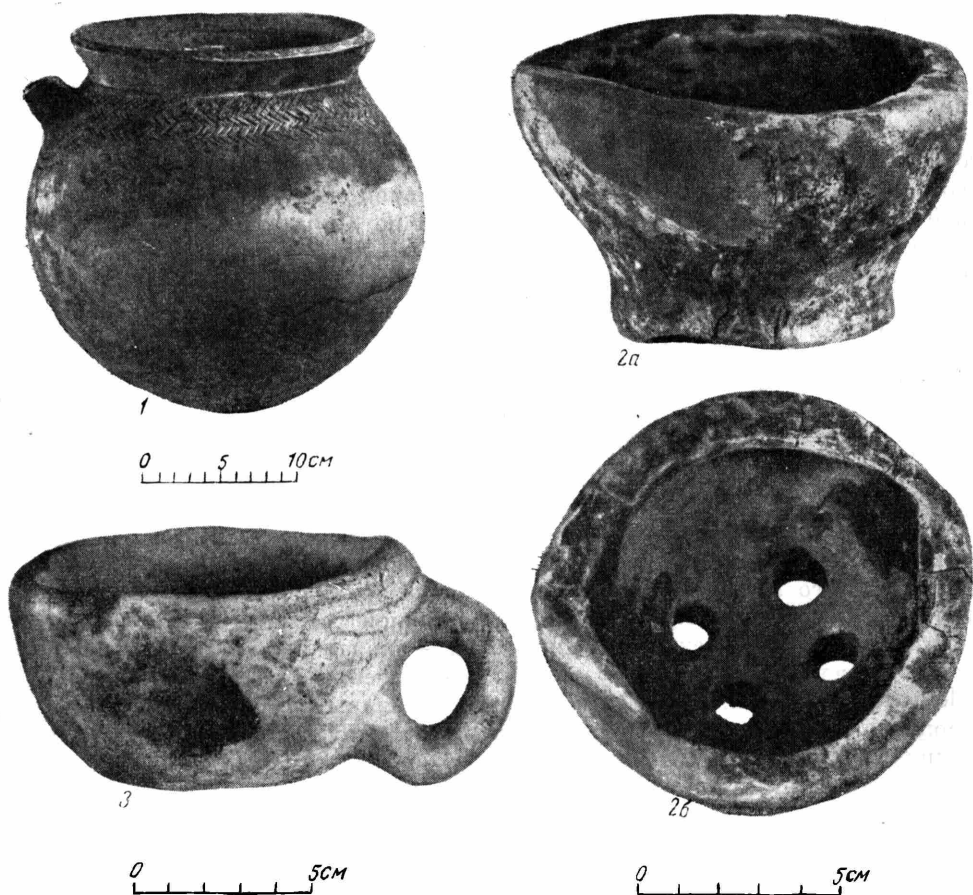

Рис. 21. Сосуды из мегильников Ак-Жар и Ульке-2.

1 — бомбовидный сосуд из кургана № 29 (Ак-Жар); 2 — курильница из кургана № 29 (Ак-Жар);
3 — ковш из кургана № 13 (Ульке-2).

Третий сосуд плоскодонный (рис. 22—2), небольшой (высота — 15—16 см, наибольший диаметр — 14,5 см), но толстостенный и довольно тяжелый. По форме это приземистый кувшинчик с покатыми плечиками, незаметно переходящими в короткое горло, и плоским широким дном (диаметр дна — 10,5 см). Венчик слегка отогнут наружу. Сосуд довольно небрежно вылеплен от руки, поверхность неровная; стоит он криво из-за неправильно расположенной плоскости дна. Орнаментирован сосуд двумя горизонтальными поясами — один на плечиках, другой с нижней части — в виде двух параллельных линий, прочерченных круглой палочкой, с заполнением пространства между ними рядами глубоких ямок, сделанных той же палочкой.

Наконец, еще одно изделие из глины, которое, вероятнее всего, было курильницей (рис. 21—2). Это небрежно вылепленная, просто обмятая пальцами и плохо обожженная чашка высотой 6,5—8 см (верхний срез идет наклонно), диаметр по верхнему краю — 11—12 см, по дну — 7,5 см; глубина — около 5 см, толщина стенок — более 1 см, а дна — около 2 см. В дне проделаны четыре симметрично расположенных круглых отверстия диаметром около 1,5 см. Внутри чашка закопчена.

Датировка погребения затруднительна ввиду своеобразия инвентаря. Сосуды с коротким трубчатым носиком известны из савроматских погре-

Рис. 22. Сосуды из кургана № 29 могильника Ак-Жар.

бений VI—IV вв. до н. э. в Нижнем Поволжье, но ни плоскодонные и по форме не имеют ничего общего с найденным⁵. Курильницы широко известны в сарматских погребениях Северного Кавказа, что отмечено Н. В. Анфимовым⁶, но их распространение не ограничивается этой территорией. Например, курильница, весьма напоминающая по форме чашу, известна из раннесарматского погребения III—I вв. до н. э. в Нижнем Поволжье⁷. Однако ни одна, насколько мы осведомлены, из известных в настоящее время курильниц не только сарматского времени, но и эпохи бронзы, не имеет крупных отверстий в дне⁸.

Находка большой, несомненно ископаемой раковины подчеркивает принадлежность погребения сарматской культуре, хотя и не может служить уточнению датировки. Подобные раковины входили в состав погребального инвентаря сарматских курганов на протяжении многих столетий. Установлено, что раковины были в числе принадлежностей женского туалета и служили для разведения румян и белил⁹.

В настоящее время у нас нет данных для обоснования точной датировки кургана № 29. Но учитывая перечисленные выше признаки и особенности инвентаря, считаем возможным датировать погребение III—I вв. до н. э.

К другому, более позднему этапу относятся погребения в курганах № 13, 16, 17 и 19 могильника Ульке-2. Их отличительным признаком

⁵ Например, сосуд из погребения № 2 кургана № 6 Второго Бережновского могильника, см. И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, 55, 1954, стр. 85—86, рис. 32.

⁶ Н. В. А н ф и м о в. Глиняные курильницы сарматского времени Северного Кавказа. КСИИМК, 58, 1955, стр. 32—35.

⁷ Курган № 2, погребение № 1 южной группы курганов у с. Бережновки; см. И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда..., стр. 88, рис. 34—7.

⁸ У курильницы-погремушки из Таркинского могильника (Дагестан), также сарматского времени, — четыре маленьких отверстия, ведущих в полость, где помещались глиняные шарики, но не сквозных, как у найденной нами; см. Е. И. К р у п н о в. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1955, стр. 221, рис. 9.

⁹ Б. Н. Г р а к о в. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 7, 9—11.

является устройство могилы и положение скелета. Могилы относятся к числу так называемых подбойных и состоят из довольно узкой и глубокой входной ямы, ориентированной длинной осью по линии север—юг, и неглубокого подбоя, обычно в западной стенке (№ 13, 16, 17), реже — в восточной (№ 19). Покойника клали в подбой вытянуто на спину, головой на север. Во всех могилах и под и над скелетом встречались древесные остатки, иногда в виде полуистлевших досок (№ 19). Из четырех раскопанных могил в двух, в которых были похоронены подростки, обнаружен некоторый инвентарь (№ 13 и 16); погребения взрослых были без вещей (№ 17 и 19).

Курган № 13 (земляной) был около 8,5 м в диаметре и 0,25—0,30 м высоты. Продолговатая входная яма могилы с закругленными углами достигала в длину 2,2 м и в ширину — 0,75 м; глубина ее — 1,4 м. Длинной осью она ориентирована по линии север-северо-запад — юг-юго-восток. Подбой в западной стенке по длине совпадал с входной ямой; ширина его — около 0,6 м, а высота не превышала полуметра. Дно подбоя находилось на одном уровне с дном ямы. В подбое на спине, головой на север лежал скелет подростка, ноги были вытянуты, руки несколько согнуты, кисти их находились у локтевой кости. Сохранность костей очень плохая. Сразу за черепом обнаружен глиняный сосуд — толстостенный ковш с ручкой (рис. 21—3). В ногах в беспорядке грудой лежало 46 астрагалов.

Курган № 16 был приблизительно тех же размеров, что и предшествующий. Входная яма длиной 1,8 м, шириной 0,65 м и глубиной 1,6 м, продолговатая с округленными концами, ориентирована длинной осью по линии север—юг почти точно (340°). Подбой шириной 0,75 м, высотой 0,65 м, сделанный в западной стенке, по длине равнялся яме. Дно его находилось на 0,1 м глубже дна ямы. Скелет очень плохой сохранности лежал в подбое на спине, головой на север; руки и ноги вытянуты. Слева от головы стоял небольшой кувшинчик с маленьким, почти не выраженным дном; вокруг черепа обнаружено значительное количество бронзовых полусферических нашивных бляшек диаметром около 5 мм, с двумя отверстиями по краям. В области шейных позвонков собрано довольно много бус различной формы и цвета (шаровидные, граненные, дисковидные, плоскопрямоугольные и др.), среди них две стеклянных, покрытых золотой фольгой. На правой ключице лежала бронзовая фибула с широким щитком в форме сердца. Возле фибулы найдены крупные бусы сложной формы; а в области ребер и таза — мелкие фигурные бронзовые бляшки, причем некоторые из них со следами ткани. На голени левой ноги лежал обломок бронзового зеркала с орнаментом на оборотной стороне и конической выпуклостью с отверстием, служившим для продевания кольца, обломки которого найдены здесь же. Кроме перечисленного, обнаружены шесть астрагалов и коническое глиняное пряслице.

Сходные по своему устройству подбойные могилы были раскопаны П. С. Рыковым в 1925 г. на р. Деркул у ст. Семиглавый Мар (Западно-Казахстанская обл.) и на р. Еруслан. Скелеты лежали вытянуто, головой на север. Различия наблюдаются в инвентаре, включавшем длинные мечи без наконечников и железные наконечники стрел. Как для этих, так и для вскрытых нами погребений характерна искусственная деформация черепов.

Указанное сходство заставляет нас считать и те и другие погребения принадлежащими одной культуре, одному народу и на этом основании сопоставить их и хронологически. П. С. Рыков отнес исследованные им могилы к сарматскому времени и датировал II или III вв. н. э.¹⁰

¹⁰ П. С. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет). Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском Гос. ун-те, т. I, Саратов, 1926, стр. 94, 97, 113, 120—126.

Следуя за классификацией сарматских памятников, разработанной Б. Н. Граковым, мы должны отнести подбойные могилы могильника Ульке-2 к аланской или шиповской культуре, датируемой II—IV вв. н. э. Мы видим в них следующие черты, характерные для сарматских памятников этой культуры: низкие курганы малого диаметра, подбой под западной стенкой, вытянутое положение скелетов, ориентированных головой на север, наличие в инвентаре фибул различных позднеримских типов и зеркала с ушком на обороте или обломков зеркал¹¹. В подбойной могиле кургана № 16 обнаружена как раз такая фибула, выделявшаяся чрезвычайно широким сердцевидным щитком, но тем не менее совершенно аналогичная фибуле из сарматского кургана № 6 Агаповского могильника в 12 км от Магнитогорска¹², а также обломок зеркальца с ушком на оборотной стороне. Обоснованию датировки могил с подбоями могильника Ульке-2 может помочь и кувшинчик из кургана № 16. Напомним, что гончарная сарматская керамика к позднесарматской стадии уступила первое место лепной, с III в. н. э. господствующей в сарматских погребениях. Эта лепная керамика характеризуется признаками, которые характерны и для найденного кувшина: короткое горло с отогнутым венчиком, хорошо выраженные плечики и почти круглое с едва намеченным уплощением дно¹³.

Таким образом, подкурганые погребения в подбойных могилах могильника Ульке-2 датируются II—IV вв. н. э.

Трудно определить дату нескольких погребений, встреченных в двух могильниках (Ак-Жар, № 11, 12, 33, 34, 35 и Бугет-1, № 2, 3, 11). Все они отличаются рядом устойчивых признаков. Это всегда одиночные захоронения в узких и неглубоких могилах, ориентированных по линии запад—восток, часто под очень маленькими, подчас едва заметными насыпями, земляными или каменными. Покойника, по-видимому спеленутого, клали на спину в вытянутом положении, головой на запад. Могила перекрывалась либо деревом, либо камнями; в одном случае (Ак-Жар, курган № 12) перекрытие представляло собою довольно сложную конструкцию вроде ложного свода. Погребения эти как правило не содержат вещей. Только в кургане № 35 могильника Ак-Жар у черепа скелета найдено металлургическое украшение, снабженное бирюзовой вставкой. Техника зерни и общий облик украшения не позволяют датировать это изделие временем раньше XV в. н. э. На сравнительно молодой возраст погребений указывает и хорошая сохранность скелетов. Черепа имеют ярко выраженный монголоидный облик.

Таковы предварительные итоги археологических работ 1955 г. в Актюбинской области Казахской ССР.

---

¹¹ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 105—106.

¹² К. В. Сальников. Сарматские погребения в районе Магнитогорска. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 119, рис. 38.

¹³ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганые погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. Доклады и сообщения истор. фак-та МГУ, вып. 5, 1947, стр. 80.

В. И. СПРИШЕВСКИЙ

ЧУСТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

(Раскопки 1955 г.)

Поселение эпохи бронзы близ северной окраины г. Чуста (Наманганской области), начатое исследованием в 1951 г., является первым памятником этого типа, открытым в Фергане. В предыдущих наших отчетах¹ уже указаны расположение памятника и основные сведения о нем, а также конструкция раскопанных жилых сооружений типа полуземлянок и шалашей, дана характеристика найденных вещей, описаны производства и род занятий древних жителей поселения (гончарное, ткацкое, металлолитейное, земледелие и скотоводство). Основные работы 1955 г.² были направлены на максимальное расширение в северном, южном и восточном направлениях раскопа № 1, заложенного еще в 1953 г. Кроме того, на северном крае поселения заложен еще один раскоп, № 3.

Судя по рельефу местности, доступ на территорию поселения был возможен только с северо-западной стороны; здесь и в настоящее время хорошо еще прослеживается довольно высокий бугор, под которым, вероятно, скрыты остатки какого-либо сторожевого укрепления³.

Общая площадь холма, где расположено поселение, достигает 9 тыс. кв. м, но собственно поселение, как это представляется возможным установить после трех лет раскопок, занимало несколько меньшую территорию.

В 1955 г. вскрыта площадь в 512 кв. м с мощностью культурного слоя от 1,5 до 2,5 м. Для выявления границ поселения раскоп № 1 несколько расширен в южном направлении по склону холма, но в основном он был продолжен к северу (32 × 12 м). Установлено, что на южном склоне нет никаких следов жилищ (как правило, они выявляются только на поверхности горизонтальной площадки холма), и в том месте, где сохранились остатки поселения (южная граница), признаков стен или изгороди не обнаружено; это дает возможность высказать предположение о том, что поселение было открытого типа. Да и едва ли была острая нужда в таких стенах, так как заболоченные балки и низменности окружают поселение со всех сторон.

Найти границы на северной стороне площадки пока не удалось. Раскоп № 3 (площадью в 24 кв. м), заложенный с этой целью в 20—23 м от

¹ За 1953 г. — в журнале «Советская этнография», 1954, № 3; за 1954 г. — КСИИМК, вып. 69, 1957.

² Руководитель работ В. И. Спришевский. В состав отряда входили четыре лаборанта: М. Аминаджанова, Р. Сусенкова, В. Качуров и Л. Астафьева. Кроме того, участие в работах отряда приняли научные сотрудники Ферганского краеведческого музея Н. Г. Горбунова и Б. С. Гамбург.

³ КСИИМК, вып. 69, рис. 9.

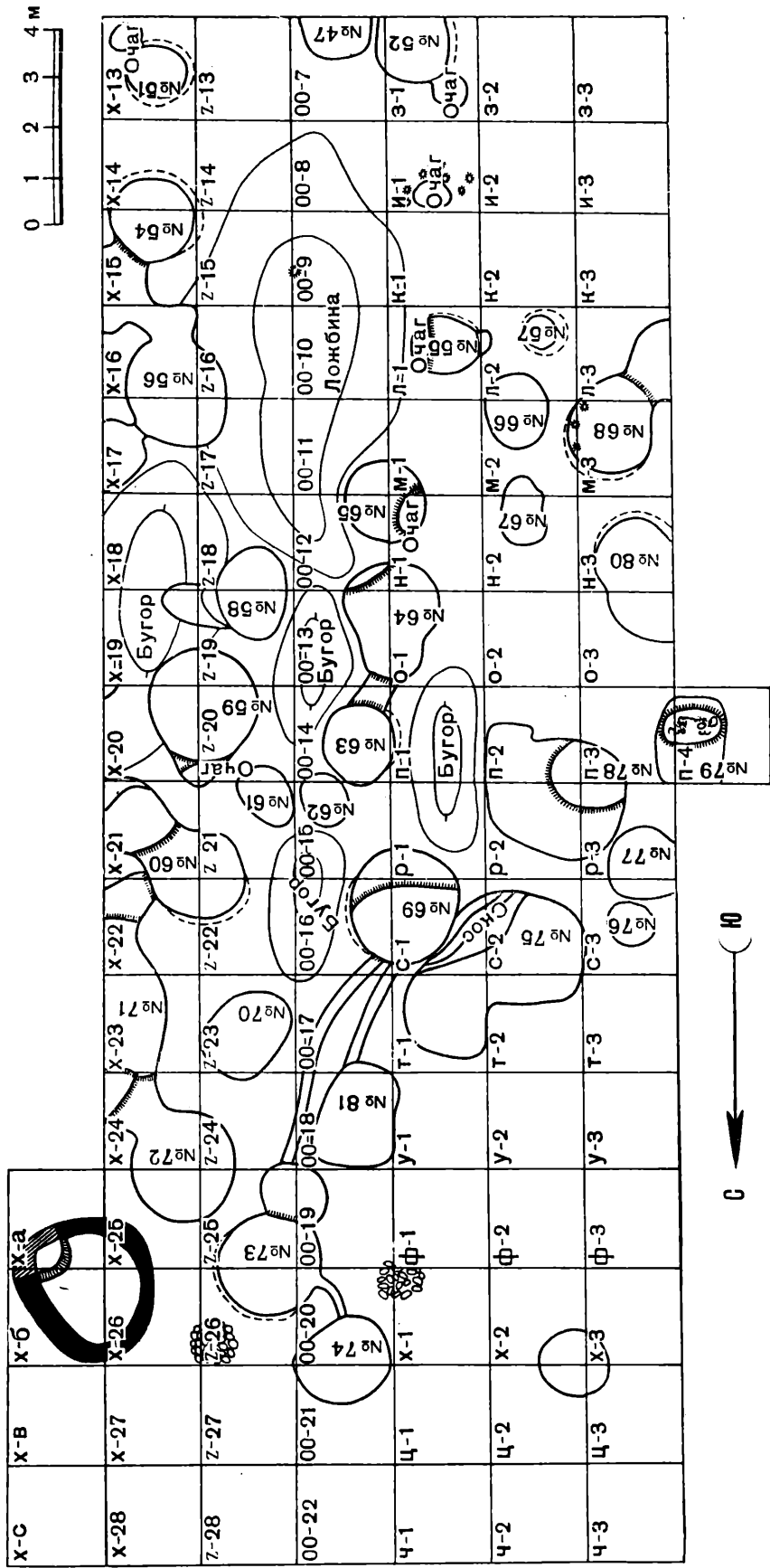

Рис. 23. План раскопа № 1.

почти отвесного обрыва глубокой балки, а также и шурф (2 × 2 м), заложенный в 15 м от края покатого склона, прорезали толщу культурных отложений — в раскопе на глубину до 2,5 м, в шурфе — до 1,2 м, что свидетельствует о постепенном спадании мощности культурного слоя в северном направлении.

Культурный слой в обоих раскопах изобилует различными находками и главным образом обломками глиняной посуды и камней, а также предметами, изготовленными из кости и камня. В слое залегают различные прослойки: это преимущественно остатки кострищ (диаметром до 2—2,5 м), золы и растительного перегноя. Наиболее крупный зольник обнаружен в раскопе № 1. Он округлый в плане, до 12 м в диаметре. Большое количество зерен указывает на то, что в этом месте, рядом с различными ямами, выкопанными в грунте, был сложен большой стог пшеницы и ячменя.

Под культурным слоем в бугристом глинисто-песчаном грунте расчищено 33 ямы (рис. 23); в некоторых из них отмечены детали, характерные для жилых полуземлянок — очаги в специально устроенных нишах (ямы № 51, 52, 55, 59, 65), камышевая подстилка на полу, обмазка глиной (слоем 0,8 см) пола и стен (яма № 59), остатки сырцового кирпича размером 32 × 21 × 6—7 см и 21 × 6 × ? см, но остатков камышевых перекрытий и следов деревянных стоек, как это было у южного склона, не обнаружено. Некоторые ямы соединены между собой узкими желобками (ямы № 69, 73, 74, 81), на стенках которых сохранился тонкий зеленоватый налет; в яме № 69 на стенах и на полу отмечена твердая зеленоватая прослойка. Не исключена возможность, что эта яма служила для сброса различных хозяйственных отходов. Некоторые ямы (№ 52, 54, 56, 59, 68, 73) по своим размерам (от 1,8 м до 2,3 м в диаметре) и выше указанным деталям могли служить в качестве жилья. Десять ям (от 0,6 до

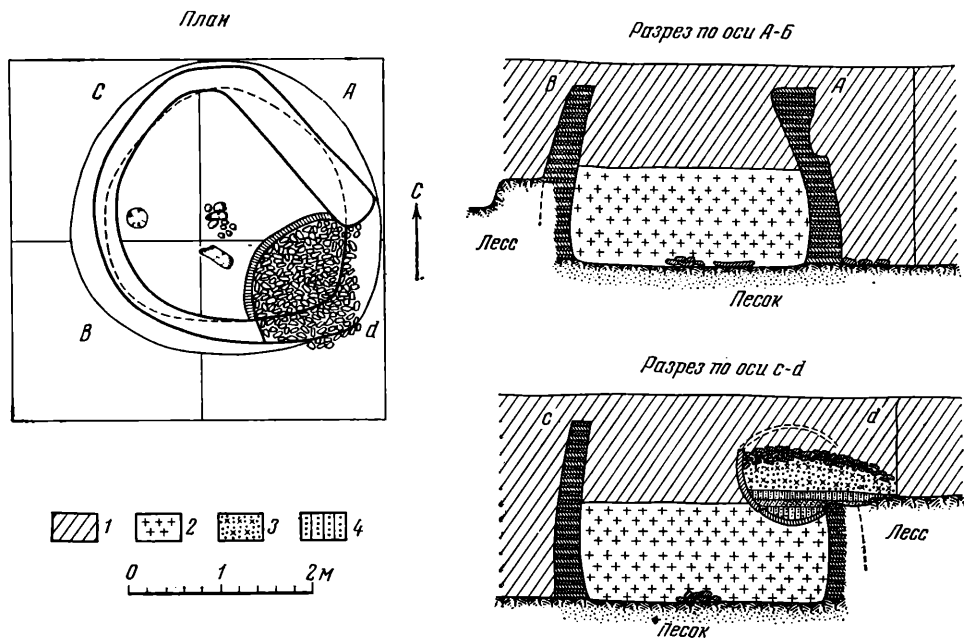

Рис. 24. План и разрезы наземного сооружения.

1 — темно-серый культурный слой; 2 — желтая глина, засыпка; 3 — завал очага; керамика, кости, камни; 4 — зола.

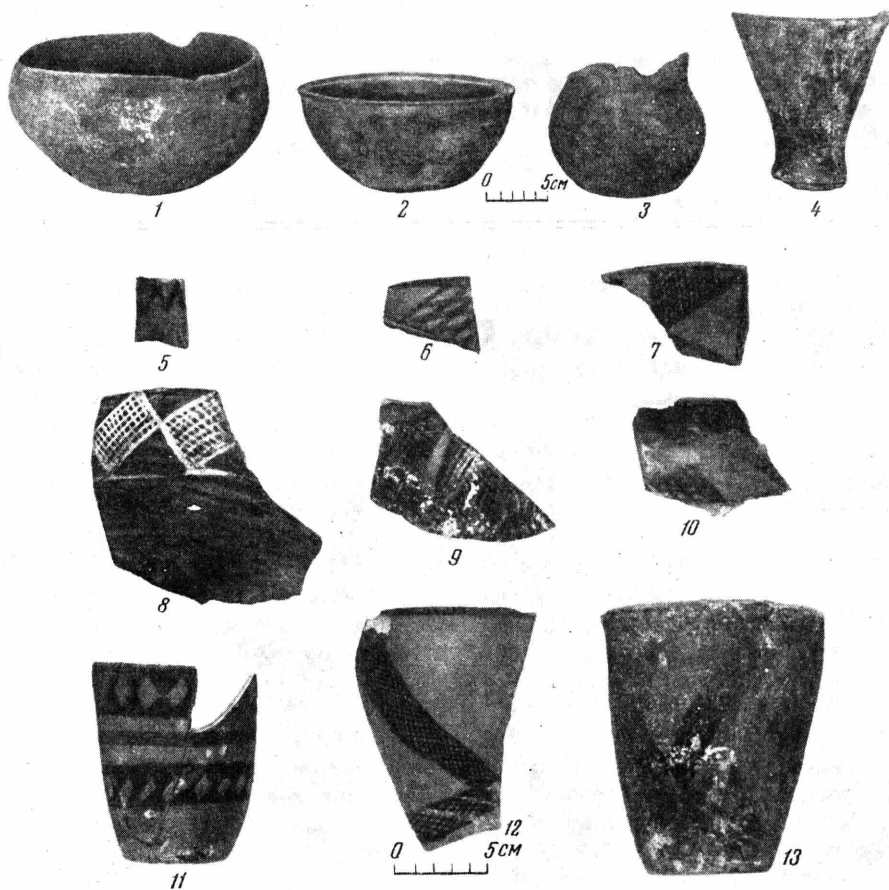

Рис. 25. Керамика с Чустского поселения.

1 — круглодонная чашка; 2 — плоскодонная чашка; 3 — плоскодонный горшок; 4 — бокалообразный сосуд; 5—13 — фрагменты расписных сосудов.

1,1 м диаметром) в раскопе № 3, вероятнее всего, использовались жителями под складские хранилища.

Очень интересно впервые обнаруженное, почти в центре поселения, наземное сооружение, сложенное из двадцати чередующихся слоев глины и темно-серого ила, толщиной до 5—8 см каждый (рис. 24). Стены этого сооружения сохранились в культурном слое на высоту 2 м при толщине верхних частей до 0,3 м. В плане постройка округлая, диаметром по полу 2,6 м, несколько вытянута по оси северо-запад—юго-восток с тупым углом в юго-восточной стороне. Сооружение, вероятно, вскоре же после постройки было засыпано чистым лёссом, слой которого достигал мощности 1,1 м. В засыпи найдено довольно много обломков глиняной посуды, разбитых костей и камней. После зачистки на полу (плотный грунт) почти в центре обнаружены аккуратно сложенные горкой шесть—семь булыжников, половина большой зернотерки и фрагменты толстостенного глиняного сосуда, изготовленного на «болванке» из ткани, а у основания северо-западной стены лежала опрокинутая круглодонная красноангобированная чашка диаметром 20,5 см, вылепленная лентами на болванке из ткани; тесто — с примесью известняка и толченого камня, обжиг сильный. Края чашки несколько сужены во внутрь (рис. 25 — 1).

Насыпанная внутри сооружения земля служила основанием большого очага со сводчатым перекрытием, занимавшего специально устроенный в стене проем шириной 1,4 м в юго-восточной части постройки. Очаг высотой 0,8 м, диаметром 1,4 м сделан из того же темно-серого ила. Стенки и низ его имели толщину до 10 см, толщина свода, обломки которого обнаружены в золе, — 3—4 см.

На овальном дне очага залегал плотный слой светло-серой золы (до 20 см), перекрытый тонкой лёссовой прослойкой и слоем темной золы (10 см), на которой лежали обломки свода и культурный слой, покрывающий все сооружение. Низ очага и грунт около стены сооружения прокалены до красного цвета.

Сооружение, судя по его конструкции, не могло быть жильем. Единственный проем в юго-восточной его части был занят сводчатым очагом. В стенах нет ни дверного проема, ни какого-либо другого лаза, чтобы проникнуть во внутрь.

Каково же назначение сооружения? В верхнем слое темной золы найдено несколько комьев гончарного шлака и фрагменты толстостенного цилиндрического, с плоским доньшком сосуда, небрежно вылепленного ленточным способом. Высота сосуда — 11,4 см, диаметр — 14,2 см, толщина стенки — 2 см. Вероятно, это была жаровня для хранения углей. Близким по форме (но не по времени) является несколько тщательнее изготовленный и украшенный процарапанным орнаментом цилиндрический сосуд, обнаруженный нами в одной из катакомб курганного захоронения I в. н. э. у ст. Вревская, где он был поставлен около погребенного, как курильница с угольками⁴.

В нижнем, чистом слое золы никаких находок не обнаружено. Можно предполагать, что это сооружение использовалось или как обжигательная печь, или как культовое сооружение с «неугасимым» огнем (?). Дальнейшие раскопки вокруг постройки, возможно, помогут уточнить ее назначение.

Наибольшее количество находок 1955 г. составляют черепки разбитой посуды; найдено несколько сохранившихся целых глиняных сосудов, интересные полуобработанные (высушенные, но не обожженные) фрагменты посуды; комья красной глины, которая использовалась на ангобирование керамики⁵; многотипность форм керамики и различные методы формовки ее являются свидетельством того, что гончарство здесь стояло на достаточно высоком уровне. Глиняная посуда в основном изготавливалась простой ручной лепкой, без круга. Устанавливается до 35 вариантов форм: плоскодонные и круглодонные сосуды — кубкообразные, чашки, горшки, кувшины, котлы и жаровни. Изделия вырабатывались самых различных размеров — от миниатюрных чашечек (вероятно, игрушек) до полуметровых сосудов для хранения воды и зерна.

Сосуды изготавливались разными способами: 1) вылепленные из одного комка глины — это тонкостенные кубкообразные и различных размеров горшки без ангоба и с красным ангобом. Кубкообразные сосуды в большинстве случаев покрывались поверх ангоба черной росписью в виде треугольников, заполненных мелкой и крупной сеткой (рис. 25 — 5—13); 2) вылепленные ленточным налепом (спиралью, начиная от доньшка и до венчика, который прикреплялся к корпусу в последнюю очередь); к этой категории относятся плоскодонные и толстостенные горшки и круглодонные чашки, покрытые красным ангобом (рис. 25 — 1—3); 3) вылепленные

⁴ М. Э. Воронцов. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревской в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 50, рис. 3.

⁵ Залежи красной глины в большом количестве имеются в 25—30 км к северу от поселения, в южных отрогах Чаткальского хребта.

на болванке из грубой шерстяной ткани (ленточным наделом и цельнолепные) — к ним относим плоскодонные больших размеров горшки и круглодонные сосуды для хранения воды и зерна.

К формам керамики, найденной в 1953 и 1954 гг.⁶, необходимо добавить сосуды новых типов, обнаруженные в 1955 г.: большие красноангобированные кубкообразные с плоским доньшком сосуды (рис. 25—4) различных размеров: самый малый имеет высоту 14,3 см, диаметр по венчику — 13,5 см, доньшка — 6,6 см, у самого большого диаметр по венчику равен 22, доньшка — 13 см. Расписная посуда в 1955 г. была найдена не только кубкообразная, как в предыдущие годы, но и кувшинообразная, а также бокалы и чашки. На ней роспись нанесена так же: мелкой сеткой в треугольниках и прямоугольниках. Кувшиновидный расписной сосуд (сохранилась только часть верхней половины) имеет низкое горло и сильно отогнутый раструбом наружу венчик.

Единственным является обломок верхней части сосуда (высокое горло со слабо отогнутым венчиком), на плечике которого палочкой-штампом нанесен ямочно-продолговатый «ногтевой» орнамент. Встречено несколько сосудов (фрагменты) с массивными сливами. Последние два вида сосудов резко отличаются (орнамент и слив) от остального комплекса чустской посуды и ближе всего стоят к керамике степной бронзы. Остается неясным назначение разной величины плоскодонных сосудов со специально проделанными в днищах по сырой глине круглыми отверстиями диаметром от 2 до 4 см. Как и в предыдущие годы, обнаружено несколько фрагментов груболепной посуды с ручками в виде слабо изогнутых налепов, а также впервые найдена часть стенки сосуда с налепной подковообразной ручкой. Привлекают внимание фрагменты толстостенной жаровни с низкими бортиками, заканчивающимися заостренным краем. Жаровня была вылеплена на камышовом каркасе, заложенном в плоском, вероятно большого диаметра, дне.

Небезынтересны фрагменты венчиков, сильно отогнутых наружу, одинаково правильной формы и размера. На их поверхности сохранились следы линий, характерных для посуды, изготовленной на гончарном круге и в то же время на них сохранились следы прилепки к корпусу сосуда. Возможно, что эти венчики изготавливались на специальном шаблоне, после чего прилеплялись к сосуду. Довольно обычны фрагменты больших дисковидных крышек (диаметром до 27,5 см и толщиной от 1,5 до 3 см) с массивными петлеобразными ручками, закрепленными на одной из поверхностей, покрытой, как правило, красным ангобом, в то время как нижняя плоскость диска сильно прокалена огнем. Такие крышки могли служить только для накрывания сосудов с горящими углями, служивших для сохранения тепла. Поверхность одной из крышек покрыта довольно примитивным, процарапанным после обжига орнаментом из восьми (было больше) параллельных линий и пересекающих их под прямым углом двух более углубленных параллельных желобков.

Рассматривая весь комплекс чустской глиняной посуды по принципу пользования ею, можно предварительно выделить четыре вида:

- 1) посуда «парадная» — бокалы, кубки, кувшины и чашки с поверхностью, покрытой красным ангобом, — лощёная и расписная;
- 2) посуда «кухонная» — преимущественно круглодонные сильно закопченные сосуды из глины с большой примесью толченого известняка и песку;
- 3) большие круглодонные и плоскодонные толстостенные сосуды для хранения жидкостей и зерна;

⁶ В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, № 3, 1954 г., стр. 70—72; его же. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок в 1954 г.). КСИИМК, 69, 1957, стр. 40—49.

4) сосуды неясного назначения — цилиндрический груболепной и большие с круглым отверстием в плоских днищах.

Характеристика керамики Чустского поселения показывает, что, судя по многотипности форм посуды, производство ее еще не выделилось в самостоятельную отрасль.

Жителям поселения хорошо было известно и ткачество. О наличии разнообразных по качеству тканей свидетельствует большое количество фрагментов и целых сосудов с различными оттисками ткани на внутренней поверхности (рис. 26). Что выделка этих тканей производилась на поселении, достаточно убедительно подтверждается многочисленными находками. В предыдущие два года найдены костяные: ткацкий челнок, много гребенок-правилоч для подправки утка на станке и разделения ниток и пряслица, глиняные грузики (из черепков посуды) и большое количество заготовок их. В 1955 г. найдено несколько костяных трех- и четырехзубчатых гребенок с заглаженными ниткой междузубьями (рис. 27 — 12, 13); пять глиняных, хорошо высушенных, но не обожженных пряслиц биконической формы, диаметром от 5,8 до 8,6 см, причем поверхность двух из них украшена ямочным орнаментом, наколотым по сырой глине тонкой заостренной палочкой. Собрано свыше 40 законченных грузиков и 140—150 заготовок их из черепков.

Такое обилие грузиков, заготовок, пряслиц, гребенок и различных отпечатков ткани свидетельствует о широко развитом ткачестве непосредственно на поселении.

Широкое применение в хозяйстве имела кость (рис. 27). Обнаружено большое количество разных орудий из кости: шилья, проколки, сверла, гребенки, лопаточки и т. д. Интересен предмет из трубчатой высверленной кости (рог) с рядом круглых сквозных отверстий. Возможно, что это был музыкальный инструмент типа флейты (рис. 27 — 3).

Использовался жителями поселения и местный камень валунного происхождения, для поделки различных орудий труда и охоты (рис. 28). В культурном слое найдено большое количество разбитых камней без каких-либо признаков обработки их человеком и много целых камней с явными следами обработки. Большинство составляют различной величины песты (рис. 28 — 6); есть скребла, часть ступки в форме вазы на узком поддоне высотой 9,5 см (рис. 28 — 12), круглая с неполированной поверхностью и незаконченными с двух сторон сверлинами булава диаметром 5,7 см (рис. 28 — 14), четыре целых (рис. 28 — 1—4) и девять обломков ножевидных серпов с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием (длина их — от 11 до 13,5 см, толщина обушка — 8—11 мм). У некоторых серпов достаточно четко выражена закругленная ручка. Серпы, как и ряд других предметов, изготавливались непосредственно на поселении из продолговатых, расщепленных в длину валунов, подтверждением чего является каменная пластина — заготовка серпа (рис. 28 — 5). Найдены крупные обломки ладьевидных, сильно сработанных зернотерок длиной от 43 до 50 см (первоначальная длина — 60—80 см, ширина — от 22 до 30 см, толщина — от 2 до 4 см). Использовался камень и на украшения (например, бусы биконической формы), а также и для выделки пращных камней, большое количество которых собрано на поселении.

Интересны полированное пряслице или пуговица из змеевика (?) в форме усеченного конуса (рис. 28 — 16) и часть литейной формы для ножа (рис. 28 — 15). Особо следует отметить нефритовую плитку в форме восьмигранника (рис. 28 — 13). Одна из плоскостей ее несколько выпукла и имеет глубокий надрез. Находка нефрита в Узбекистане, и в частности в Фергане, не первая, что указывает на добычу в древности местного нефрита в горах бассейна р. Гава.

Рис. 26. Фрагмент сосуда с отпечатком ткани из Чустского поселения.

Найденные на поселении изделия из бронзы, слитки ее, шлаки и каменная двухстворчатая литейная форма ножа указывают на то, что и этот вид производства хорошо был знаком жителям, которые плавку, отливку орудий и оружия производили на месте своего жительства. Бронзовых предметов найдено сравнительно немного: однолезвийный с прямой спинкой нож длиной 17 см (рис. 29—1), — на одной из плоскостей ручки отлит рельефный извилистый орнамент (змейка⁷); маленький (длиной 7 см) однолезвийный нож с хорошо выраженной ручкой и округлым расширением на ее конце (рис. 29—2). Найденный обломок каменной литейной формы соответствует этому ножу.

Обнаружены бронзовые четырехгранные «стрелы»⁷ (рис. 29—3—5). Коротко остановимся на описании украшений и других поделок.

К украшениям относятся бусы из темно-серого камня и сердолика. Они боченкообразной формы, длиной 11,5—24,5 мм, с хорошо заполированной

⁷ Автор называет так бронзовые четырехгранные шилья. (Ред.).

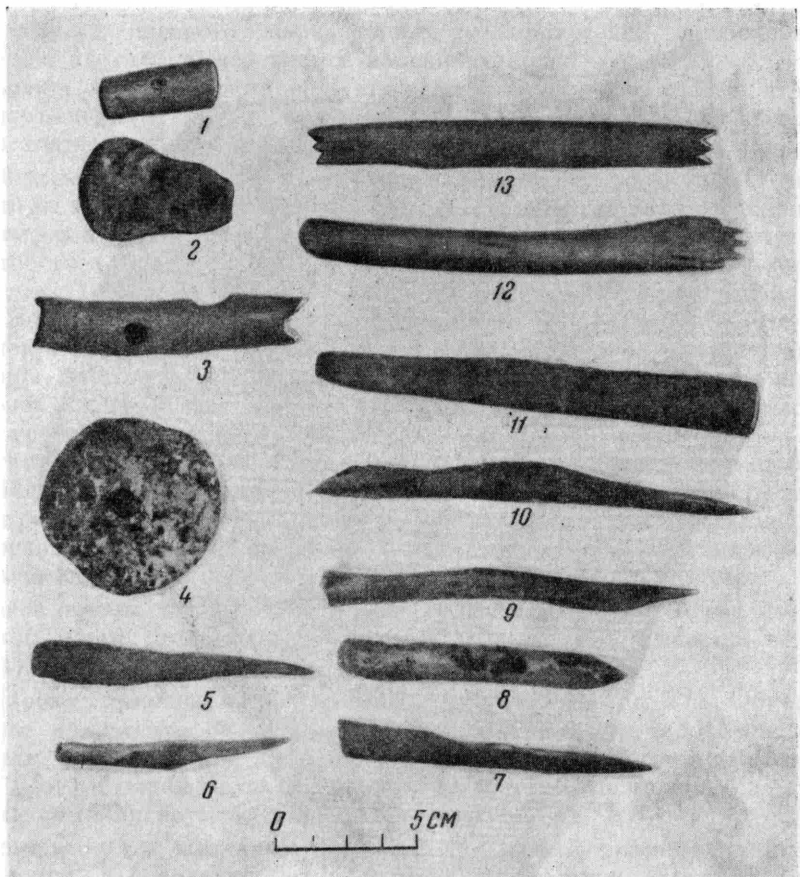

Рис. 27. Изделия из кости с Чустского поселения.

1, 2 — поделки; 3 — трубочка со сквозными отверстиями; 4 — диск; 5—10 — шилья; 11 — лопаточка; 12, 13 — ткацкие гребенки.

поверхностью. Сверление производилось с двух сторон (отверстия внутри не совпадают).

Среди мелких находок есть четыре—пять небольших каменных поделок, служивших какими-то подвесками (рис. 28 — 8—11).

Из числа прочих предметов укажем на использовавшиеся в качестве игральных костей астрагалы с хорошо затертыми на камне поверхностями, со сквозными сверлинами для ношения на шнурке; некоторые были искусно залиты бронзой, что увеличивало их вес и, вероятно, имело определенное значение во время игры.

Находки, свидетельствующие о земледельческом, оседлом образе жизни поселян, — большое количество зерен пшеницы, ячменя и просовидного растения, теперь не известного⁸, а также зернотерки, каменные серпы и обломки костяных мотыжек, — особенно интересны для нас.

Зерна злаков найдены на различных глубинах в средних и верхних культурных слоях и в особенности много их обнаружено на грунте, в котором выкопаны ямы — полуземлянки. В раскопе № 1 в большой котловине вскрыт зольник мощностью до 0,5 м, занимавший площадь около 70 кв. м. Зольник — видимо, остаток сгоревшего здесь стога. В нем собрано наибольшее количество зерна. Зерна попадались и в больших

⁸ Определение М. М. Якубцинер (Институт растениеводства, Ленинград).

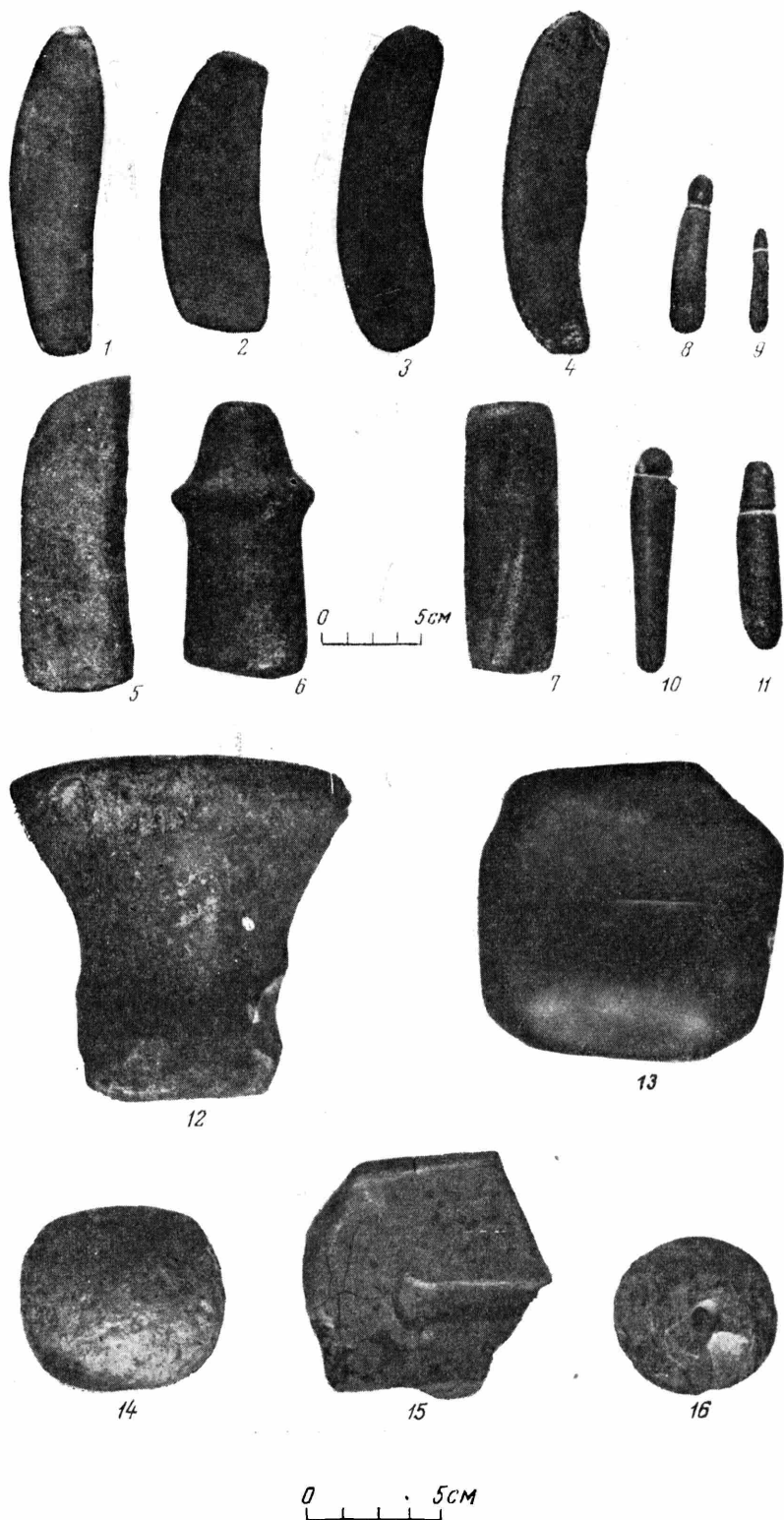

Рис. 28. Изделия из камня с Чустского поселения.

1—4 — серпы; 5 — заготовка серпа; 6 — рукоять песта; 7 — оселок; 8—11 — подвески (?);
 12 — ступка; 13 — нефритовая палитка; 14 — незаконченная булава; 15 — обломок литейной формы
 для ножа; 16 — пряслице.

Рис. 29. Бронзовые изделия с Чустского поселения

1, 2 — ножи; 3—5 — шпатель.

круглодонных сосудах. В зольниках, обособленно от пшеницы и ячменя, собрано много зерен просовидного растения.

Земледелие, вероятнее всего, было основано на лиманном орошении. По руслу, следы которого сохранились до настоящего времени севернее поселения, вода пропускалась на «поля» древних земледельцев.

Хозяйство поселян не ограничивалось земледелием. Одновременно они разводили скот и занимались охотой.

Сборы костного материала 1953 и 1954 гг. (хотя и неполные — собраны наиболее сохранившиеся кости) дали возможность определить виды домашних и диких животных⁹.

⁹ Пользуясь случаем, приношу мою искреннюю благодарность сотрудникам Зоол. исслед. ин-та АН СССР Н. К. Верещагину и Е. М. Снегиревской за проделанную ими работу по определению костного материала с Чустского поселения.

1. Домашние животные,

Виды	Число особей (наименьшее возможное)
1. Лошадь	51
2. Осел	2
3. Крупный рогатый скот	67
4. Мелкий рогатый скот (коза, овца; вторая преобладает)	123
5. Свинья	3
6. Собака	9

2. Дикие животные

Звери

1. Туркестанская крыса	1
2. Кабан	3
3. Кулан	4
4. Сайгак	1
5. Джейран	14
6. Архар	1
7. Олень . . . . (определение наше)	1

Птицы

1. Беркут	2
2. Ягнятник	1
3. Цапля или аист (определение наше)	1

Приведенные выше данные могут служить подтверждением того, что жители поселения еще не отошли от охотничьего промысла, как средства добычи дополнительных продуктов питания при сравнительно развитом земледелии и разведении домашнего крупного и мелкого рогатого скота.

* * *

Впервые на Чустском поселении в 1955 г. найдено древнее захоронение. Погребение (женское?) вскрыто в западном скосе раскопа № 1. Никаких следов ямы на поверхности не наблюдалось. Скелет обнаружен в овально-вытянутой яме, выкопанной в культурном слое. Он лежал на левом боку, «скорченно», головой к западу-юго-западу, лицом к северу. Руки согнуты в локтях, кисти у лица. Ноги также согнуты, причем левая несколько больше. У темени и за спиной у таза прослеживались пятна обожженной земли — следы погребальных кострищ. Сохранность костяка хорошая, Рост — около 160—165 см.

Захоронение вскрыто на глубине 0,6 м от современной поверхности. Культурный слой, которым была засыпана яма, на глубине 0,2 и 0,3 м перекрывался двумя нетронутыми слоями золы толщиной в 6 и 8 см. Следовательно, труп был положен в яму, выкопанную в культурном слое, достигавшем в момент захоронения всего лишь 20—25 см (над грунтом). Дно могилы было на уровне поверхности древнего грунта.

Погребение сопровождалось двумя десятками обломков посуды, лежавших в разных местах ямы, половиной небольшой зернотерки и грузиком из обломка сосуда, найденным около левого колена. Целых предметов не обнаружено.

Череп из погребения изучен антропологом Среднеазиатского гос. ун-та В. Я. Зезенковой, по краткому заключению которой, это — череп женщины (?) возмужалого возраста, европеоидного типа с узким лицом; по

головному указателю череп относится к долихокранному типу (головной указатель — 69,51); по общему облику близок средиземноморскому типу.

Положение скелета на Чустском поселении характерно для погребений эпохи бронзы.

Среди костей животных в раскопах найдены два обломка нижних челюстей человека — ребенка и взрослого — и обломок локтевой кости, головка которой несколько подрезана каким-то режущим орудием.

* * *

Для датировки поселения можно привлечь как ближайшую аналогию чустской расписной керамике суярганскую расписную керамику Хорезма и керамику из слоя Анау III.

Раскопки 1955 г. не выявили никаких предметов материальной культуры, позволивших изменить установленную в 1953 и 1954 гг. дату памятника: середина — конец II тысячелетия до н. э. (этап развитой бронзы).

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ГОРОДИЩЕ ШУРАБАШАТ

Городище у сел. Шурабашат¹ находится на правом низком берегу р. Яссы в 10 км к северо-западу от г. Узгена и примерно на таком же расстоянии к востоку от места слияния Яссы с Кара-Дарьей. Развалины древнего поселения занимают часть поймы и пологие склоны гор (рис. 30). Городище площадью около 70 га вытянуто с востока на запад вдоль реки и состоит из трех частей. С трех сторон его проходит вал, длина которого достигает 3 км. С юга — со стороны реки — укрепления не обнаружены. Лучше всего сохранилась восточная часть — городище III. Оно неправильной трапециевидной формы, размером 300 × 280 м. В северо-западном углу возвышается холм с плоской треугольной площадкой; очевидно, остатки цитадели. Городище III отделено глубоким рвом от соседнего — второго, которое в свою очередь особой стеной и, очевидно, также рвом отделялось от первого.

Западная стена городища II не доходит до северного вала. В углу между западной и северной стенами находится более высокая площадка, на которой производились раскопки в 1954 и 1955 гг. С восточной и южной сторон не прослежено никаких следов укреплений. Все остальное пространство, ровное и низкое, занято посевами.

Городище I расположено на возвышенном участке. В юго-западной части его находится современное кладбище, где в 1954 и 1955 гг. найдены почти целые сосуды и ряд обломков, выброшенные на поверхность при рытье могил. Юго-западнее, среди полей, находилось, вероятно, тепе, скрытое при земляных работах. На поверхности здесь зарегистрировано более десяти врытых в землю хумов. Два из них были расчищены. К западу, на склоне горы, в 1955 г. при рытье траншеи для силосной ямы найдено несколько целых и разбитых сосудов. Где-то здесь в 1955 г. нашли бронзовый (медный?) нож катаномбного типа, поступивший в Ошский областной музей. Отдельные находки попадаются также и к северу и к востоку. Так, на бахче севернее городища нами найдена глубокая миска.

В 1954 г. был снят план всего памятника, собран подъемный материал и заложен на площадке в северо-западной части II городища шурф — раскоп I (24 м²). Высота площадки, по данным нивелировки, равна 5 м. Культурный слой в шурфе не превышал 3 м и только в мусорной яме доходил до отметки 4,75 м. Стратиграфически выделено два периода в жизни городища. В нижнем слое (2,2 = 2,4—3,2 м) не обнаружено стен

¹ Обнаружено Южно-Киргизским отрядом Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции АН СССР в 1954 г. О работах на городище Шурабашат автор делал сообщения на пленумах ИИМК в 1955 и 1956 гг. См. также В. А. Шишкин. Археология и этнография Средней Азии на Московском совещании в апреле 1955 г. ИАН УзССР, 1955, 8, стр. 100.

Рис. 30. План городища Шурабашат.

и строительных остатков. Возникновение здесь построек относится ко второму периоду. В обоих слоях найдена своеобразная крашенная и расписная керамика. В верхнем слое раскопа I вместе с нею находили также фрагменты красноангобированной посуды так называемого кушанского типа. В нижнем слое эта керамика отсутствовала. Сопоставление шурабашатской керамики с материалами городища Эйлатан² и некоторыми другими памятниками позволило отнести ее к древнему периоду и датировать IV—I вв до н. э., учитывая возможность переживания ее в первых веках н. э. Работы на городище позволили выявить новый, ранее неизвестный в Фергане комплекс крашеной и расписной керамики. Своеобразие его заключается также в том, что здесь впервые в Фергане встречено сочетание богатой и разнообразной расписной керамики с красноангобированной, характерной для последних веков до н. э. и первых веков н. э.

Обнаружены новые типы расписной керамики, отличающиеся по ряду признаков от расписной посуды предшествующего периода, характерной для Чустского и для Эйлатанского поселений и от более поздней (средневековой), известной по материалам городища Узген и других пунктов Ферганы. Вместе с тем следует отметить сходство некоторых видов керамики Шурабашата и Эйлатана, с которым керамика Шурабашата генетически связана.

В 1955 г. исследования были продолжены. На городище II на северном крае той же площадки был разбит раскоп II размером 12 × 8 м. В нем открыта часть жилого комплекса, состоявшего, по-видимому, из трех помещений, с очагами, мусорной ямой и хумом (рис. 31). Пол верхнего слоя находился на глубине 1,8 м от поверхности. В северо-восточном углу раскопа обнаружены остатки стены, проходившей в направлении север—юг и сложенной из паховых блоков большого размера. Около нее вскрыт очаг в виде груды гальки, рядом с которой стояла корчага с отбитым венчиком. Вокруг и под корчагой было много угля и золы. В восточной стене раскопа

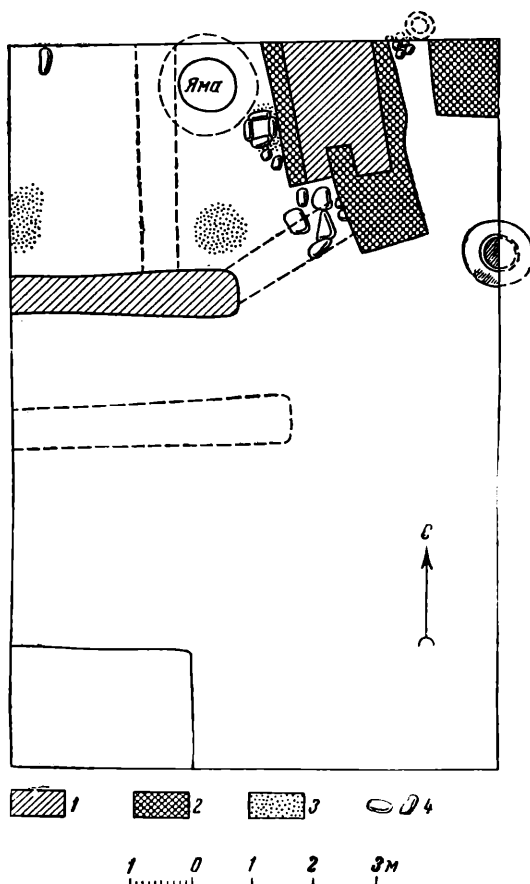

Рис. 31. План раскопа II (1955 г.). Нижний горизонт.

1 — стена; 2 — пол; 3 — зольное пятно; 4 — камни.

² Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. (Автореф. канд. дисс.). Л., 1954, стр. 7, 8.

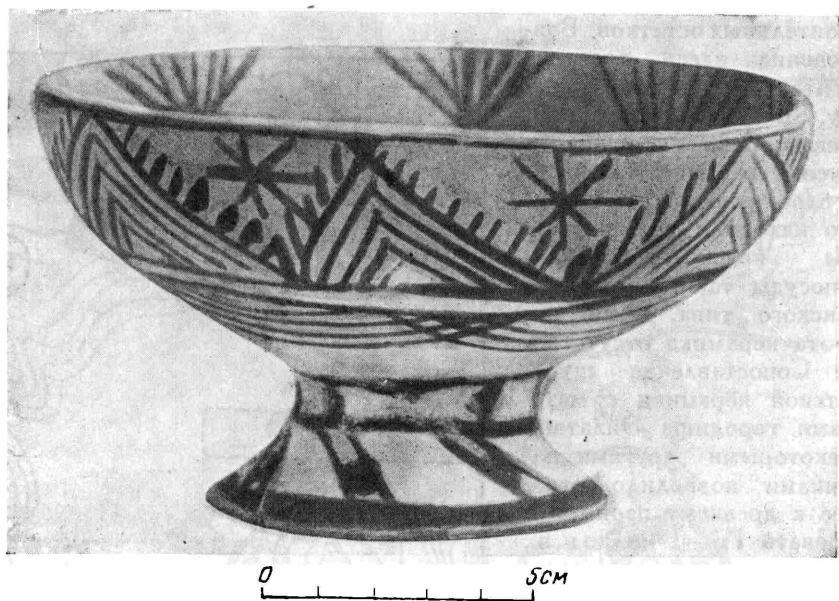

Рис. 32. Расписная чаша из ямы в раскопе II.

на уровне пола расчищена горловина хума, дно которого было на глубине 3,2 м. С другой стороны меридиональной стены на том же полу находился очаг, сложенный из зернотерок, очевидно вышедших из употребления. В северо-западном углу раскопа обнаружена часть другой стены, проходившей в направлении запад—восток. Она, очевидно, соединялась с меридиональной стеной. В верхнем слое найдено несколько пряслиц, в том числе и биконической формы, костяной наконечник на ремень, костяные накладки на лук, альчики, бусы, камень, служивший подпятником, и др.

Постройки нижнего слоя (1,8—2,6 м) не сохранились; очевидно, они были выровнены при возведении более позднего здания. На глубине 2,5 м ниже очага из зернотерок вскрыта небольшая выкладка из плоских камней, а на некотором расстоянии от нее — отверстие мусорной ямы, расширившейся книзу, засыпанной рыхлым лёссом и золой. В яме оказалось большое количество костей домашних животных (определено 60 костей) и много керамики: расписной почти целый кувшин, замечательная чаша на высоком полове поддоне, расписанная по светло-розовому фону карминно-фиолетовой краской (рис. 32), чаша с перехватом стенок, снаружи сплошь окрашенная той же краской. На дне чаши прочерчен тамгообразный знак. Кроме того, в яме оказались два пряслица и четыре костяные накладки на лук. Дно ямы находилось на глубине 4 м. Нижний пол лежал на слое костей животных.

Толщина культурного слоя в раскопе уменьшалась по направлению на юг. В южной половине раскопа никаких строительных остатков не встречено.

Керамику из раскопов I и II можно разделить на следующие типы: 1) крашенная и расписная; 2) бытовая некрашенная; 3) кухонная, с большой примесью дресвы в тесте; 4) красноангобированная; 5) хумы.

Целые сосуды, найденные в раскопе II, в погребениях, в силосной траншее и других пунктах, позволяют охарактеризовать формы шурабашатской керамики. Почти вся посуда изготовлена от руки, за исключением красноангобированной. Наиболее характерна керамика первого типа (крашенная и расписная). Она изготовлена из теста с примесью дресвы, черепок тол-

стый, в изломе — красноватого цвета. Снаружи сосуды покрыты светло-розовой облицовкой, залощены и затем окрашены или расписаны карминно-фиолетовой краской. Образцы расписной керамики разнообразны. Роспись встречается на больших кувшинах и корчагах, горшках, чашах, жаровнях, крышках и т. д. Наиболее типичной формой является чаша с перехватом стенок посередине и плоские жаровни. У некоторых сосудов вся поверхность покрашена карминно-фиолетовой краской. Очень часто попадались чаши, у которых закрашена только часть стенок вдоль края полосой разной ширины. Иногда на одном и том же сосуде сочетается роспись и окраска. Элементы орнамента немногочисленны, но встречаются в разных сочетаниях: треугольники и ромбы, заштрихованные решеткой, углы, состоящие из отрезков, окаймленные с обеих сторон волнистыми линиями и в целом образующие зигзаг, полудужки, разные растительные мотивы — елочки, веточки и др. (рис. 33). Своеобразие керамическому комплексу придает обилие ручек различной формы и плоских крышек. Крашенная и расписная керамика в сборах составляют около 30% всех находок.

Керамика второго типа — лепная, изготовленная из глиняной массы с примесью дресвы, представлена главным образом крупными кувшинами и мисками. Поверхность сосудов серовато-оранжевого цвета, без облицовки.

Кухонная посуда слоистая, рыхлая, серо-черноватого цвета, с примесью толченых раковин в тесте и с известковыми включениями, резко отличается от других типов. На нескольких обломках имеются вмятины, оставленные пальцем. Фрагментов сосудов этого типа найдено очень мало, в раскопе II их оказалось всего около 20. Формы посуды не установлены.

Небольшим количеством находок представлена также и красноангобированная посуда, изготовленная на круге, покрытая плотным оранжево-красным ангобом. Для этого типа характерны чаши с перехватом и кувшинчики без ручек. В 1955 г. найден единственный фрагмент красноангобированного сосуда с процарапанным орнаментом, являющимся наиболее характерной особенностью ферганской керамики последних веков до н. э. и первых веков н. э.³

Хум, обнаруженный в раскопе, сходен с хумом, найденным на Мархаматском городище⁴. В Шурабашате известны хумы другой, шарообразной формы с тремя выступами-шишками на плечиках.

Среди собранных в Шурабашате пряслиц есть биконические, с желобками на нижней половине, типа обычного для древней Ферганы последних веков до н. э. и первых веков н. э.⁵ Большинство же пряслиц сероглиняные, необычной формы — неправильные, округлые. На одном из них на верхнем конце заметны радиальные насечки вокруг отверстия. В раскопе найден каменный пестик, служивший, очевидно, лощиком.

Интересны находки костяных накладок от лука, часть которых побывала в огне. Ближайшую аналогию костяному с циркульным орнаментом оконечнику на ремень можно найти в Гурмиронском могильнике (около Касана)⁶.

³ Ю. А. Заднепровский. Об этническом составе населения древней Ферганы. КСИИМК, 61, 1956, стр. 43.

⁴ Раскопки Памиро-Ферганской экспедиции АН СССР под руков. А. Н. Бернштама в 1950 г. Хранится в Андижанском областном музее.

⁵ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Тр. Ин-та ист. и археол. АН УзССР, т. IV, 1951, табл. V; см. также В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Там же, табл. IX.

⁶ Раскопки Памиро-Ферганской экспедиции АН СССР под руководством А. Н. Бернштама. Находки хранятся в Наманганском областном музее.

Кости домашних животных, собранные в раскопе II 1955 г., дают некоторое представление о составе поголовья. Большинство из них принадлежит козе или овце — около 64%; крупному рогатому скоту — 26% и лошади — 8%. Костей диких животных не найдено. Наибольшее сходство по процентному соотношению костей животных Шурабашат имеет с синхронным городищем Алтын-Асар в низовьях Сыр-Дарьи:

	Шура- башат	Алтын- Асар*	Джан- бас-кала**	Кауңчи-тепе***		Топрак- кала****
				I	II	
Мелкий рогатый скот	64	65,8	58,7	31,3	34,3	74,0
Крупный рогатый скот	26	21,2	17,4	56,0	43,2	17,5
Лошадь	8	8,2	8,1	6,7	12,2	4,4

* С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1945—1948 гг.).

В сб. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, 1952, стр. 19, прим. 1.

** В. И. Цалкин. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. Там же, стр. 243, 244.

*** В. И. Громова. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии по раскопкам Кауңчи-тепе в 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 42.

**** В. И. Цалкин. Указ. соч.

Так же как в Алтын-Асаре, кости крупного рогатого скота и лошадей составляют более одной трети всех находок. Очевидно, эти виды домашних животных играли ведущую роль в скотоводстве жителей древнего Шурабашата.

В 1955 г. проведены разведывательные раскопки на холме цитадели с целью выявления материалов для определения ее времени. Склоны холма крутые, возвышается он на 12 м над уровнем земной поверхности. Раскоп в северо-западном конце цитадели, площадью около 50 кв. м, был доведен в юго-восточной части до уровня первого пола на глубине 3 м. Следовательно, изучена только небольшая часть напластований. В раскопе обнаружен завал из обломков глинобитных стен, зольные прослойки и очажные пятна. Помимо костей животных и обломков зернотерок, встречена керамика тех же типов, что и в раскопах I и II на городище II. В южном углу раскопа расчищена круглая ямка, уходящая вглубь более, чем на 1 м. В ней найдено несколько обломков костей животных и три фрагмента крашеной и расписной керамики.

Материал свидетельствует об одновременности верхнего слоя цитадели и раскопов I и II на городище II. В обоих случаях найдена расписная и в небольшом количестве красноангобированная керамика. Вполне возможно, что в более нижних слоях цитадели, учитывая высоту холма, будут обнаружены более ранние находки.

Для выяснения стратиграфии городища III был заложен шурф (9 кв. м) на одном из холмов вблизи цитадели. В верхнем слое шурфа совершенно неожиданно оказались жженые кирпичи и средневековая поливная и неполиванная керамика X—XII вв., а также небольшое количество расписной и красноангобированной керамики древнего периода. С отметки 1,2 м количество керамики древнего периода значительно возросло и далее она составила большинство находок. Шурф не довели до материка: на глубине 2,5 м выступили грунтовые воды.

Открытие средневекового слоя значительно изменило наши представления об истории Шурабашатского городища. Следует отметить, что,

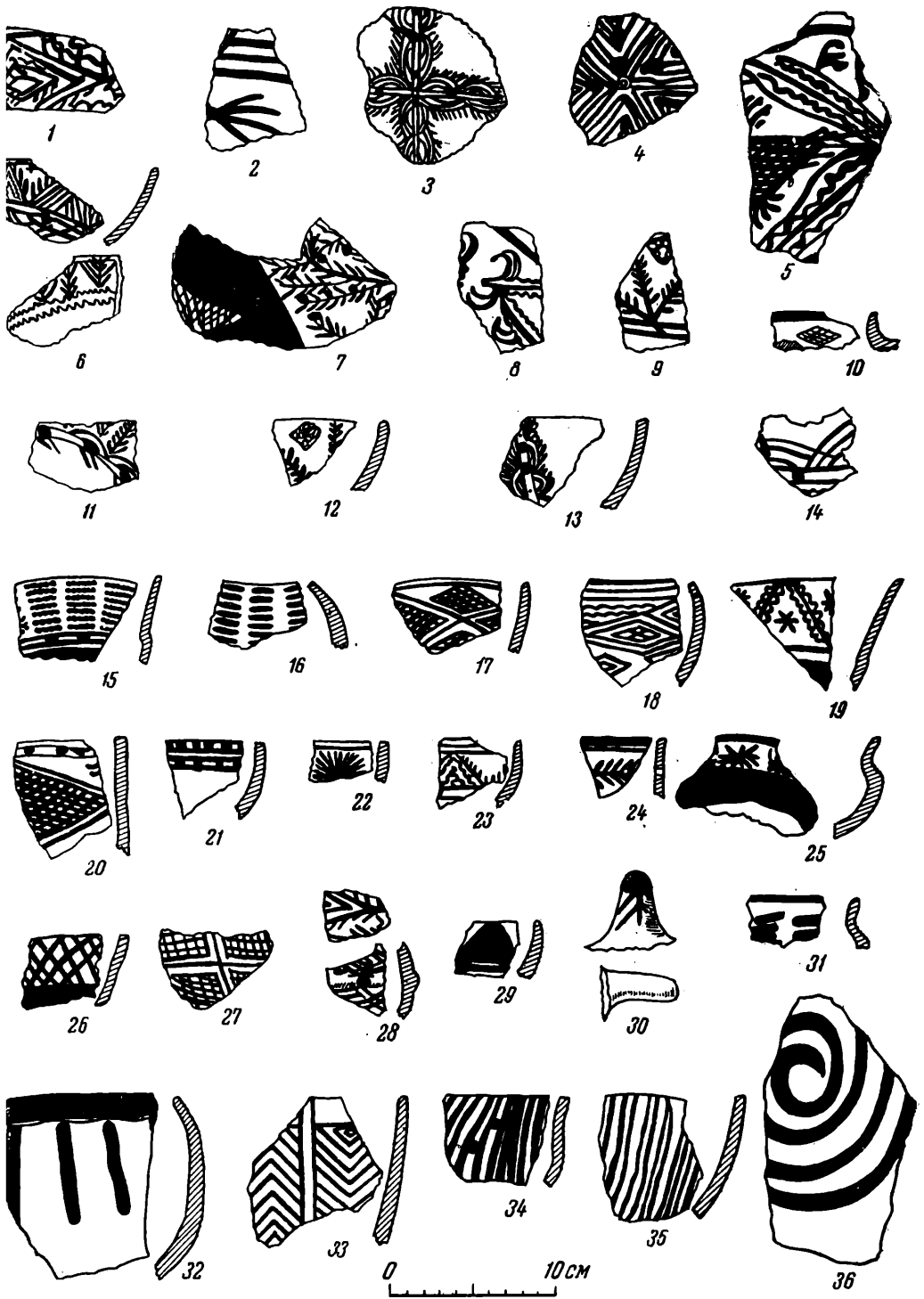

Рис. 33. Расписная керамика с городища Шурабашат.

1—36 — находки 1955 г.

несмотря на тщательные поиски, никаких следов средневекового слоя не обнаружено ни в раскопах I и II, ни на поверхности I и II городищ. Керамика же древнего периода найдена на площади всех трех частей Шурабашата, юго-западнее его, на современном кладбище в юго-западной части, западнее — в силосной яме и севернее. На основании этого можно предполагать, что поселение древнего периода занимало всю площадь городища. В средние века жизнь была сосредоточена только на незначительной площадке одного третьего городища. Пока остается непонятным отсутствие средневековых находок на цитадели. Возможно, она совсем не была обжита в это время.

Важным результатом работ 1955 г. является открытие некрополя Шурабашата. Захоронения вскрыты в обоих концах траншеи, которая перерезала северный вал городища напротив раскопа II. Ширина вала в том месте, где были впушены погребения, достигала 38 м, а высота его равнялась 6 м. Оба костяка лежали на спине, головой к западу. Возле первого найдено два кувшина с окрашенными горловинами и красноангобированная чаша с перехватом стенок. Здесь же находилась овальная бронзовая пластинка, очевидно туалетная, с остатками красного порошка, а также бронзовый колокольчик, железная полая трубочка неизвестного назначения, сурьматаш и графит, обломок покрытого красным ангобом прясла с желобками и большое количество бус.

В трех метрах севернее погребения в траншее обнаружены три сосуда, находившиеся, очевидно, в составе инвентаря еще одного захоронения.

Второе погребение вскрыто в южном конце траншеи в 15 м от первого. Костяк лежит также на спине, вытянуто, руки положены вдоль тела; голова ориентирована к западу, лицо на юг — к реке. Слева от костяка возле головы лежали кости молодого барана и на них узкая бронзовая пластинка с железными заклепками. Под костями барана находились очень тонкие и мелкие, очевидно птичьи, кости. Вдоль костяка слева стояли три кувшина и горшок. Красноангобированный горшок лежал на боку, отверстием к костяку. В нем находилось прясло. Особо интересен кувшин на поддоне, снабженный двумя горизонтальными ручками в виде рожков и покрытый росписью геометрического характера. Сверху он был закрыт жаровней, обычного для Шурабашата типа. В центре дна жаровни преднамеренно пробито отверстие. Внутри кувшина на поддоне найдено второе прясло. На пальце левой кисти обнаружен бронзовый перстень.

Форму могилы проследить не удалось. По-видимому, захоронения произведены в простых грунтовых ямах. Костяки сохранились плохо. Удалось взять только череп из первой могилы. Оба захоронения, расположенные на обоих склонах вала, находились на одном уровне — на глубине 5 м от вершины. Одинаковый ритуал погребения и сходная керамика свидетельствуют об одновременности захоронений, которые, вероятно, принадлежат жителям древнего поселения, существовавшего на месте Шурабашатского. Особый интерес вызывает такая деталь похоронного ритуала, как положение в могилу тушки барана, что обычно считают одной из характерных черт кочевнических погребений, в частности в катакомбных и подбойных могилах. При захоронениях найдено 11 сосудов, которые представляют все четыре основных вида керамики Шурабашатского городища: неорнаментированная, крашенная, расписная и красноангобированная (рис. 34). К первому относятся два кувшина ручной лепки, снабженные вертикальными ручками. У трех кувшинов горловины раскрашены карминно-фиолетовой краской. Замечательными образцами представлена расписная посуда: кувшин на поддоне, чаша с перехватом, нижняя половина которой сплошь закрашена, а верхняя заполнена узором из зигзагов и полудуг, и глубокая ваза на полом поддоне. Роспись имеется также и на жаровне. В обоих захоронениях обнаружено по одному тонкостенному, красноанго-

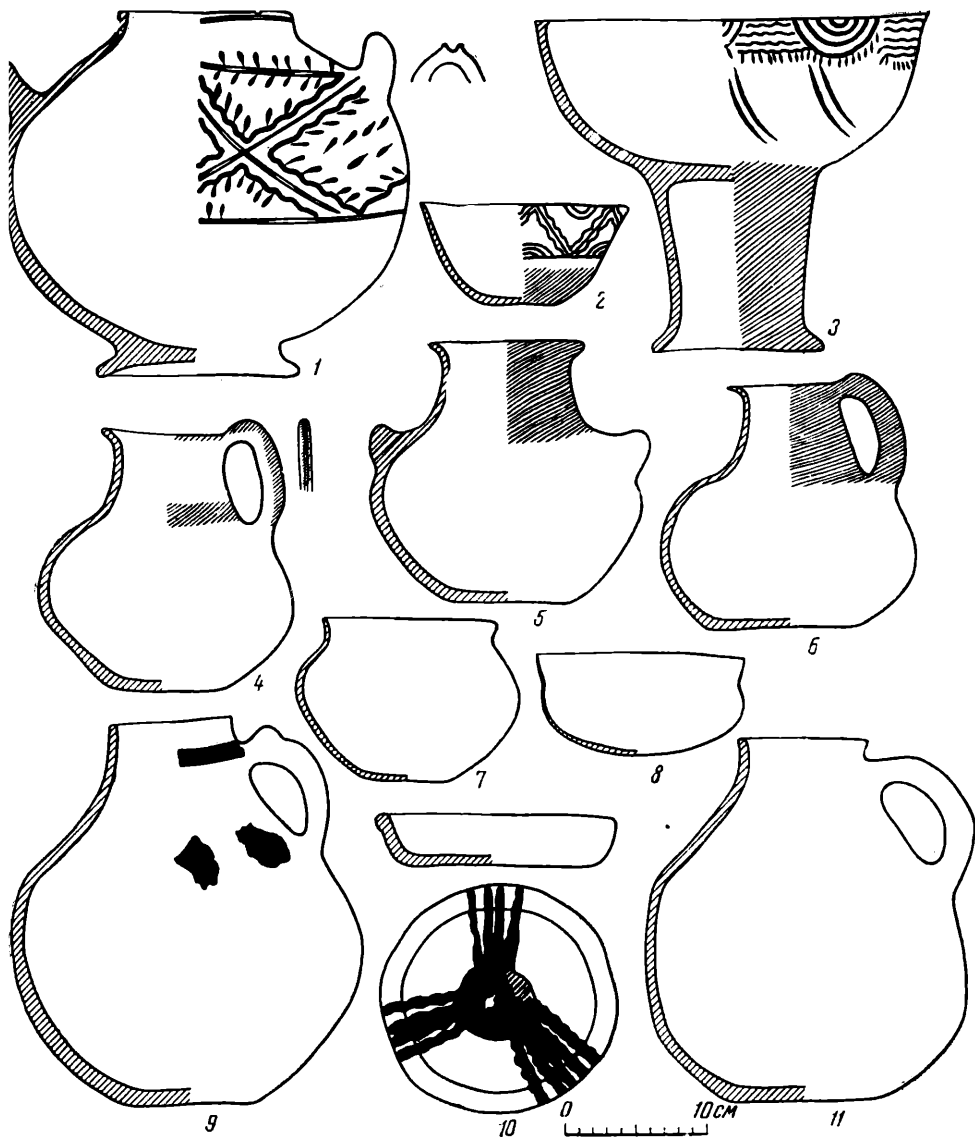

Рис. 34. Сосуды из погребений в валу городища Шурабашат.

1, 7, 9—11 — погребение № 2; 2—4 — погребение № 3 (?); 5, 6, 8 — погребение № 1.

бированному с лощением сосуду. Совместное нахождение сосудов разного типа подтверждает предположение об их одновременности. Керамика захоронений идентична керамике из раскопа и собранной на поверхности городища и дает основание для реконструкции некоторых форм посуды, найденной ранее.

Ряд находок из некрополя Шурабашата сходен с инвентарем Кайноватского могильника, обнаруженным на трассе Большого Ферганского канала, а именно, красноангобированные чаши с перехватом, изготовленные на круге, биконические прясла, сурьматаш. И там и здесь отмечено наличие железа⁷. Шурабашатская ваза имеет некоторое сходство с глиняным кот-

⁷ Т. Г. Оболдуева. Указ соч., табл. I—5, 7; V, VI—4; стр. 16.

лом из Кувинского могильника⁸. Кайноватский могильник датируется II в. до н. э.—первыми веками н. э. Погребения Шурабашата с расписной керамикой относятся, очевидно, к более раннему периоду. Наиболее вероятная дата — III—I вв. до н. э.

Изучение обнаруженных захоронений позволяет высказать некоторые соображения о времени сооружения укреплений Шурабашата. Можно предположить, что они возведены в V—IV вв. до н. э. до захоронений, которые находятся на высоте более 1 м выше уровня современной поверхности. Если бы вал возводили на месте древнего кладбища, то в промежуточной полосе, шириной в 15 м, свободной от захоронений, оказались бы также могилы, а сами захоронения находились бы на уровне земной поверхности и глубже.

Можно ожидать, что дальнейшее изучение некрополя даст материалы для решения этого вопроса и других проблем, а также расширит наши представления о физическом облике древнего населения.

Работы 1955 г. подтвердили предложенную нами датировку расписной керамики, а на ее основании — и городища Шурабашат, древним периодом. Внутри этого периода можно выделить два этапа, абсолютная дата которых остается пока не выясненной. Своеобразная расписная керамика — наиболее характерная черта памятника — не находит аналогий в Средней Азии и в других районах, за исключением быть может Синьцзяна (Нов. Турфан), где профессор Хуан Вэнь Би (Китай) и Ф. Бергман обнаружили сходную по облику и времени посуду⁹. Расписная и крашенная керамика Шурабашата теперь может быть бесспорно отнесена к древнему периоду. В Средней Азии наибольшее сходство она имеет с эйлатанской, которая относится примерно к середине I тысячелетия до н. э. Красноангобированная посуда появляется в Средней Азии не ранее рубежа IV—III вв. до н. э. Наиболее вероятная дата шурабашатского комплекса, состоящего из крашенной, расписной и красноангобированной керамики, — IV—I вв. до н. э. Верхняя грань датировки еще не может быть установлена, так как некоторые виды этой керамики бытовали в первых веках н. э. Длительное переживание анауско-чустской традиции расписной керамики эпохи бронзы составляет одну из особенностей культуры древней Ферганы.

Городище Шурабашат из всех известных в настоящее время поселений древней Ферганы наибольшее по площади (70 га). Размеры городища, наличие цитадели и укреплений, высокий уровень материальной культуры позволяют говорить, что это один из крупных городских центров древней Ферганы того периода, когда здесь существовало Даваньское царство. Расписная керамика шурабашатского типа встречена почти на всех обследованных памятниках в Узгенском оазисе, в Савайской степи и в долине Кугарта и, очевидно, составляет не локальную особенность Узгенского оазиса, а явление более широкое — общеферганское. Дальнейшее изучение городища позволит охарактеризовать новый, ранее неизвестный этап развития культуры древней Ферганы, который можно назвать шурабашатским. К середине I тысячелетия н. э. городище, очевидно, было заброшено, судя по отсутствию раннесредневекового слоя и находок. Поселение, возникшее здесь в IX—X вв., можно рассматривать как одно из небольших селений сельской округи средневекового Узгена.

⁸ Не опубликован. Хранится в Ферганском областном музее.

⁹ F. Bergman. Archaeological researches in Sinkiang. The Sino-Swedish expedition. Publ. 7, VII Archaeology, I, 1939, p. 14—18.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В 1955 г. НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В 1955 г. Дальневосточная археологическая экспедиция ИИМК АН СССР продолжила исследования на территории Приморского края и на о. Сахалине¹.

Целью исследований, как и прежде, было выяснение наиболее ранних этапов прошлого Советского Дальнего Востока, общего облика дальневосточной неолитической культуры, а также процесса перехода местных племен от камня к металлу. Вторая задача — изучение памятников средневековой эпохи в Приморье, когда этот край входил в состав бохайского царства и чжурчженской империи Цзинь (VIII—XIII вв. н. э.), а культура местного населения достигла наибольшего расцвета.

В отличие от первых лет деятельности экспедиции, в основном велись стационарные работы на важнейших памятниках, обнаруженных ранее: 1) в районе с. Осиновки, 2) у г. Уссурийска и 3) в районе поселка Тетюхе. Одновременно производились и разведочные работы, обнаружены ранее неизвестные и обследованы заново еще недостаточно ясные памятники.

Работы 1955 г. позволили собрать обильный и разнообразный материал, который расширил и, в ряде случаев, изменил существовавшие представления об археологических памятниках Приморья, этого ключевого для изучения многих вопросов истории народов нашего Дальнего Востока района.

Наиболее ранние следы человека на территории Приморья представлены находками в нижнем слое поселения у д. Осиновка, открытом в 1953 г. Поселение, как выяснилось теперь, трехслойное. Его слои относятся к трем культурно-историческим эпохам, в том числе и к наиболее ранней из известных сейчас в Приморье. К сожалению, большая часть древнейшего поселения уничтожена при выемке балласта для дорожного строительства, но и уцелевший участок исключительно интересен.

Остатки лагеря первых обитателей поселения помещались на высоком холме вблизи древнего заросшего русла р. Осиновки, тогда, очевидно, несравненно более многоводной и широкой. Они поселились непосредственно на выветрившейся голой поверхности гранитной скалы. Оставленные ими каменные изделия обнаружены в красноватой прослойке, резко выделяющейся на фоне светложелтого суглинка, залегавшего выше. Очень вероятно, что этот слой соответствует латеритовым отложениям, образующимся

¹ Работы экспедиции, как и ранее, велись в тесном контакте с Дальневосточным филиалом АН СССР, на совместных началах и по общему плану. В составе экспедиции работали научные сотрудники сектора истории, археологии и этнографии филиала в том числе зав. сектором В. В. Томашевский, Э. В. Шавкунов, В. Е. Ларичев, В. Г. Щебенков, Ю. А. Сем.

в результате выветривания в условиях влажного тропического климата. Характерна группировка вещей на жилой площадке холма.

В центре располагалась своего рода «наковальня» из твердого кварцита, покрытая многочисленными выбоинами — следами длительной работы. Вокруг были рассеяны осколки камней, использованных для изготовления орудий труда. Уцелели и сами орудия: крупные речные гальки из плотной зеленокаменной породы. Один конец галек затесан рядом сильных, ловко направленных ударов и превращен таким образом в широкое массивное лезвие, похожее на лезвие современных топоров или сечек. Такими грубыми орудиями можно было рубить кости или дерево, копать землю, вырывать съедобные корни и даже поражать охотничью добычу. Подобные орудия неизвестны к западу от Урала. Их, в сущности, нет и в соседней Сибири. Но тем интереснее, что они напоминают по общей форме и способу изготовления такие же галечные рубящие орудия в виде своеобразных «сечек», известные в каменном веке Китая и еще более далеких областей Азии — вплоть до Бирмы и Индокитая.

Тот же отпечаток своеобразия и, вместе с тем, определенного родства с древними культурами соседней Восточной Азии лежит и на культуре более поздних обитателей нашего Дальнего Востока — эпохи неолита.

В 1955 г., как и прежде, уделялось много внимания поискам наиболее ранних неолитических поселений. Интересны, в частности, две такие новые находки. Первая отмечена в районе полуострова Песчаного, где неподалеку от известного поселения с раковинными кучами, открытого В. К. Арсеньевым, обнаружены остатки поселения более древнего, палеолитического облика. Второе местонахождение обнаружено также в районе Владивостока, на расположенном против него полуострове Де-Фриза. Неожиданной чертой обоих поселений является то, что они, вопреки ожиданию, были расположены не на большой высоте, а очень низко по отношению к современному уровню моря — всего в каких-либо 1,5—2 м над ним. Это обстоятельство свидетельствует, по-видимому, о том, что после неолитического периода в этом районе произошло понижение суши или соответствующее повышение уровня океана.

Излишне говорить, насколько важен этот факт для изучения не только археологии, но и четвертичной геологии Приморья, если сделанные наблюдения подтвердятся дальнейшими исследованиями.

В районе устья р. Майхэ обнаружено поселение, по-видимому, несколько более позднего отрезка неолитического времени. Собраны одно-сторонне-выпуклые, а также круглые в поперечном сечении шлифованные тесла, обитые изделия из кремня и обсидиана и характерная керамика, орнаментированная резным узором в виде вертикальных зигзагов.

В континентальной части Приморья неолитические находки обнаружены при раскопках на том же Осиновском холме, где над древнейшим культурным слоем оказался второй, более поздний, принадлежащий культуре развитого неолита. Здесь встречены шлифованные орудия, обитые наконечники, керамика с орнаментом в виде ленточной плетенки. Находки свидетельствуют, что в неолите на обширных пространствах внутренней, континентальной части Приморья существовала одна и та же неолитическая культура, родственная, но вместе с тем и отличная от соседней нижне-амурской, в материалах которой был широко распространен криволинейный спирально-ленточный узор, а «плетенка» имела лишь подчиненное значение.

Самые обильные и яркие находки, относящиеся к этому времени, обнаружены около устьев р. Тетюхе. На высоком мысу при слиянии двух речек находилось когда-то обширное поселение древних охотников и рыбаков. Много поколений их сменилось на тетюхинском холме, и каждое оставляло следы своей трудовой деятельности. В самом низу рыхлых отложений тер-

расы залегали культурные остатки, свидетельствующие о том, что первые поселенцы пришли сюда уже с достаточно высокой по тем временам культурой.

Характерной чертой этого поселения эпохи развитого неолита, как и неолитического комплекса из Осиновки, является, однако, полное отсутствие нуклеусов призматического типа и соответствующих ножевидных пластин правильных форм. Это обстоятельство очень важно и для датировки находок, и для их культурно-этнической характеристики. То же самое отмечается и в соседних областях Восточной Азии, лежащих к югу и к востоку от зоны распространения так называемой «микролитической культуры Центральной Азии», т. е. Монголии, Синьцзяна, севера Дунбей и района Великой китайской стены.

Но каменный инвентарь поселения вообще очень обилен.

Вместе с превосходно отшлифованными теслами из камня, скребками и изящно отделанными тонкой ретушью наконечниками стрел и ножами в культурном слое лежали обломки больших глиняных сосудов с плоским дном. Стенки сосудов украшены в верхней части простым, но эффективным узором, имитирующим как бы широкую ленту, сплетенную из полосок ткани или кожи.

Сосуды такого рода неизвестны в таежных областях Сибири, но близкие им по форме и орнаменту горшки употреблялись в III тысячелетии до н. э. неолитическими племенами на юге Монголии и в северо-восточных областях Китая.

Спустя тысячу лет, около четырех тысяч лет тому назад, в жизни древних тетюхинских обитателей произошли существенные изменения.

На месте древнейшего охотничьего лагеря возникло большое поселение — настоящая деревня людей каменного века. Поселок состоял теперь из прочных долговременных жилищ. Уцелели ямы — остатки более двух десятков таких жилищ, площадью иногда до 100 кв. м. В ходе раскопок вскрыта одна из таких прямоугольных ям; по бокам ее располагались ямы для хранения пищевых запасов, а в середине было несколько небольших очагов. Существенно отличалась планировка другого, соседнего, дома. Пол его поднимался уступами по сторонам центрального очага. На уступах лежали каменные изделия, в том числе превосходно отшлифованные каменные тесла, оставленные древними обитателями.

Вещи эти не были разбросаны в хаотическом беспорядке, как могло показаться на первый взгляд. Напротив, в их расположении обнаруживалась определенная система, связанная с распорядком жизни обитателей жилища и их трудовыми занятиями.

В одном месте концентрировались каменные наконечники; в других — кремневые отщепы, оставшиеся от изготовления орудий. На уступах в землянке размещались и остатки глиняных плоскодонных сосудов. Сосуды эти стояли когда-то целыми, но затем, когда жилище было оставлено и заброшено, они свалились на бок и были раздавлены землей.

Первое из раскопанных жилищ было местом, где протекала хозяйственная жизнь, готовилась пища на специально сооруженных с этой целью очагах, в своеобразных ямах-амбарах хранились запасы. Второй дом служил для иных целей. Судя по этнографическим аналогиям, вокруг центрального и единственного очага возвышались двумя рядами широкие ступени — нары, на которых работали обитатели жилища; изготавливали каменные орудия, в том числе наконечники дротиков или гарпунов (рис. 35). Мастер, выделывавший наконечники, обосновался в определенном месте, к востоку от очага. На нарах стояли глиняные сосуды. В целом, дом больше всего напоминал так называемые мужские дома или дома для собраний, хорошо изученные этнографами у многих отсталых племен Северной Азии и Америки в XVIII—XIX вв.

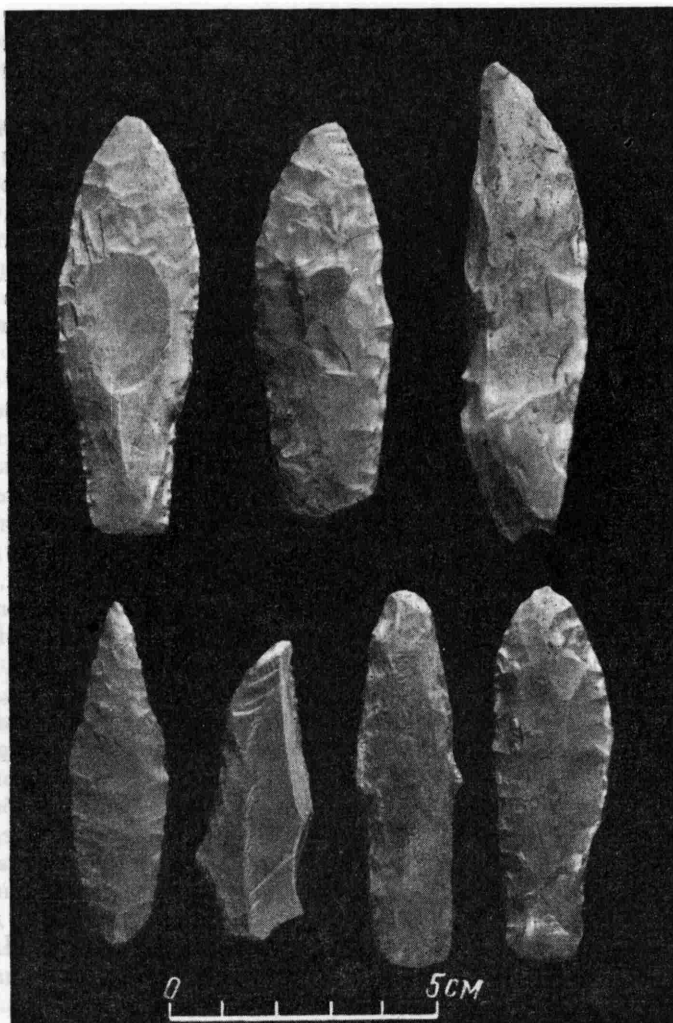

Рис. 35. Каменные наконечники и ножи из землянки № 2 у с. Тетюхе.

Появление таких поселков, где постоянно или длительное время жила не одна, по-видимому, сотня людей, связано было с переменами в экономике населения Дальнего Востока.

Племена эти, одно из которых обитало на Тетюхинском мысу, по-прежнему еще не знали металла, оставаясь людьми каменного века. Но уже появились первые признаки нового прогрессивного хозяйства — зачатки земледелия. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки зернотерок и терочников-курантов. Окрепли и расширились связи с соседними территориями и странами. Из далекого Забайкалья сюда завезено, например, тесло, материалом для которого послужил полудрагоценный камень — нефрит. Украшения в виде длинных цилиндрических бусин и кривые подвески, напоминающие кабаньей клык, говорят о связях с населением берегов Китая, Японии, Кореи. О связях с племенами Китая и других соседних областей Азии можно судить также и по обломкам глиняной посуды.

Вся жизнь, весь бытовой уклад этих дальневосточных племен резко отличались от жизни таяжных охотников и рыбаков Восточной Сибири, не

знавших оседлой жизни, не строивших прочных жилищ полуподземного типа. У них не было плоскодонной глиняной посуды, и украшали они свои остродонные горшки совсем другим по стилю, прямолинейно-геометрическим орнаментом.

Последующие события в жизни приморских племен отражены находками поблизости от поселения на Тетюхинском мысу; в числе их каменные топоры новой формы, в виде плоских брусков, шиферные кинжалы, подражающие по форме металлическим изделиям, обломки сосудов иного, чем прежде, типа со своеобразным линейным узором. Такие тесла, кинжалы и керамика до сих пор встречались много южнее, в так называемых раковинных кучах вдоль берегов Тихого океана. Они принадлежали, по видимому, племени прибрежных жителей, отважных морских охотников и рыболовов, а также земледельцев, которых китайские летописцы знали под именем илоу.

Можно предположить поэтому, что в конце II или в начале I тысячелетия до нашей эры вдоль побережья Тихого океана вплоть до р. Тетюхе и, надо полагать, еще далее распространяются с юга новые племена. Новая культура несет отчетливые признаки связей с культурой племен, живших еще южнее, вдоль берегов Кореи, южного Китая и даже Индокитая.

Обследовались и такие памятники, которые дают ранее отсутствовавший материал для освещения связей между населением прибрежных районов Приморья в I тысячелетии до н. э. и обитателями его континентальной части. Судя по находкам обломков лощеных глиняных сосудов с характерными налепными валиками, пряслиц, изделий из шиферного сланца и нефрита, здесь обитали люди, родственные носителям «культуры раковинных куч».

Особенно интересна находка в нижнем слое поселения на Известковой, или Голубиной Сопке вблизи устья р. Майхэ дна сосуда с отверстиями в нем, показывающая, что здесь применялся своеобразный способ приготовления каши и вообще пищи из хлебных зерен на парú, широко распространенный в Китае с древности (культура Яншао) и до наших дней. Это — новое доказательство наличия земледелия у древнего населения Приморья.

Такие сосуды назывались в Китае — Hsien (сянь) и употреблялись в неолитическую эпоху в сочетании с триподами (ли). Позже появились бронзовые сосуды такого же рода, но уже не составные из двух частей, а вылитые в виде одного целого сосуда².

В то же время в культуре континентального населения Приморья, судя по керамике, наблюдаются и некоторые особенности, отличающие ее от культуры прибрежных племен.

В 1955 г. впервые обнаружены и раскопаны остатки жилища, датированного началом I тысячелетия до н. э. — эпохи раннего железа. Они вскрыты на том же Осиновском холме. Это была яма квадратных очертаний, глубиной около метра. Благодаря тому, что жилище погибло от пожара, удалось проследить конструкцию стен, устроенных из вертикально поставленных толстых жердей, плотно примыкавших одна к другой. Около одной из стен уцелели как бы нарочно запрятанные две фигурки лошадей из хорошо обожженной глины.

В заполнении ямы встречаются шлаки и обломки глиняной посуды, в том числе чаши на конической ножке-поддоне. Рядом с жилищем находился очаг, возможно служивший для плавки металла.

---

² J. G. Andersson. Prehistory of the Chinese. The Mus. of Far East. Antiq. Stockholm, Bull. № 15, 1943, p. 259; fig. 108; M. Bylin-Althin. The sites of Chi Chia P'ing and Lohant'ang, Kansu. The Mus. of Far East Antiq., Bull. № 18, 1946.

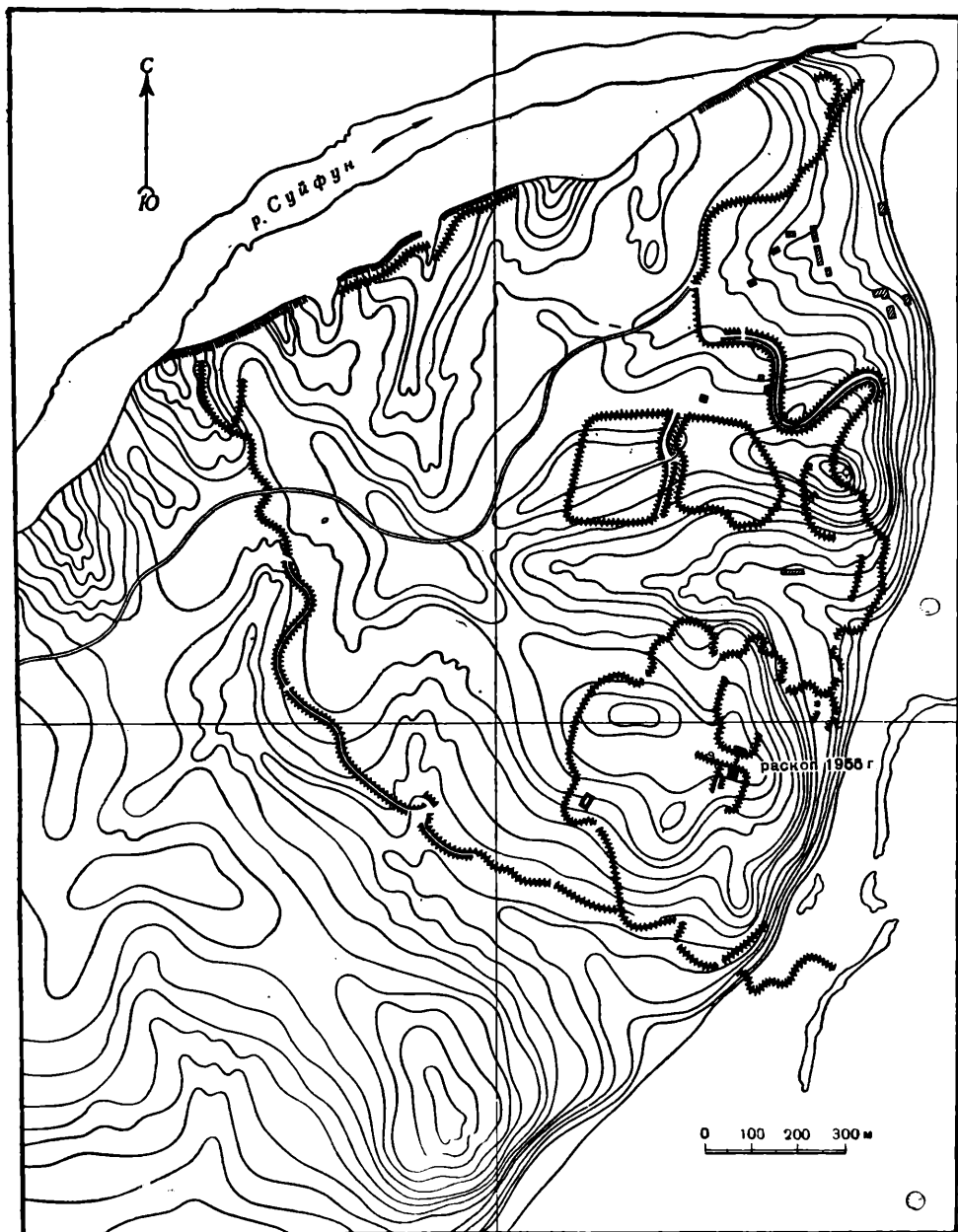

Рис. 36. План городища на Красноярской сопке.

Это — первый памятник Приморья, который может быть отнесен к тому времени, когда, по данным китайских летописей, здесь жили племена удзи или ранние мохэ.

Самым замечательным местонахождением памятников расцвета культуры нашего Дальнего Востока в средние века является г. Уссурийск и его ближайшие окрестности.

Уже первые исследователи Уссурийского края не раз обращали внимание на оборонительные сооружения Красноярской сопки на левом берегу р. Суйфуна, против г. Уссурийска. На протяжении около четырёх-

надцати километров тянется в соответствии с рельефом сопки оборонительный пояс древней крепости (рис. 36). Валы его и сейчас еще достигают 3—4, а то и 5 м в высоту.

Городище включает комплекс разновременных сооружений. Отчетливо выделяются три составные части: 1) двойное внутреннее городище, состоящее из двух соседних, обнесенных земляными валами, площадок. Валы сильно распылились и, судя по плохой их сохранности, могут быть наиболее древними сооружениями на сопке; 2) большое «внешнее» городище, охватывающее своими мощными валами основную часть возвышенности; 3) юго-восточная часть укрепления, примыкающая к самой крутой, недоступной части склона сопки и отгороженная высоким крутым валом. Эта часть, укрепленная особенно тщательно, была, очевидно, важнейшей, где за массивным валом и дополнительной высокой оградой стояли дворцовые здания и храмы бохайцев или, вероятнее всего, чжурчженей.

На месте этих построек сразу же под верхним почвенным покровом сплошным слоем залегала черепица — остатки крыш древних зданий, лежавшие местами в удивительном порядке (рис. 37—1).

Раскопки двух зданий, или, вернее, расчистка их крыш от лежащего сверху дерна, показали, что среди массы черепиц уцелели и фрагменты изображений чудовищных фантастических существ, украшавших угловые концы крыши. Под слоем черепицы выступали большие глыбы тесаного камня — опоры для деревянных столбов, на которых держалась кровля. Перед входом в здание № 1 стояла каменная стела, верхняя часть которой с обеих сторон была украшена глубоко выбитыми в камне орнаментальными линиями — в «елочку» — на одной стороне и поперечными прямыми на другой (рис. 37—2).

Это был, следовательно такой же «запретный город», город дворцов и храмов, как, например, в Чаньане, в столице бохайского царства около Нингуты или в позднейшем Пекине. Его архитектура имела в основе резко выраженный отпечаток высокой китайской культуры. Да вряд ли могло быть иначе в то время, когда блестящий Китай танской эпохи был образцом и учителем для всех соседних стран дальневосточного мира. У китайцев учились, по китайским образцам строили дворцы и храмы не только в Бохае, но и в Корее и Японии.

Но тем интереснее, что в общей планировке «запретного города» на Красноярровской сопке можно отметить одну существенную и в высшей степени характерную черту, отличающую этот город от городов Бохая и городских центров танского времени в Китае. В бохайской столице у Нингуты и в танской столице Чаньане город был размещен на ровной плоскости и имел в плане вид правильного прямоугольника. Прямые улицы пересекали его с юга на север и с востока на запад и делили на квадратные блоки — кварталы.

План городища на Красноярровской сопке подчинялся естественным формам рельефа возвышенности. Все здания «запретного города» размещались не на плоскости, а на специально срезанных уступах возвышенности, расположенных ступенями-террасами. Следовательно, в планировке древнего города отразились свои, самобытные традиции племен Дальнего Востока.

Не увлекаясь чрезмерно исследованием одних только эффектных сооружений на Красноярровской сопке, мы обследовали другие средневековые памятники, в том числе почти столь же величественное городище на Дубовой сопке в районе с. Шкотово, где обнаружен богатый керамический материал и другие вещи. Не менее интересны и результаты специальных поисков бохайско-чжурчженских памятников иного рода, не провинциальных столичных городов или крепостей-убежищ, а сельских поселений, где обитало земледельческое население, труд которого служил основой

экономического и военного могущества этих государств и их культурного расцвета.

Такой памятник обнаружен в районе того же Осиновского холма, где находилось поселение каменного века. Второй, лучше сохранившийся, обследован в одной из широких долин, впадающих в долину р. Осиновки, в местности Хлебная Падь. Ранее здесь протекал ручей, и до сих пор сохранились остатки довольно большого водоема, может быть отчасти искусственного. У водоема обнаружены остатки жилища, прямоугольного в плане, окруженного валом. Валом был окружен, во-видимому, и небольшой дворик, выходящий к водоему. При разведочных раскопках внутри жилища найдены остатки отопительного сооружения типа канов, широко известных в этнографии Северного Китая, Маньчжурии и Приамурья. Такие же, в принципе, каны известны и по археологическим данным. Они найдены, например, во многих зданиях столицы Бохая на месте вынешнего г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян, а также в пади Большой Дурал на Амуре, где находилось поселение чжурчженского времени, датированное китайской монетой Сунской династии.

В остатках жилища в Хлебной Пади найдены обломки характерной по форме темно-серой глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге, и фрагменты превосходных фарфоровых сосудов с глазурью беловато-зеленого цвета, типа селадона. Поблизости на полях собрано большое количество такой же керамики и несколько черепиц. Обнаружена китайская монета, датированная временем Сунской династии (период Сян-Пин, 998—1003 гг. н. э.)³.

Интересны средневековые поселения, обнаруженные в районе устья р. Тетюхе, раскрывающие новую страницу жизни северных областей, отдаленных от центров средневековой государственности нашего Дальнего Востока. Безжизненные и безлюдные в недавнем прошлом, эти места были, оказывается, относительно густо заселены; здесь располагались многочисленные укрепления, городища, сельские поселения, древние рудники и плавильни.

Уцелели остатки двух таких городищ. Одно из них находится в 5—6 км от устья р. Тетюхе, на ровной поверхности первой надпойменной террасы р. Мраморной (на месте его располагается небольшой хутор колхоза «Эстонка»). Городище представляет в плане довольно правильный четырехугольник, ориентированный по странам света, огражденный со всех сторон стеной, сложенной из земли и булыжника. Местами высота стены достигает сейчас 1,5 м. В западной части городища отмечены остатки двойной оборонительной линии из двух валов и рвов.

На площади городища собрана типично средневековая серая керамика, по-видимому чжурчженского времени, изготовленная на гончарном круге. Характерной чертой ее является наличие резных горизонтальных линий, опоясывающих сосуд в верхней его части.

Второе городище, в отличие от первого, размещено на живописной мысовидной возвышенности, сплошь поросшей кустарником и господствующей над двумя соседними долинами с прекрасными лугами. План его, как и других горных крепостей, подчиняется общей конфигурации возвышенности. Западная сторона, с наиболее пологим склоном, ограждена тройным оборонительным поясом из рвов и валов. С северной стороны, где склон наиболее крут, вал не прослеживается. Валы сложены из земли и камней. На юге и востоке их прорезают ворота. Из ворот с западной стороны выходит дорога к дну долины. Дорога тоже окаймлена валом высотой до 0,5 м. На этом городище собрана такая же керамика, как и на первом.

³ По определению Э. В. Шавкунова.

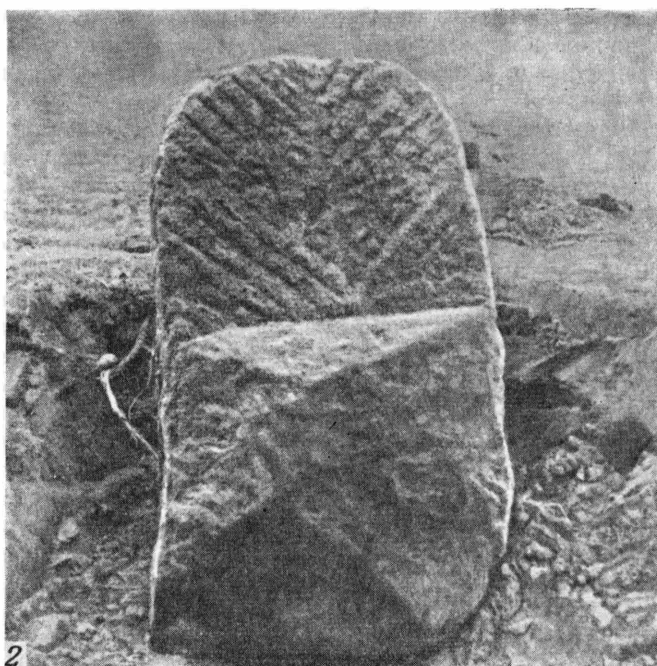
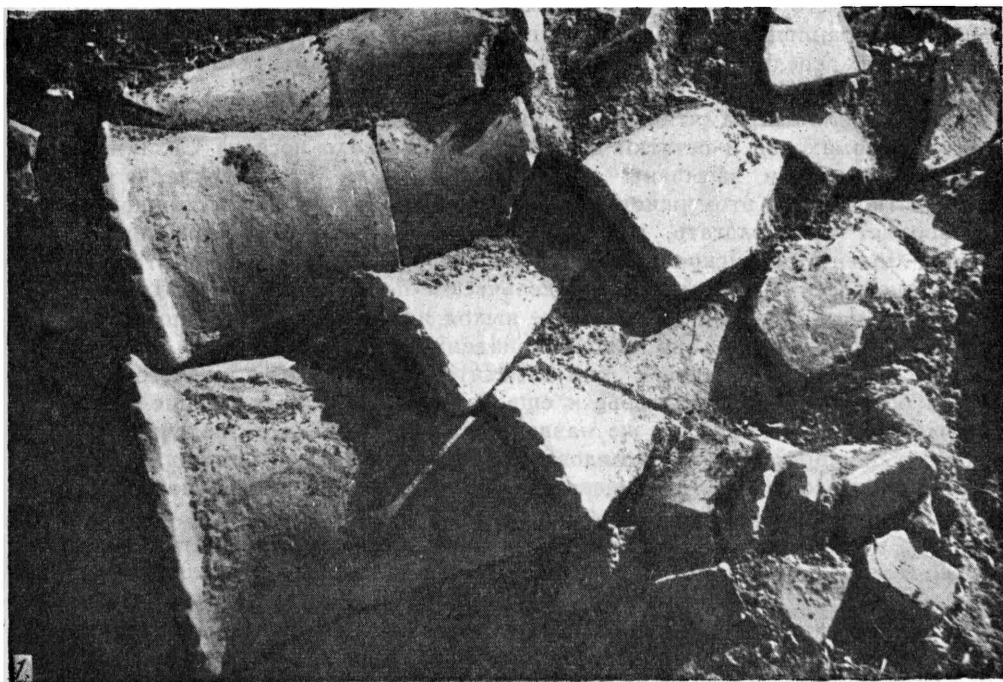

Рис. 37. Деталь остатков черепичной кровли здания № 1 на Красноярской сопке (1) и стела из того же здания (2).

Около неолитического поселения на р. Монастырке найдены остатки более позднего сельского поселения, к сожалению, распаханного, а потому плохо сохранившегося. На поселении обнаружена такая же, как на обоих городищах, средневековая керамика с резными орнаментальными линиями и железные шлаки.

Из остальных памятников интересны следы средневекового могильника у с. Мономаховка и остатки древних штолен около поселка Сихали, которые ранее были засыпаны осыпями и вскрыты при прокладке шоссе. Существование в этом районе горнорудного промысла и в настоящее время позволяет предполагать, что наличие руд цветных металлов привлекло сюда людей в бохайское и чжурчженское время. Не исключено, что по этой причине здесь и появились земледельческие поселения не только сельского типа, но и укрепления, замыкавшие выход из горнорудного района к морю и защищавшие его от внезапного нападения извне.

Особо нужно в связи с этим отметить, что следы древнего горного дела обнаружены в Приморье и еще дальше к северу, в долине р. Амгу, около бухты, носящей то же название. Здесь особым разведочным отрядом экспедиции⁴ были обследованы средневековые городища и изучены остатки около 40 древних шахт, свидетельствующих о значительных, по тем временам, размерах горных работ.

---

⁴ В составе М. В. Воробьева и Р. С. Васильевского.

Р. В. ЧУБАРОВА

РАБОТЫ САХАЛИНСКОГО ОТРЯДА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1955 г.

Сахалинский отряд Дальневосточной экспедиции проводил летом 1955 г. второй сезон своей работы по исследованию археологических памятников о. Сахалина. В 1954 г. велись разведки на отдельных участках западного, южного и восточного побережий южной части острова и в средней его части, на берегу залива Терпения. Исследовано 15 стоянок, материалы которых, пополненные материалами коллекций музея г. Южно-Сахалинска, позволили выделить отдельные периоды развития культуры древних обитателей острова, а также наметить характерные для каждого периода стоянки, давшие при разведках наиболее интересные находки. Наметилось четыре стоянки: Стародубское II, расположенная у с. Стародубского Долинского района, Сусуйская на берегу Анивского залива (Корсаковский район), стоянки у с. Верхняя Санносава того же района и на берегу Охотского моря у м. Рорей, в Долинском районе (рис. 38). Эти четыре стоянки и были более детально исследованы и частично раскопаны летом 1955 г.

Наиболее широко раскопки развернулись на двух древнейших из известных стоянок острова — Стародубское II и Сусуйская.

Стоянка Стародубское II — большое поселение, состоящее из 47 землянок, расположенных довольно правильными рядами (рис. 39). Вскрыта одна из самых крупных землянок (18 × 12 м), вытянутой четырехугольной формы с чуть оплывшими краями. Очертания землянки, заполненной культурным песчанистым слоем темно-коричневого, местами черного цвета, резко выделялись на подстилающем красновато-желтом песке (рис. 40).

Стенки землянки, углубленной в центральной части на 0,65—0,8 м, у стен до 1,2—1,3 м от поверхности, довольно прямые и были, видимо, укреплены неодинаково. Северо-западная — вертикальная, ровная, юго-восточная — более поката. Пол представлял собой слой очень плотной, утопанной глины, в центре достигавшей 12—14 см толщины. При зачистке третьего горизонта на этом глиняном слое обнаружили следы столбов, видимо поддерживавших перекрытия. По средней линии землянки несколько асимметрично располагались четыре центральных столба. Следы от них остались в виде круглых, диаметром 60—70 см, пятен, идущих на 40—45 см ниже дна землянки. По краям у стен вскрыты следы столбов второго ряда, несколько меньших по размерам. Видимо, в центре землянки стояли четыре столба, на которые опирались остальные, располагавшиеся у стен. Жилище, вероятнее всего, было того же типа, что и полуподземная гилацкая землянка, описанная академиком Л. Шренком¹, но сахалинская

¹ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, ч. II. СПб., 1883—1889. стр. 11—12. табл. X.

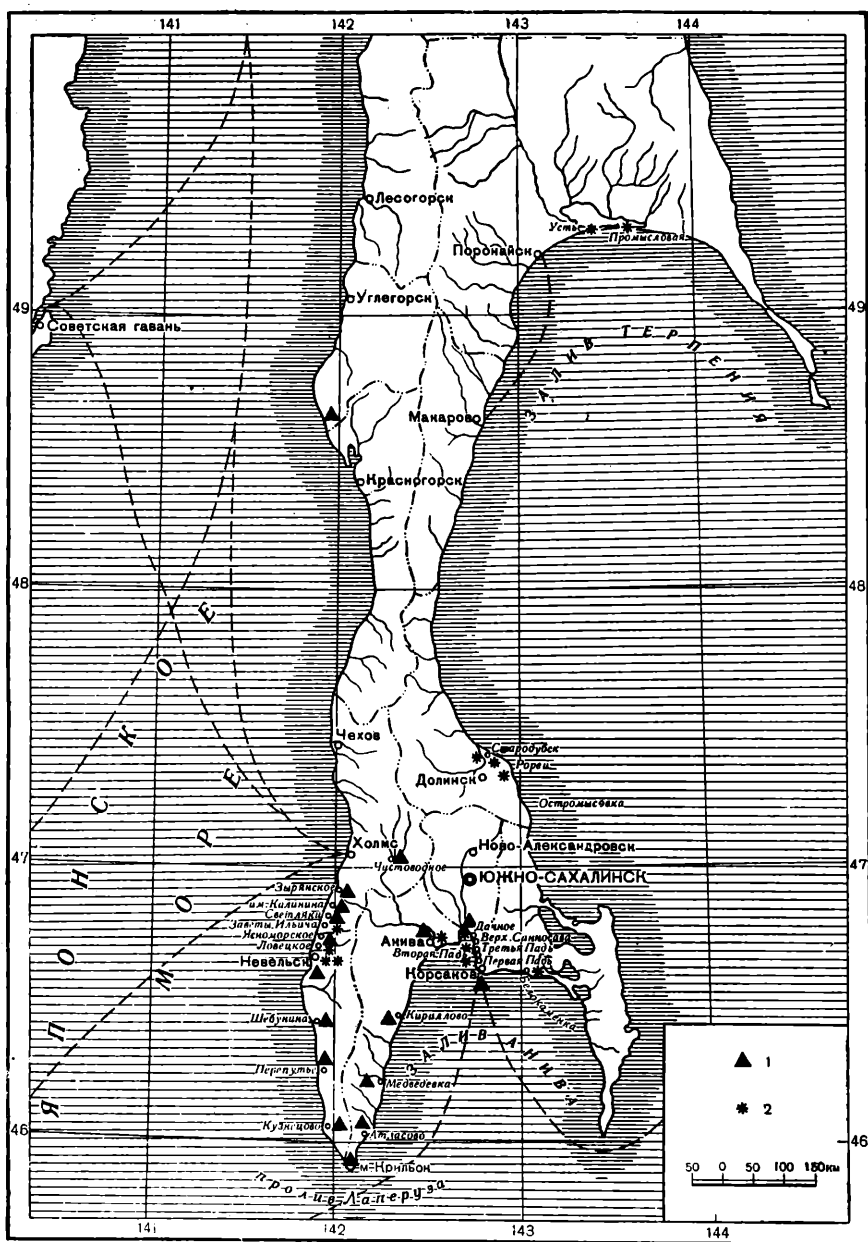

Рис. 38. Археологическая карта Южного Сахалина.

1 — отдельные находки; 2 — стоянки, исследованные в 1954—1955 гг.

больше обычных гонимых. Отличалась она и по расположению и количеству очагов. Центрального, большого очага не было. Вдоль северо-западной стенки размещалось несколько небольших очагов, обычно овальной формы, с толщиной слоя 7—16 см. Рядом с очагами — глубокие ямы, очевидно хозяйственного назначения.

Культурный слой землянки очень богат находками и содержал множество обломков глиняной посуды и каменных орудий. Изредка встречались мелкие косточки, не поддающиеся определению.

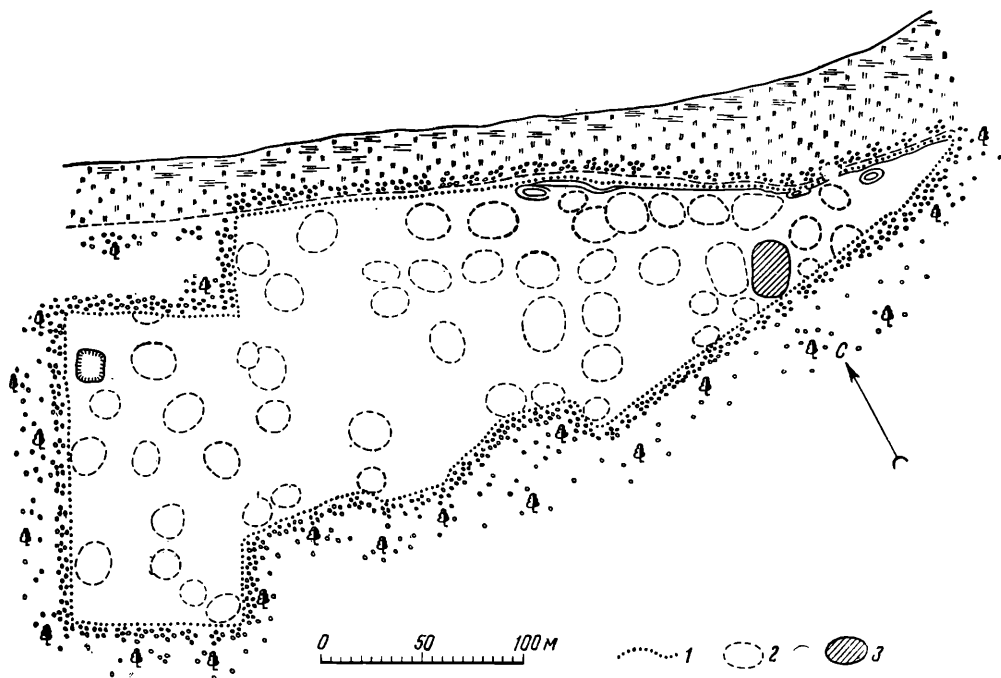

Рис. 39. План поселения Стародубское II.

1 — граница поселения; 2 — землянки; 3 — раскопанная землянка.

Керамика представлена многочисленными сосудами, большей частью в обломках. Обычно это были сосуды грязно-желтого или темно-серого цвета, хорошо обожженные, сделанные из крупноструктурной глины с примесью крупного песка и гравия. Стенки сосудов довольно толстые — в среднем 7—10 мм, иногда до 15 мм. Целых сосудов мало, но зато часто встречаются большие обломки, по которым можно легко представить форму изделия. Большинство сосудов было близкой к полуяйцевидной форме, с круглым или острым дном. Верхние края или прямые или имеют чуть суженную шейку с отогнутым венчиком.

Большая часть сосудов орнаментирована; орнамент располагался неширокой полосой чуть ниже верхнего края на сосудах с прямыми венчиками или же ниже шейки на сосудах с суженной шейкой. Орнаментальные полосы составлены из отпечатков различных штампов. Встречаются узоры гребенчатого, веревочного и фигурно-штампового, реже — резного и ямочного орнаментов (рис. 41). Очень разнообразен гребенчатый орнамент. Наряду с узорами из обычных гребенчатых оттисков в виде горизонтальных линий, зигзагов и «елочек», комбинаций из коротких горизонтальных и вертикальных гребенчатых отпечатков, встречаются оттиски фигурных гребенчатых штампов: удлиненно-овальные, поставленные вертикально или горизонтально, а иногда и наклонно, подковообразные, отпечатки в виде двух сомкнутых широкими сторонами уплощенных полуovalов, личинкообразные и др.

Веревоочный орнамент тоже образует различные сочетания. Особенно характерен он в виде нескольких, чаще всего двух-трех горизонтальных опоясывающих полос у верхнего края сосуда. Но встречаются и более сложные узоры, например комбинации горизонтальных полос с короткими наклонными, вертикальными отпечатками или волнистыми линиями, подковообразные веревочные отпечатки, отпечатки в виде меандра или же

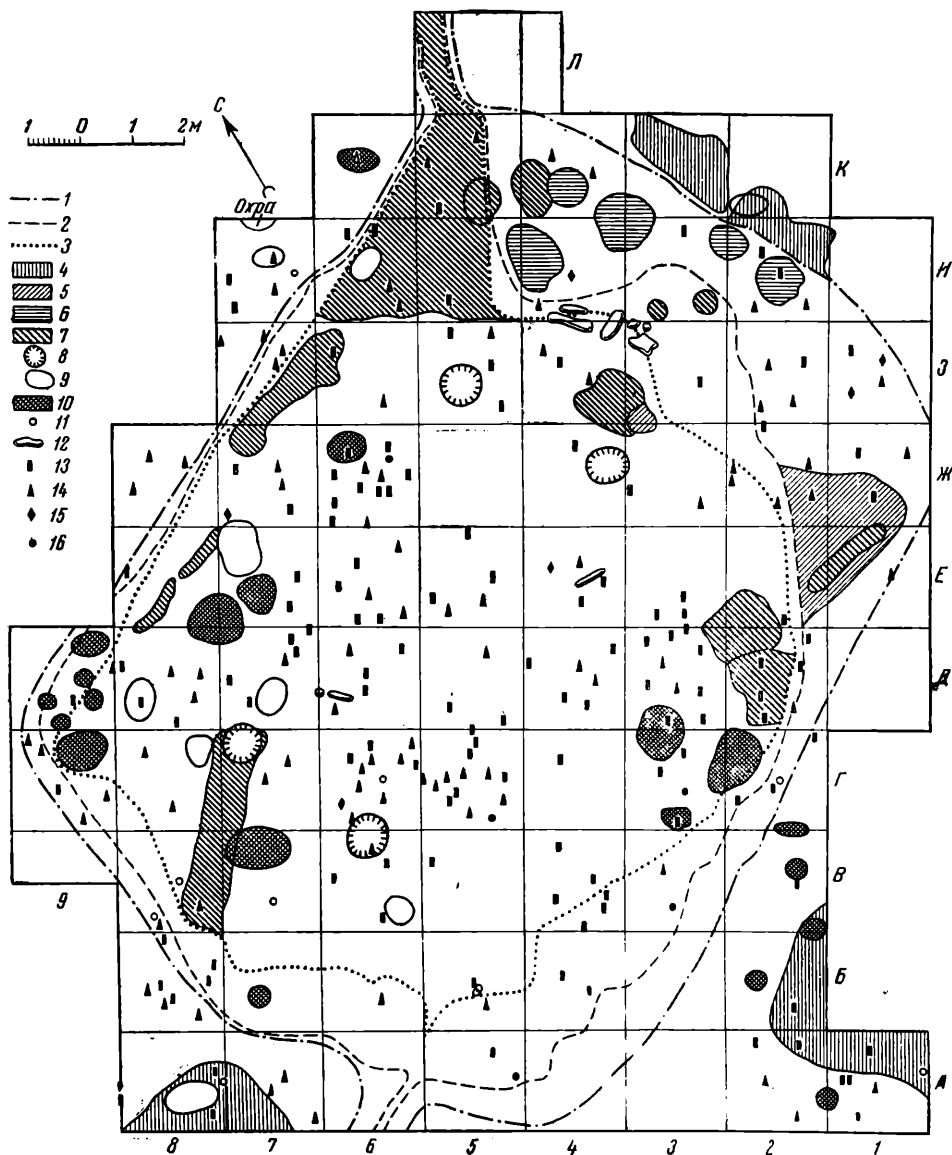

Рис. 40. Поселение Стародубское II. План землянки.

1 — линия первой зачистки; 2 — линия второй зачистки; 3 — линия третьей зачистки; 4 — пятно первой зачистки; 5 — пятно второй зачистки; 6 — пятно второй и третьей зачисток; 7 — пятно третьей зачистки; 8 — столбовые ямы; 9 — очаг; 10 — яма или очаг; 11 — сосуды; 12 — камни; 13 — топоры; 14 — наконечники стрел; 15 — наконечник копьа; 16 — украшения.

комбинации веревочных полос с веревочными же отпечатками в виде маленьких запятых.

Часто попадались узоры, сделанные сплошными, негребенчатыми, фигурными штампами. Надо сказать, что штамповый орнамент очень мало стандартизирован, и нередко такой узор известен лишь по одному сосуду. Встречаются X-образные и S-образные отпечатки, отпечатки в виде удлиненной запятой и удлиненной восьмерки, личинкообразные и мелкие треугольные, удлиненные овальные, отпечатки в виде горизонтального столбика, иногда с боковыми выемками по середине и т. д.

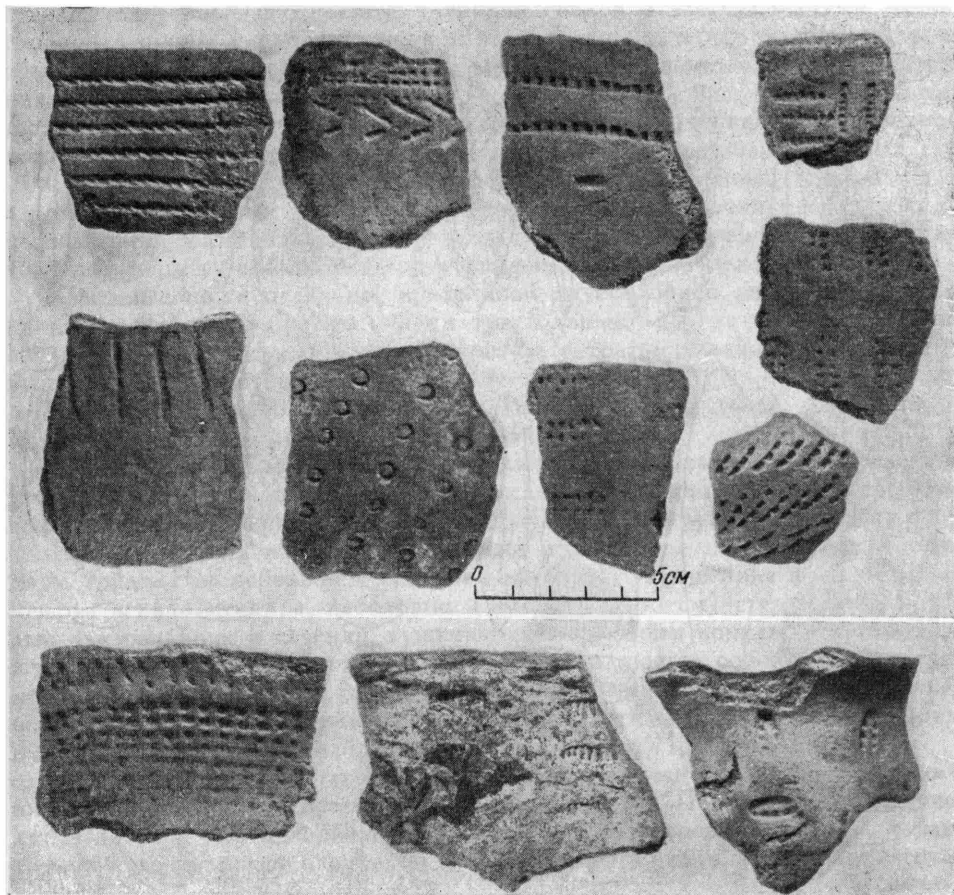

Рис. 41. Керамика с поселения Стародубское II.

Встречаются также ногтевой, кружковой и бугорчатый виды орнаментов. Довольно разнообразен резной орнамент, образующий узоры, подобные уже описанным для гребенчатого и веревочного.

Но в материалах стоянки есть небольшое количество керамики иного типа. Это плоскодонные сосуды, украшенные резным орнаментом и «защипами», т. е. ритмическими углублениями по нижнему краю венчика. Таких сосудов очень немного и встречаются они, в основном, в верхних горизонтах.

Очень богат и разнообразен каменный инвентарь. Он включает шлифованные топоры и долота, наконечники стрел и копий, ножи, скребки, предметы, напоминающие приманки, кольца и точильные камни (рис. 42—1—9).

На всей территории стоянки и на раскопанном участке в изобилии встречаются каменные топоры. Только в культурном слое, заполнявшем землянку, было найдено около 30 топоров. Сделаны они все из кремнистого сланца разных цветов, размеры их различны (длина колеблется от 6—7 до 16 см). Наиболее часто попадались: а) топоры-клинья — прямоугольные по очертаниям, четырехугольные в поперечном сечении, с толщиной, превосходящей ширину, с прямым обушком; б) топоры более плоские, удлиненно-прямоугольные по очертаниям, суживающиеся кверху, четырехугольные в поперечном сечении, с чуть округленным обушком;

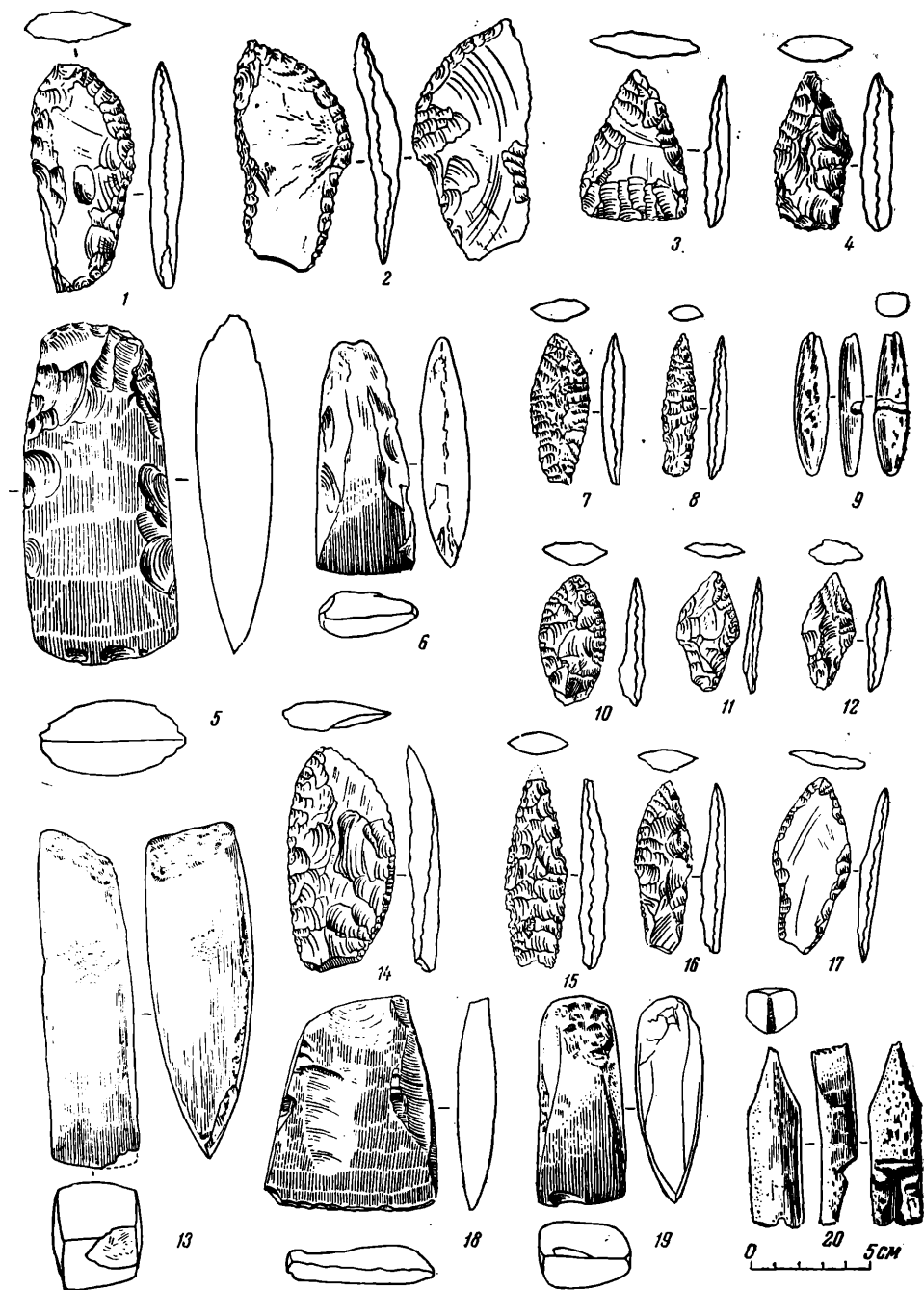

Рис. 42. Каменные и костяные орудия и изделия с поселения Стародубское II и Сусуйской стоянки.

1—9 — из поселения Стародубское II; 10—20 — с Сусуйской стоянки.

в) трапециевидные по очертаниям и овальные в поперечном сечении, а также сделанные в основном техникой сколов и зашлифованные лишь с одной стороны у рабочего края и т. д. Очень интересны формы тесел, обычно небольшого размера и прекрасно отшлифованных. Некоторые из них имеют форму, близкую к овалу, с овальным же поперечным сечением. Другие — удлинненно-прямоугольные в плане, трапециевидные в поперечном, сечении, с очень резкими и прекрасно отшлифованными гранями.

Среди наконечников стрел преобладают листовидные, треугольные с прямым основанием и с выемкой в основании, наконечники с листовидным лезвием и широким прямым или сужающимся черенком и т. д. Таковы же формы немногочисленных найденных наконечников копий.

Каменные ножи отделаны тщательной двусторонней ретушью. Формы их довольно разнообразны — одни треугольные, другие имеют широкое овальное лезвие и сужающуюся рукоятку, у третьих лезвие удлиненное и выпуклое с одной стороны и т. д.

Скребок найден всего два, сделаны они из отщепов обсидиана и имеют небольшой округлый рабочий край.

В землянке обнаружено много шлифовальных камней, использовавшихся, видимо, при обработке многочисленных орудий, а также терочные камни-курanty продолговато-цилиндрической или круглой формы.

Наконец, очень интересны каменные изделия, не относящиеся к орудиям труда. Это небольшая каменная трубочка, украшенная резным орнаментом в виде меандра, небольшие (длиной 6,5—8 см) стерженьки, круглые или овальные в сечении, суживающиеся к обоим концам, с протертым желобком в середине одного из них, представляющие собой, видимо, схематические изображения рыб, а также шлифованные кольца, употреблявшиеся, вероятно, как украшение. Аналогии этим кольцам мы находим в Приморье и далее на запад, вплоть до Китая и Прибайкалья.

Эти аналогии и некоторые другие черты каменного и керамического инвентаря позволяют датировать стоянку концом II—началом I тысячелетия до н. э. Это древнейшее из известных на острове поселений, характеризующее культуру охотников и собирателей Сахалина в неолитическое время².

В 1955 г. была исследована также Сусуйская стоянка, расположенная в устье р. Сусуи, на берегу северной части Анивского залива, называемой заливом Титосэ. Стоянка эта уже известна в литературе — в 1881 г. здесь копал И. С. Поляков³, позднее работали японские исследователи⁴. Стоянка характеризует культуру прибрежных собирателей и морских охотников несколько более позднего времени, конца I тысячелетия до н. э.—первых веков н. э. Она занимает невысокую, овальной формы, плоскую площадку, чуть приподнятую над остальной прибрежной полосой, сырой и болотистой. Площадка очень ровная, лишь на северо-восточной ее окраине несколько небольших всхолмлений. Это насыпи, содержащие в себе раковинные кучи. Самая большая из них достигает в высоту 1,5 м, диаметр ее 12 и 8 м, другие значительно меньше. Две самые крупные насыпи раскопаны японскими исследователями. Наши раскопы 1955 г. (вскрыто общей сложностью 55,5 кв. м) были заложены с целью выявления характера стоянки и находящихся при ней насыпей с раковинными кучами. Два раскопа (I и II)

² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век. Прибайкалье, ч. III. МИА, № 43, 1955; Р. В. Чубарова. Древняя история острова Сахалина. (Автореферат диссертации). Л., 1955; J. G. Andersson. Researches into the prehistory of the Chinese. Bulletin of the Museum of Far Eastern antiquities, № 15, Stockholm, 1943, pl. 70, 71, 72, 157.

³ И. С. Поляков. Отчет об исследованиях на южном Сахалине, в Уссурийском крае и в Японии. Приложение к XLVIII тому Записок АН, № 6, СПб., 1884, стр. 18, 19.

⁴ М. В. Воробьев. Каменный век стран Японского моря. (Автореферат диссертации). Л., 1955.

заложены для определения стратиграфии и расположения материала раковинных куч. Оказалось, что они относятся к несколько иному типу, чем раковинные кучи, например, Приморья. Здесь нет сплошных, занимающих иногда сотни квадратных метров скоплений древних раковин вперемешку с каменными орудиями и обломками глиняных сосудов. Раковинный слой встречается в определенных местах, в частности, в насыпях; собственно раковинным слоем занята лишь незначительная часть насыпи. Он перекрывает и, в свою очередь, перекрывается культурным слоем, не содержащим раковин. Видимо, эти возвышения служили местами выброса использованных раковин лишь некоторое время, потом почему-то выброс раковин был прекращен, но жизнь на стоянке продолжалась еще долго. Раскоп IV дал представление о раковинной куче иного рода — без наружных признаков, располагавшейся, видимо, в яме. Она отличается от предыдущих и по своему характеру и материалу. Насыпи с раковинными кучами имели очень мощный культурный слой — до 1,65 м, содержащий обильные находки керамики, каменных и костяных предметов. Среди керамики есть обломки остродонных и плоскодонных сосудов, находившихся в одних и тех же горизонтах культурного слоя. Есть целые плоскодонные сосуды — горшковидной и баночной формы, с намечающимся поддоном; найден большой обломок кубковидного сосуда. Форму остро- и круглодонных сосудов установить труднее, так как они представлены в обломках, но, судя по форме венчиков, они были, в основном, близки полууйцевидным. Орнамент, видимо, располагался лишь по краям венчиков. На найденных венчиках есть узоры — гребенчатого веревочного и резного орнаментов. Гребенчатый орнамент встречается и в виде горизонтальных полос, и в виде отпечатков штампов — удлиненно-овального и овального же, но короткого и широкого. Оттиски штампов обычно идут горизонтальными полосами. Веревоочный орнамент также располагается парными горизонтальными полосами, рядами «ёлочек»; есть узоры из полукруглых веревочных оттисков и в виде гирлянды и т. д. Резной образует обычно очень простые узоры из горизонтальных сплошных и прерывистых линий, в виде вертикальных столбиков коротких горизонтальных насечек, иногда образующих изогнутые полосы (рис. 43). Очень богато представлены изделия из камня. Среди них шлифованные топоры и тесла, тонко отретушированные наконечники стрел и копий, ножи и заготовки орудий (рис. 42—13—19). Типы топоров несколько отличаются от типов их со стоянки Стародубское II. Кроме форм топоров, известных на этой стоянке (топоров-клиньев, топоров подчетырёхугольной формы с четырёхугольным или овальным поперечным сечением), здесь встречены орудия несколько иного вида. Это продолговатые топоры подтрапециевидных очертаний с треугольным поперечным сечением, плоские топоры таких же очертаний с четырёхугольным поперечным сечением и некоторые другие формы. Наконечники стрел и копий не многочисленны и не разнообразны. Это — листовидные с усеченным основанием, треугольные, в большинстве с прямым основанием, а также черенковые с листовидным лезвием и широким ровным или сужающимся черенком и т. д. Ножи отделаны обычно тщательной двусторонней ретушью и имеют форму удлиненно-листовидную, широкую полуовальную, с листовидным лезвием и сужающейся рукоятью и т. д. Размеры их обычно небольшие (6—11 см).

В изобилии встречаются в раковинных кучах кости животных: дикого оленя, собаки, а также многочисленные кости тюленя⁵.

Костяных изделий найдено немного: небольшое шило и заготовка костяного гарпуна поворотного типа. На заготовке прекрасно намечены формы орудия — гарпун с двумя шпорами, с треугольно заостряющимся верхним концом и, видимо, развилкой для копьёца (рис. 42—20).

⁵ Кости определены В. Е. Гарутом.

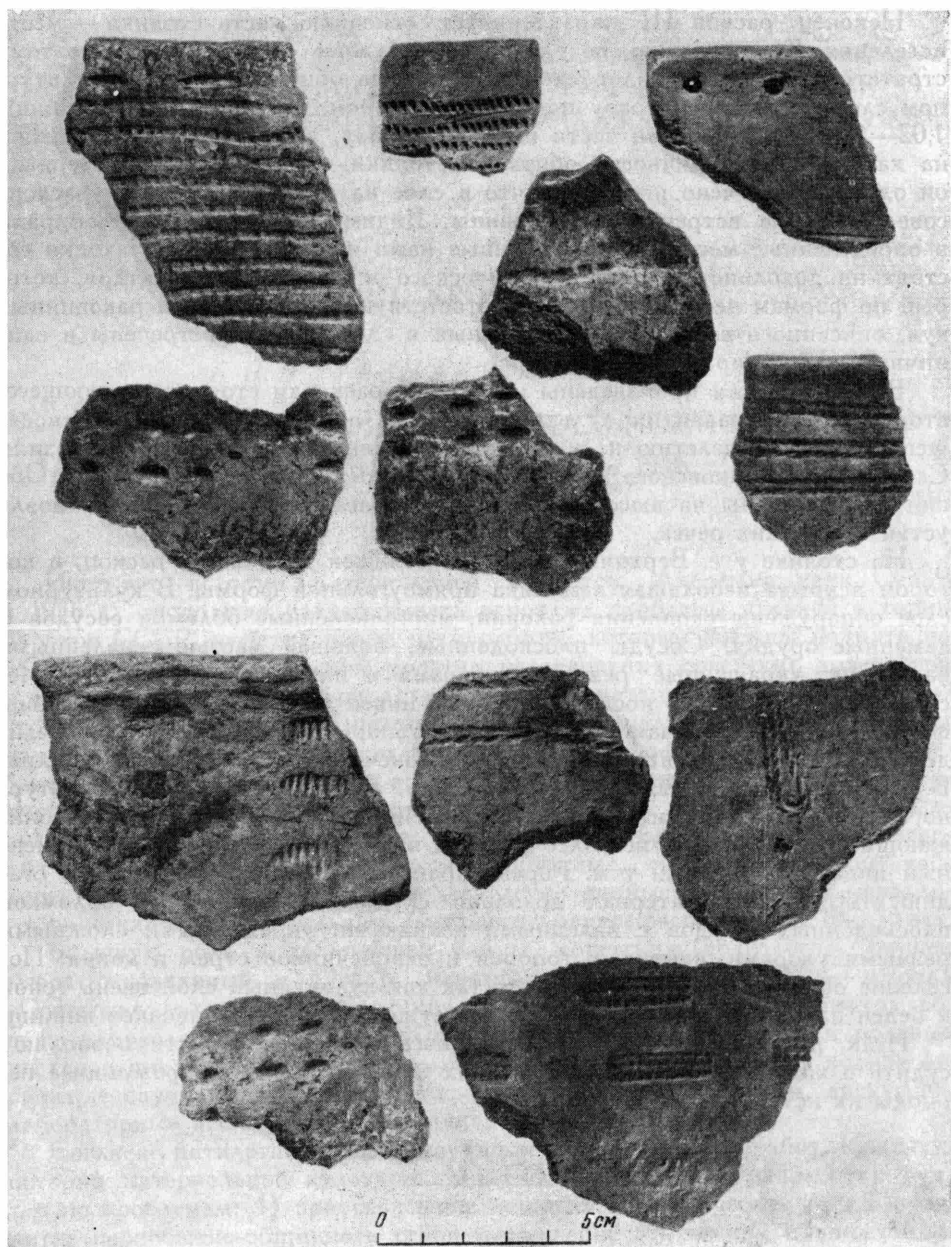

Рис. 43. Керамика Сусуйской стоянки.

Раскоп IV, как упоминалось, характеризует раковинную кучу без наружного всхолмления. Отбросы, видимо сбрасывались в яму. Культурный слой сравнительно тонок (15—37 см), заполнен раковинами тех же двух видов *Pecten* и *Saxidomus*, что и в насыпях, часто сильно спрессован и превращен в известковый слой. В раскопе найдено немного керамики и каменные орудия, но встречено множество костей животных и остатки потревоженного погребения. Кости человека обнаружены в раковинном слое на глубине 20—25 см. Ориентировано погребение было, должно быть, на север.

Наконец, раскоп III характеризует основную часть стоянки — место поселения. К сожалению, не удалось обнаружить следов жилищ, поэтому стратиграфия и материал раскопа дают лишь общие сведения о культурном слое, залегавшем сразу под тонким дерном. Он доходил до глубины 1,02—1,05 м и в нижней части имел прослойку, указывающую, возможно, на какую-то периодичность обитания стоянки. По характеру материала он однороден. Очень интересно, что в слое на довольно большом раскопе совершенно не встречаются раковины. Видимо, их тщательно собирали в определенные места — в раскопанные нами насыпи и кучи. Находки состоят из довольно богатого керамического и каменного инвентаря, который по формам не отличается от соответствующего инвентаря раковинных куч, описанного выше. Кости животных в слое раскопа встречены в единичных экземплярах.

В 1956 г. были произведены небольшие раскопки стоянок следующего, второго, этапа развития культуры древних обитателей острова, относящегося к I тысячелетию н. э. Это уже упомянутые стоянки у с. Верхняя Санносава Корсаковского района и у м. Рорей Долинского района. Обе они расположены на высоких морских террасах, на берегу моря, возле устья небольших рек.

На стоянке у с. Верхняя Санносава заложен небольшой раскоп, в котором вскрыта небольшая землянка прямоугольной формы. В культурном слое обнаружены скопления раковин, многочисленные обломки сосудов и каменные орудия. Сосуды плоскодонные, большей частью с налепными валиками, украшенные резными узорами и налепными полосами. Несколькими иной характер носит и каменный инвентарь — менее разнообразны формы топоров, встречаются плечиковые топоры и каменные мотыги. Найдено несколько костяных изделий — наконечники стрел, костяной клин. В керамике и каменных изделиях стоянки, а также в характере культурного слоя (в частности в наличии скоплений раковин) есть черты, сближающие ее со стоянками более раннего времени. Керамический и каменный инвентарь стоянки у м. Рорей характеризует, видимо, позднюю стадию этого этапа. Материал довольно скудный и состоит из обломков плоскодонных сосудов с налепными венчиками, украшенными сложными резными узорами, каменных топоров и наконечников стрел и копий. Поселение обиталось, видимо, недолго, так как культурный слой очень тонок и беден находками. На стоянке не обнаружено никаких признаков жилищ.

Итак, результаты работ Сахалинского отряда в 1955 г. позволяют судить о хозяйстве и культуре древних жителей острова в различные периоды их истории.

III. ХРОНИКА

*Н. Н. ГУРИНА и Н. Я. МЕРПЕРТ*ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР в 1956 г.¹

МОСКВА

Институт истории материальной культуры Академии наук СССР в 1956 г., продолжая разрабатывать основные проблемы древней истории народов СССР, наметил новые пути работы, которые должны поднять на более высокий методический уровень исследования советских археологов и четко обосновать на основе археологических материалов исторические построения. В связи с этим институт в 1956 г. начал планирование работы над Корпусом археологических источников, к созданию которого должно быть привлечено большинство археологических учреждений страны. В Корпус будут включены систематически, планомерно разработанные материалы, необходимые для твердо обоснованных выводов, научные сведения — карты, типологические, корреляционные, синхронистические таблицы, антропологические и остеологические данные, почвенные, металлографические и прочие анализы. Создание Корпуса рассчитано на 10—15 лет.

Большую роль в дальнейшей работе советских археологов должен сыграть созданный в 1956 г. первый периодический орган — журнал «Советская археология». Создание журнала потребовало пересмотра общего направления сборников «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», в которых должна найти максимально полное отражение научная жизнь института: доклады и прения по ним, дискуссии, лабораторные исследования, международные связи и т. п.

Согласно пятилетнему плану научно-исследовательских работ, Институт истории материальной культуры АН СССР продолжал разработку ряда тем по проблемам: 1) происхождение человека и человеческих рас; 2) развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР; 3) возникновение и характер древнейших государственных образований в Закавказье, Средней Азии и Причерноморье; 4) распад первобытно-общинного строя у восточно-славянских племен и возникновение древнерусского государства; 5) развитие земледелия, история крестьянства и крестьянских движений в России; 6) развитие социально-экономических отношений у народов Востока, патриархально-феодальный строй; 7) социально-экономические и политические основы образования русского централизованного государства.

Интенсивно проводились в 1956 г. полевые археологические исследования, в которых участвовало около 60 экспедиций и самостоятельных

¹ Раздел работы ИИМК в Москве написан Н. Я. Мерпертом, в Ленинграде — Н. Н. Гуриной.

отрядов. Значительных успехов добились Таджикская, Причерноморская, Астраханская, Новгородская и многие другие экспедиции. Очень важны совместные работы советских и зарубежных археологов (Советско-Польская экспедиция в Крыму, Советско-Болгарская экспедиция в Чернигове и др.).

Ученый совет института провел за отчетный год 18 заседаний. Они были посвящены обсуждению научных и научно-организационных вопросов (в том числе основных направлений дальнейшей деятельности института), защите кандидатских и докторских диссертаций, присвоению ученых званий, утверждению к печати рукописей. Как и в прошлые годы, на заседания Ученого совета выносились доклады по наиболее спорным вопросам древней истории, требующим тщательного обсуждения со стороны представителей различных отраслей археологии, а в ряде случаев и смежных специальностей. В числе таких докладов должен быть отмечен доклад чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебренникова «О некоторых следах среднерусской индоевропейской языковой общности», прочитанный на объединенном заседании Ученого совета ИИМК и Секции общего и сравнительно-исторического языкознания Института языкознания АН СССР и вызвавший оживленную дискуссию. На таком же объединенном заседании был активно обсужден доклад А. Я. Брюсова «Происхождение индоевропейцев в свете археологических данных».

Большую дискуссию с участием археологов и химиков вызвал доклад доктора химических наук Л. И. Каштанова — «Химический состав древних сплавов».

Основная направленность работы института подверглась активному обсуждению в связи с сообщением директора института чл.-корр. АН СССР Б. А. Рыбакова — «О подготовке Корпуса археологических источников».

Б. Б. Пиотровский доложил Ученому совету о состоянии и перспективах археологических исследований в Египте, а В. Д. Блаватский, посетивший в 1956 г. Албанию, сообщил об археологических исследованиях в Албании,

В 1956 г. на заседаниях Ученого совета защищено 11 диссертаций (10 кандидатских и 1 докторская), из них 4 — аспирантами и сотрудниками ИИМК и 7 — сотрудниками других научных учреждений.

По примеру прошлых лет институт проводил работу в контакте с академиями союзных республик: Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Туркменской, Таджикской, Казахской, Киргизской, Латвийской, Литовской, Эстонской, Армянской, с Молдавским, Башкирским, Казанским филиалами АН СССР, с Чувашским, Северо-Осетинским, Кабардинским научно-исследовательскими институтами, а также с многочисленными другими научными учреждениями, музеями и высшими учебными заведениями.

Были осуществлены:

1) организация общих археологических экспедиций (Таджикская, Киргизская, Азербайджанская, Молдавская, Кармир-Блурская, Прибалтийская). Украинские археологи приняли участие в Советско-Болгарской экспедиции; ИИМК провел также совместные экспедиции с участием других институтов Академии наук СССР, с Московским и Ленинградским университетами, Государственным историческим музеем, Государственным Эрмитажем, Государственным музеем изобразительных искусств и другими музеями, учебными и научными учреждениями;

2) написание работ или глав для учебников по истории отдельных республик (например, А. П. Окладниковым «Истории Якутии»);

3) руководство аспирантами союзных и автономных республик (к институту прикомандированы аспиранты из Латвии, Молдавии, Башкирии и др.);

4) участие сотрудников союзных академий и прочих научных учреждений в пленуме ИИМК, заседаниях ученых советов и секторов;

5) организация совместных конференций (конференция по археологии Кавказа, организованная совместно с Академиями наук Армении, Азербайджана и Грузии и по археологии Поволжья, проведенная с Казанским филиалом АН СССР и Гос. музеем Татарии);

6) рецензирование работ научных сотрудников республиканских институтов и музеев, филиалов АН СССР и других учреждений Академии;

7) помощь и консультации работникам местных музеев;

8) публикация статей сотрудников других учреждений в изданиях ИИМК и сотрудников ИИМК в других изданиях;

9) защиты сотрудниками других учреждений диссертаций в ИИМК (в 1956 г. в ИИМК были защищены: докторская диссертация М. Х. Шмидехельм (Эстония) и кандидатская диссертация А. Х. Халикова (Татария);

10) рецензирование планов и отчетов союзных академий.

Было проведено заседание Секции археологии координационного совещания, посвященное согласованию важнейших проблем исторической науки, участники которого обсудили доклад Б. А. Рыбакова о подготовке Корпуса археологических источников и выслушали информации о работе археологов союзных академий.

Продолжали развиваться связи археологов СССР, и в частности ИИМК, с зарубежными учеными. Как и в прошлые годы, в институте побывали с визитами и выступили с докладами на Пленуме ИИМК, на заседаниях секторов ученые ряда стран: Финляндии (проф. К. Мейнандер), Голландии (проф. П. Глазема), Чехословакии (акад. Я. Бём, проф. Л. Эгуста), Венгрии (проф. Л. Геревич), Болгарии (проф. Н. Мавродинов), Польши (акад. К. Михаловский, проф. С. Подковинская), Кореи и др. Особо отметим усиление рабочего контакта, выразившееся в организации совместных экспедиций. Советско-Болгарская экспедиция вела раскопки в Чернигове; в ней участвовали представители Болгарской Академии наук С. Георгиева и Ж. Вождарова. В исследованиях малых городов Боспора участвовала группа из восьми польских археологов, возглавляемая акад. К. Михаловским. В работах Новгородской и Вологодской экспедиций участвовал профессор Хельсингского университета К. Мейнандер.

Расширилась и сфера заграничных командировок сотрудников ИИМК. В 1956 г. А. П. Окладников и Б. Б. Пиотровский посетили Египет и ознакомились с состоянием и перспективами археологических исследований в долине Нила; А. П. Окладников участвовал в конгрессе американистов в Копенгагене; В. Д. Блаватский в составе делегации деятелей советской культуры побывал в Албании; Т. С. Пассек и А. И. Мелюкова месяц провели в Румынии, где работали в музеях, ознакомились с археологическими памятниками, установили личный рабочий контакт с румынскими археологами; М. И. Артамонов посетил Париж, А. В. Арциховский — Лондон, С. В. Киселев — Улан-Батор и т. д.

Печатные органы ИИМК продолжают публикацию работ зарубежных ученых, советские археологи направляют свои статьи в зарубежные научные издания: Б. Б. Пиотровским, С. В. Киселевым, Т. С. Пассек, В. Д. Блаватским и др. написаны статьи для итальянской Энциклопедии; Т. С. Пассек, А. Л. Монгайт и др. представили статьи для Мировой Истории, издаваемой ЮНЕСКО; статьи А. Я. Брюсова напечатаны в Лондоне, Копенгагене, Хельсинки; статья С. И. Руденко послана для публикации в Китай и т. д.

Ст. научный сотрудник ИИМК А. Я. Брюсов в 1956 г. был избран почетным членом-корреспондентом «Доисторического общества Великобритании» при Амшольском музее в гор. Кэмбридже.

Вышел в свет ряд сборников и монографических исследований, сданных в издательство в 1956 г. и в предшествующие годы. Из них отметим:

1. Очерки по истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта. (38,5 п. л.);
2. М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, (23,37 п. л.);
3. Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47. (44,28 п. л.);
4. М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. (29,5 п. л.);
5. Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. (14 п. л.);
6. Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. Сборник под ред. В. Ф. Гайдукевича. МИА, № 50. (28,7 п. л.);
7. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. МИА, № 55. (27 п. л.);
8. П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52. (18,86 п. л.);
9. В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51. (11,75 п. л.);
10. Д. Б. Шелов. Античный мир в Северном Причерноморье. (6,13 п. л.);
11. Фанагория. Сборник под ред. А. П. Смирнова, МИА, № 57. (11,5 п. л.).

Кроме того изданы следующие сборники:

1. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР, выпуски 61—66 (всего 50,8 п. л.);
2. Советская Археология, выпуски XXV—XXVI. (41,5 п. л.);
3. Эпиграфика Востока, XI. (11,48 п. л.).

Помимо изданий Института, в 1956 г. вышел ряд книг, в создании которых участвовали отдельные сотрудники. Отметим удостоенные премии Президиума АН СССР I том «Всемирной истории», в написании которого участвовали А. П. Окладников и С. В. Киселев, и I том «Истории Якутии», написанный А. П. Окладниковым.

Сданы в печать в 1956 г. следующие монографии и сборники:

1. Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. II. Под ред. А. П. Смирнова. МИА, № 61. (28,75 п. л.);
2. Труды Сталинградской археологической экспедиции, т. I. Под ред. Е. И. Крупнова. МИА, № 60. (55 а. л.);
3. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I. Под ред. М. И. Артамонова. МИА, № 62. (26,75 п. л.);
4. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. МИА, № 65. (30 а. л.);
5. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. Под ред. К. Ф. Смирнова. МИА, № 64. (19,75 п. л.);
6. Труды Таджикской археологической экспедиции, т. III. Под ред. А. М. Беленицкого. МИА, № 66. (33 п. л.);
7. Древние племена и народности Кавказа. Сборник под ред. Б. Б. Пиотровского. МИА, № 68. (12,25 п. л.);
8. Некрополи городов Боспора. Сборник под ред. В. Ф. Гайдукевича. МИА, № 69. (30 п. л.);
9. К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. (27 п. л.);
10. А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Под ред. А. В. Банк. МИА, № 63. (30 п. л.);
11. Памятники зарубинецкой культуры. Сборник под ред. П. Н. Третьякова. МИА, № 70. (12 а. л.);
12. М. К. Каргер. Древний Киев. (42,5 п. л.);

13. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты (1953—1954 гг.). (13 п. л.);
14. Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Сборник под ред. А. А. Иессена. МИА, № 67. (39 а. л.);
15. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. 67—70. (38,3 п. л.);
16. Советская Археология, XXVIII—XXIX. (50 п. л.);
17. Эпиграфика Востока, XII. (8,5 п. л.).

СЕССИИ, ПЛЕНУМЫ, КОНФЕРЕНЦИИ И ДИСКУССИИ

Очередной отчетный пленум ИИМК, посвященный итогам полевых археологических работ 1955 г., был, в отличие от прошлых лет, проведен не в Москве, а в Ленинграде. Это ни в коей мере не снизило число и активность участников пленума. Он, как всегда, собрал археологическую общественность всей страны. Помимо результатов полевых исследований, на пленуме обсуждались доклады обобщающего характера, посвященные важнейшим проблемам археологии и лингвистики. На пленарном и секционном заседаниях была рассмотрена статья Б. Ф. Поршнева, напечатанная в «Вопросах философии». Всего на пленуме состоялось 207 докладов, прочитанных сотрудниками ИИМК, союзных академий, высших учебных заведений страны, музеев и других учреждений.

В мае 1956 г. в Москве проведена конференция по истории и археологии Северного Причерноморья, организованная ИИМК. В ней приняло участие около 130 человек из 22 городов Советского Союза, были представлены 33 научных учреждения страны. Конференция обсудила важнейшие вопросы процесса исторического развития античных государств Северного Причерноморья. Заслушано 16 докладов и более 60 выступлений. Широкая творческая дискуссия способствовала уточнению обсуждаемых вопросов.

В октябре 1956 г. в г. Ереване проведена конференция по археологии Кавказа, организованная ИИМК совместно с АН Армянской ССР. В конференции приняли активное участие все научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения и музеи Кавказа и Закавказья. Всего в ней приняло участие свыше 200 человек из 13 городов. Заслушано и обсуждено 56 докладов и сообщений, освещающих разнообразие вопросы археологии, древней и средневековой истории Кавказа.

В ноябре 1956 г. сотрудники ИИМК приняли участие в Среднеазиатской конференции в г. Сталинабаде и в Киргизской — в г. Фрунзе.

В декабре 1956 г. состоялась конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в г. Казани, организованная ИИМК совместно с Казанским филиалом АН СССР и Государственным музеем Татарской АССР. На конференцию вынесено свыше 60 докладов и сообщений, освещающих все эпохи истории Поволжья. В работе конференции приняли участие представители Чувашской, Татарской, Удмуртской, Башкирской, Марийской АССР, центральных научных учреждений, высших учебных заведений и музеев поволжских городов.

ЛЕНИНГРАД

Основной задачей Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1956 г. являлось решение важных проблем, связанных с изучением древнейшей истории человечества и древней истории ряда народов Советского Союза, проблем, включенных в план ИИМК АН СССР.

Главным источником для решения этих проблем, как и прежде, служил археологический материал, полученный в результате изысканий в различных частях СССР, существенно дополненный полевыми работами 1956 г., проведенными в широких хронологических и территориальных пределах, в ряде случаев совместно с научными учреждениями союзных и автономных республик (Таджикской, Азербайджанской, Армянской, Киргизской, Украинской), а также с Польской Народной республикой.

Работали секторы палеолита, Средней Азии и Кавказа, группа славяно-русской и группа античной археологии, лаборатория археологической технологии.

В секторах и группах Отделения заслушано и обсуждено значительное количество докладов сотрудников ЛОИИМК и других научных учреждений. На пленуме ИИМК в 1956 г., посвященном полевым археологическим работам, сотрудниками ЛОИИМК был прочтен ряд докладов на пленарных и секционных заседаниях.

Ученый совет Ленинградского отделения провел 7 заседаний, на которых было заслушано и обсуждено 11 научных докладов.

Из вызвавших наиболее оживленную дискуссию докладов упомянем следующие:

1. О времени и условиях становления человеческого общества (А. П. Окладников);
2. О жилищах восточных славян лесостепной полосы в VIII—X вв. н. э. (И. И. Ляпушкин);
3. Новые исследования Новгородской Софии (М. К. Каргер);
4. Некоторые вопросы методики исследования древних жилищ-землянок (М. П. Грязнов);
5. О Корпусе археологических источников (Б. А. Рыбаков);
6. Новые открытия памятников искусства в Пенджикенте (А. М. Беленицкий).

Помимо того, Ленинградское отделение провело два заседания Ученого совета совместно с Ученым советом Ленинградского отделения Института истории и Ученым советом исторического факультета Ленинградского государственного университета, на которых было заслушано 8 научных докладов, в том числе:

1. Значение Киренской конституции для эллинистического Египта (акад. В. В. Струве);
2. Некоторые вопросы истории эллинистического Восточного Босфора в свете археологических данных (В. Ф. Гайдукевич);
3. Проблема изучения стиля Политий Аристотеля (Д. И. Доватур);
4. Греческие рукописи советских собраний (Е. Э. Гранстрем).

Организационная работа Ученого совета ЛОИИМК выразилась в обсуждении плана работы Отделения, утверждении работ, подготовленных к печати, и обсуждении диссертаций на соискание ученой степени.

За 1956 г. вышли из печати следующие крупные работы сотрудников ЛОИИМК:

1. Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47. (44,28 п. л.);
2. П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества XI—XIII вв. МИА, № 52. (18,86 п. л.);
3. М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. (29,5 п. л.);
4. Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА, № 50. (28,7 п. л.);

Ряд монографий и сборников был сдан в издательство:

1. П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. (10 а. л.);
2. Труды Азербайджанской экспедиции. Сборник, т. I. МИА, № 67. (39 а. л.);

3. Древние племена и народности Кавказа. МИА, № 68. (12,25 п. л.);
4. Скульптура и живопись древнего Пенджикента. Сборник. (16 п. л.);
5. Труды Таджикской археологической экспедиции, т. III. МИА, № 66. (33 а. л.);
6. М. К. Каргер. Древний Киев. (42,5 п. л.);
7. Труды Волго-Донской экспедиции, т. I, МИА, № 62. (26,75 п. л.). К концу 1956 г. подготовлены к печати монографии и сборники:
  1. Палеолит и неолит СССР, вып. 4. (35 а. л.).
  2. Древности северо-запада Европейской части СССР в I тысячелетии н. э. Сборник. (42 а. л.);
  3. Труды Волго-Донской экспедиции, т. II. (45 а. л.);
  4. И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74. (20,5 п. л.);
  5. Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. (30 а. л.);
  6. М. В. Воробьев. Древняя история Японии. (15 а. л.).
  7. Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. (21 а. л.).

На заседаниях секторов и групп были поставлены и нашли горячее обсуждение некоторые дискуссионные вопросы. Так, по инициативе Сектора палеолита и Сектора Средней Азии и Кавказа обсуждалась статья Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека» и его доклад «Экология неандертальского человека». В оживленной дискуссии принимали участие также философы, антропологи, геологи и зоологи. В дискуссии рассмотрены узловые вопросы проблемы становления человека. Затем дискуссия была перенесена на Пленум ИИМК, посвященный полевым исследованиям 1955 г., где выступил А. П. Окладников с докладом, вызвавшим оживленный обмен мнений.

Сотрудники Сектора Средней Азии и Кавказа принимали активное участие в научных конференциях и совещаниях, проходивших в гг. Фрунзе, Ереване и Сталинабаде.

Совещание в г. Фрунзе по этногенезу киргизского народа, проведенное по широкой программе, охватило основные вопросы этногенеза киргизов. В докладах, посвященных анализу источников для изучения этногенеза киргизов (по данным археологии, этнографии, антропологии, искусствоведения, лингвистики, истории музыкального творчества и др.) всесторонне была освещена эта сложная проблема. В результате обсуждения докладов признано, что начало формирования киргизского народа относится к началу II тысячелетия и что основное ядро его сформировалось из среды центрально-азиатских народов.

Конференция по археологии Кавказа в г. Ереване была посвящена подведению итогов археологического изучения Кавказа за последние 10 лет, что являлось совершенно необходимым ввиду значительной разобщенности работ, ведущихся в республиках, краях и областях Кавказа.

Сотрудники группы славяно-русской археологии приняли активное участие в дискуссии, организованной в редакции «Всемирной истории», по вопросу о происхождении славян.

На заседаниях группы античной археологии проведены научные дискуссии: 1) по докладу В. Ф. Гайдукевича «Боспор и скифы», содействовавшая уяснению многих новых вопросов о взаимоотношениях (экономических и политических) Боспорского государства с окружающими его местными племенами; 2) по докладу А. И. Болтуновой «Становление и развитие раннерабовладельческих государств Закавказья» — разрешены некоторые спорные вопросы становления классового общества и государства на территории Грузии; 3) по докладу О. И. Домбровского «О некоторых спорных вопросах в исследовании и датировке памятников средневекового Херсонеса».

За истекший год ЛОИИМК продолжал поддерживать связи с различными научными учреждениями союзных и автономных республик, а также

с местными музеями, академиями наук Таджикской, Украинской, Армянской, Киргизской, Азербайджанской и Прибалтийских республик; с Ленинградским государственным университетом, Государственным Эрмитажем и другими учреждениями.

Значительно расширились связи с зарубежными учеными. В Ленинградском отделении побывали и ознакомились с материалами крупные ученые: французский антрополог Анри Валлуа — директор Музея Человека в Париже, вице-президент Чехословацкой Академии наук, академик Ярослав Бём, известный специалист по неолиту С. С. Подковинская (Варшава), крупный финский археолог К. Мейнандер (Хельсинки), работавший летом 1956 г. в составе Костенковской и Юго-Осетинской экспедиций ИИМК, польский археолог В. Б. Хмелевский (Лодзь), чешский ученый доктор Л. Эгуста, американский археолог доктор Лоренс Крейдер и др.

Группой античной археологии проведена совместно с польскими археологами (8 научных сотрудников во главе с акад. К. Михаловским) Боспорская экспедиция, работавшая в течение двух с половиной месяцев и позволившая установить тесные дружеские связи с польскими археологами-античниками, обменяться опытом и совместными усилиями добиться ценных научных результатов.

Во время проведения археологических раскопок на Керченском полуострове Боспорской экспедицией были приняты в качестве гостей польские ученые проф. С. А. Пуделко-Парницкий (Вроцлав) и магистр А. Вонсович (Варшава).

С развернутым докладом «Советские археологические исследования на Тихоокеанском побережье Азии» на 32-м конгрессе американистов выступил А. П. Окладников.

Доклады А. И. Окладникова, П. И. Борисковского и В. П. Любина (совместно с А. А. Формозовым) были оглашены на конгрессе этнологов в Филадельфии.

В 1956 г. велась большая организационная и научная работа по Лаборатории археологической технологии. В основном закончена оборудованием и вступила в действие Лаборатория аналитической химии и спектрального анализа. Выполнен ряд работ, связанных с исследованием древних бронзовых и железных изделий.

Продолжалось оборудование, монтаж установок и дальнейшая разработка нового метода исследований в Радиоуглеродной лаборатории (для определения возраста ископаемого дерева и кости), организованной совместно с Радиевым институтом Академии наук СССР (научный руководитель чл.-корр. АН СССР И. Е. Старик). В Лаборатории создана первая в СССР установка для генерации коротких световых импульсов S^{14} . Получен новый эффективный жидкий сцинтиллятор для счета S^{14} .

Продолжала исследования Лаборатория микроанализа (С. А. Семенов), изучавшая функцию и технику обработки каменных и костяных орудий по следам работы.

В Реставрационной лаборатории производилась реставрация и очистка железных, бронзовых, серебряных предметов, склейка и гипсовка керамики, реставрация и консервация тканей, кожаных и деревянных изделий.

Продолжали работу Рукописный и Фото-архивы, а также Фотолаборатория ЛОИИМК.

Н. Н. ГУРИНА

О РАБОТЕ СЕКТОРА ПАЛЕОЛИТА ЛОИИМК АН СССР в 1956 г.

Сектор палеолита ЛОИИМК АН СССР состоит из 9 человек: зав. сектором А. П. Окладников, доктор историч. наук П. И. Борисковский, старшие научные сотрудники кандидаты историч. наук Н. Н. Гурина, А. Н. Рогачев, младшие научные сотрудники канд. историч. наук Л. Я. Крижевская, В. П. Любин, М. В. Воробьев, Е. А. Векилова, Р. В. Чубарова, младший научный сотрудник Н. А. Береговая.

1. ПЛАНОВЫЕ РАБОТЫ

Закончена сводка по палеолитическим погребениям в Костенковском районе (А. Н. Рогачев), в связи с чем поставлен ряд общих вопросов, связанных с погребальным культом и верованиями палеолитического человека.

Продолжалась разработка соответствующих разделов ряда монографий:

- 1) А. П. Окладников. Каменный век Дальнего Востока. Написан раздел «Неолит р. Амура»;
- 2) М. В. Воробьев. Древняя история Кореи. Закончен раздел «Географическая среда»;
- 3) Р. В. Чубарова. Очерки по древней истории острова Сахалина. Написан раздел «Стародубское II»;
- 4) Н. Н. Гурина. Древнейшая история северо-запада Европейской части СССР. Написан раздел «Поселения эпохи раннего металла на северо-западе Европейской части СССР».

Велась работа над темами:

- 1) П. И. Борисковский. Позднепалеолитическое поселение Аносовка I в Костенках;
- 2) Л. Я. Крижевская. Усть-Юрюзанская неолитическая кремнеобрабатывающая мастерская;
- 3) М. В. Воробьев. Древнее прошлое района г. Уссурийска;
- 4) Е. А. Векилова. Мезолитическая стоянка Сюрень II в Крыму;
- 5) Н. А. Береговая. Археологические находки на о-ве Шалаурове;
- 6) Э. А. Абрамова. Верхнепалеолитическое искусство Костенковско-Боршевского района.

2. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ РАБОТЫ

Сектором были проведены значительные по своим результатам полевые археологические исследования палеолита: на Кавказе, в Крыму, в Средней Азии и под Воронежем.

В области изучения неолита и связанных с ним древних этнических общностей на территории СССР продолжались работы в Карелии, в Ленинградской, Великолукской и Свердловской областях.

На территории азиатской части СССР велись полевые исследования в восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в северной части о-ва Сахалина и на Курильских островах. Работали следующие экспедиции и отряды:

1) Костенковская палеолитическая экспедиция в составе двух отрядов: первый отряд (руководитель П. И. Борисковский) производил раскопки двух позднепалеолитических стоянок Костенки II и Костенки III; собран интересный кремневый материал; второй отряд (руководитель А. Н. Рогачев) сосредоточил свою работу на Аносовке II (Костенки II) и Костенках XII. Открыт четырехслойный памятник верхнего палеолита. Среди находок особо интересно скульптурное изображение из мергеля.

2) Юго-Осетинская экспедиция ЛОИИМК (совместно с АН ГрузССР, нач. экспедиции В. П. Любин). Проведены раскопки в пещере Кударо, в нижнем слое которой собран обильный мустьерский материал и кости ископаемых животных. Разведкой в долине р. Приневская Проне открыто ашельское и мустьерское местонахождения.

3) Ставропольская палеолитическая экспедиция ЛОИИМК (совместно со Ставропольским Краеведческим музеем, нач. экспедиции В. П. Любин). Проведены разведки в Зеленчукском и Усть-Джегутинском районах Ставропольской области и в Черкесии. Обнаружены древнепалеолитические, верхнепалеолитические и мезолитические, а также более поздние местонахождения;

4) Кукрекский отряд Крымской палеолитической экспедиции (нач. отряда Е. А. Векилова). Проведены совместно с Крымской палеолитической экспедицией раскопки мезолитической стоянки Фатма-Коба, где выявлен интенсивный тарденуазский слой, содержащий две очажные прослойки, много кремневых орудий и костей животных;

5) Неолитический отряд Прибалтийской экспедиции (нач. отряда Н. Н. Гурина). Произведены раскопки неолитического поселения и поселения эпохи раннего металла на р. Паше в Усть-Рыбном. В Псковской, Великолукской, Калининградской и Новгородской областях обнаружено много новых неолитических памятников.

6) Южно-уральский отряд (нач. отряда Л. Я. Крижевская). Проведены разведки в верхнем и среднем течении р. Уфы, обнаружено четыре местонахождения, относящихся к неолитическому времени;

7) Ангарская экспедиция (нач. экспедиции А. П. Окладников). Продолжены работы в зоне строительства Ангарской ГЭС. Раскапывались неолитические могильники в Пономарево, Усть-Уде и на Братском Камне. Обнаружены новые погребения, в которых найден богатый инвентарь, в том числе скульптуры из рога и кости;

8) Дальневосточная экспедиция (нач. экспедиции А. П. Окладников). Раскапывалось обширное поселение эпохи раковинных куч на полуострове Песчаном у Владивостока, велись работы по изучению неолитических поселений в районе Посьета, на оз. Ханка. Обнаружено поселение древнейшей культуры каменного века, известной сейчас в Приморье — на Ильюшкиной Сопке в г. Уссурийске. Изучались памятники средневековья;

9) Сахалинский отряд Дальневосточной экспедиции (нач. отряда Р. В. Чубарова). Проведены разведочные работы на северо-западном и северо-восточном побережьях о-ва Сахалина. На северо-западном побережье о-ва Сахалина на участке Рыбновск—Погиби—Виахту—Александровск найдено пять неолитических, а на северо-восточном побережье — семь стоянок эпохи неолита и более позднего времени. Проведены разведки на Курильских островах.

3. ДОКЛАДЫ

На заседаниях Сектора заслушаны и обсуждены 34 доклада сотрудников ИИМК и других научных учреждений:

1. Находки доэскимосских поселений на территории Аляски и в прилегающих областях (Н. А. Береговая);
2. Раскопки палеолитических стоянок и погребений (А. Н. Рогачев);
3. Шилкинская пещера (А. П. Окладников);
4. Кремнеобрабатывающая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии (Л. Я. Крижевская);
5. Кремневый инвентарь стоянки Сюрень II (Е. А. Векилова);
6. Древняя Корея (М. В. Воробьев);
7. Поселения эпохи раннего металла на северо-западе СССР (Н. Н. Гурина);
8. Неолитическое поселение Стародубское II (Р. В. Чубарова);
9. Археологические находки на о-ве Шалаурове (Н. А. Береговая);
10. Палеолитическая стоянка Аносовка I (П. И. Борисковский);
11. Древние культуры северной Азии и проблема населения Америки (А. П. Окладников);
12. Новые находки изображений верхнепалеолитического человека (З. А. Абрамова);
13. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним. Доклад на международном конгрессе антропологов 1956 г. (П. И. Борисковский);
14. Новые находки в устье р. Печоры (Н. Н. Гурина);
15. Наблюдения памятников каменного века Египта (А. П. Окладников);
16. О поездке на конгресс американистов в Копенгаген (А. П. Окладников);
17. Новая американская литература о мастерских каменного века. Рецензия (Л. Я. Крижевская);
18. Основные итоги изучения верхнего палеолита Среднерусской возвышенности (А. Н. Рогачев);
19. Обсуждение статьи Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека». («Вопросы философии» № 5, 1955 г.);
20. Тешикташский человек и его биологическая среда (Б. Ф. Поршнев);
21. Палеолитическая стоянка Староселье, гл. I—IV (А. А. Формозов);
22. Палеолитическая стоянка Староселье, гл. V—VI (А. А. Формозов);
23. Новые палеолитические местонахождения на р. Нарыме и в пос. Свинчатка (А. А. Крылова);
24. Новые данные в литературе об обработке угля в полевых условиях (Е. Н. Романова);
25. Итоги работ археологической экспедиции Челябинского музея в 1955 г. (Н. П. Кипарисова, Челябинский музей);
26. О находках в Тувинской области (С. И. Вайнштейн);
27. Раскопки Боз-суйской нижнепалеолитической стоянки (Г. В. Парфенов, г. Ташкент);
28. Новые находки палеолита в Нижнем Подонье (Г. Каменецкий, Ростов н/Д.);
29. Палеолитические исследования в Польше в течение последних 12 лет (В. Б. Хмелевский, ИИМК Польской АН, Лодзинское отд.);
30. О летних полевых работах 1955 г (Н. Н. Гурина);
31. Работы палеолитического отряда Юго-Осетинской экспедиции в 1955 г. (В. П. Любин);
32. Итоги раскопок мезолитического поселения Сюрень II в Крыму (Е. А. Векилова);

33. Кремневые орудия палеолитического поселения Костенки II. Глава диссертации (Х. Алпысбаев);

34. Информация Л. Я. Крыжевской о летних работах 1956 г. в Свердловской области.

Кроме того прочитаны были доклады на отчетном пленуме ИИМК 1956 г.:

1. О времени и условиях становления человеческого общества (А. П. Окладников);

2. Археологические исследования в долине Ангары и на Дальнем Востоке в 1955 г. (А. П. Окладников);

3. Раскопки палеолитической стоянки Костенки XVII в 1955 г. (П. И. Борисковский);

4. Об изучении геоморфологических и геологических условий верхнего палеолита Среднерусской возвышенности (А. Н. Рогачев);

5. Исследование палеолита в Юго-Осетии в 1955 г. (В. П. Любин);

6. Итоги раскопок мезолитической стоянки в пещере Сюрень II в Крыму (Е. А. Векилова);

7. Рекогносцировочные раскопки позднепалеолитического поселения Костенки II в 1955 г. (Х. Алпысбаев);

8. О работе Сахалинского отряда в 1955 г. (Р. В. Чубарова);

9. Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции (Н. Н. Гурина);

10. Итоги работы Караидельского отряда Башкирской экспедиции в 1955 г. (Л. Я. Крижевская);

11. Об относительной древности археологических памятников поймы Десны (В. П. Левенок);

12. Поселения времени «раковинных куч» в районе Тетюхе (В. Е. Ларичев).

И. А. ТАЛИЦКАЯ

О РАБОТЕ СЕКТОРА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ ИИМК АН СССР
в 1956 г.

Сектор неолита и бронзы ИИМК АН СССР состоит в настоящее время из 15 человек: зав. сектором чл.-корр. АН СССР С. В. Киселев, доктор исторических наук А. Я. Брюсов, А. В. Эбруева и Т. С. Пассек, кандидаты исторических наук, старшие научные сотрудники О. Н. Бадер, О. А. Гракова, Н. Я. Мерперт и В. Н. Чернецов, кандидаты исторических наук, младшие научные сотрудники Ю. С. Гришин, В. И. Мошинская, Р. М. Мунчаев, Б. Г. Тихонов, А. А. Формозов, мл. научный сотрудник Д. А. Крайнов и ученый секретарь Сектора, мл. научн. сотрудник И. А. Талицкая.

На секторе обсуждались плановые работы сотрудников, сообщения о проведенных экспедициях и конференциях; ставились доклады по исследованиям в области неолита и бронзы. За 1956 г. состоялось 35 научных заседаний. Велась работа с четырьмя аспирантами сектора.

1. ПЛАНОВЫЕ РАБОТЫ

Большинство сотрудников работало по общей проблеме, разрабатываемой сектором — «Развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР».

В связи с этим заслушаны доклады: В. И. Мошинской «Циркумполярная культура», в котором автор познакомил с исследованиями зарубежных ученых в области этнографии и археологии (Хатт, Кай Биркет Смит, Джессинг), выделяющих т. н. циркумполярную культуру.

Критикуя теорию, автор считает, однако, что несостоятельность выдвинутых гипотез не снимает проблемы циркумполярной культуры, как выражения реально существующих связей в приполярной зоне.

Доклад вызвал оживленные прения. Было признано необходимым опубликовать часть работы отдельными статьями.

По теме «Древняя история северных и арктических областей Советского Союза» А. Я. Брюсовым закончено монографическое описание «Караваевской стоянки», памятника, имеющего большое значение для обоснования хронологии каргопольской культуры. Подробно выяснена природная среда того времени, определены этапы существования стоянки и датировка типов керамики разных периодов, место стоянки среди других памятников каргопольской культуры.

Д. А. Крайнов прочел доклад «К вопросу о происхождении скотоводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время (по материалам пещерной стоянки Таш-Аир I)», являющийся частью его большой работы. Доклад привлек внимание не только археологов, но и палеозоологов

(В. И. Громова, С. Н. Боголюбский). С большинством выводов автора выступавшие согласились и высказали пожелание, чтобы работа была скорее напечатана.

Т. С. Пассек закончила работу над многолетней темой «Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья». В работе дано всестороннее исследование больших материалов полевых работ автора в Поднестровье, раскопок поселений и могильников трех периодов развития трипольских племен. Освещено взаимоотношение культуры племен раннего Триполья с культурами Боян, а также с культурой линейно-ленточной керамики. Памятники позднего Триполья сопоставлены с другими, относящимися к эпохе ранней и средней бронзы.

И. А. Талицкая сообщила о своей работе над материалом Роданова городища. Методика исследования керамики (статистический метод) вызвала горячие обсуждения, в процессе которых наметились пути дальнейшей работы.

Заслушана и обсуждена работа А. П. Смирнова «Армянская колония г. Болгары». Колония, находившаяся на территории городища Болгары, исследовалась Куйбышевской экспедицией в течение последних лет. Раскопки подтвердили данные о тесной связи болгар с Кавказом.

По другой проблеме, разрабатываемой сектором, — «Происхождение человека и человеческих рас» — А. А. Формозовым закончена монография «Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите», представляющая собой детальное описание одной из самых больших и наиболее полно исследованных палеолитических стоянок Крыма. Изучение памятника позволило во многом по-новому взглянуть на одну из сложнейших проблем истории первобытного общества: перехода от древнего палеолита к позднему. Автором поставлен ряд вопросов: об относительной хронологии древнего палеолита СССР, об его геологических датировках, о взаимоотношении разного по типу инвентаря древнепалеолитических стоянок и т. д.

2. СООБЩЕНИЯ ОБ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ РАБОТЕ

Заслушаны сообщения об экспедиционных исследованиях 1955 года:

О раскопках Салбыкского кургана (С. В. Киселев);

О раскопках на Карашском торфянике в Ярославской обл. (Д. А. Крайнов);

О работах Прикаспийской экспедиции (Е. И. Крупнов);

Об экспедиционной работе в Башкирии (А. В. Збруева);

О работе второго отряда Куйбышевской экспедиции (Н. Я. Мерперт);

Некоторые итоги работы Молдавской экспедиции в Поднестровье (Т. С. Пассек);

О полевых работах на Андреевском озере близ Тюмени (В. Н. Чернецов);

Археологические работы Иссык-Кульского и Ак-Бешимского отряда Киргизской экспедиции (Л. П. Зяблин).

Большинство докладов было прочитано в Ленинграде на сессии ОИИ и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических работ в 1955 г.

Об экспедиционной работе 1956 г. на Секторе были сделаны сообщения А. В. Збруевой (Башкирская экспедиция) и О. Н. Бадером (Камская экспедиция).

Сотрудником Сектора скифо-сарматской археологии А. Е. Аликовой сделаны сообщения: «О раскопках неолитической стоянки Саканы I в 1955 г.» и «О раскопках в 1955 г. городища VI—V вв. до н. э. на Кузиной Горе».

3. КОНФЕРЕНЦИИ

В 1956 году (в апреле) сотрудники Сектора помимо отчетных сессий ОИИ и пленума ИИМК приняли участие в выездных конференциях ИИМК, проводившихся совместно с местными организациями:

а) в октябре 1956 г. — в конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване. (Доклад о работе конференции сделан Р. М. Мунчаевым);

б) в декабре 1956 г. — в Казани, где состоялась конференция по истории народов Поволжья; от Сектора выступили с докладами:

Неолит и эпоха бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и палеолит и мезолит Поволжья (О. Н. Бадер);

Культура поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры (А. В. Збруева);

Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Поволжья (Н. Я. Мерперт).

На Секторе о работах конференции доложил Н. Я. Мерперт.

В феврале 1956 г. в Киеве Институтом археологии АН УССР была созвана VIII археологическая конференция. От Сектора в ней принимали участие А. Я. Брюсов, Т. С. Пассек, А. А. Формозов, прочитавшие доклады о результатах раскопок 1955 г. (Сообщение о конференции сделала Т. С. Пассек).

С. В. Киселев на собрании Отделения исторических наук прочел доклад «Древние города Монголии».

4. ДОКЛАДЫ, ПРОЧИТАННЫЕ НА ЗАСЕДАНИИ СЕКТОРА СОТРУДНИКАМИ ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

К вопросу о так называемых курильницах северо-кавказского типа (Т. Б. Попова);

Опыт периодизации памятников внутренней Картли Ю. Осетии и проблема энеолита Кавказа (С. И. Надимашвили);

К вопросу о появлении домашних животных на европейской части СССР (Э. П. Осетрова).

5. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

На расширенном заседании Сектора заслушаны доклады зарубежных ученых: вице-президента АН Чехословакии академика Ярослава Бёма — «О последних исследованиях археологов Чехословакии» и финского ученого доктора-профессора К. Ф. Мейнандера — «Бронзовый век Финляндии».

Сотрудники Сектора Т. С. Пассек и С. В. Киселев в 1956 г. были командированы в зарубежные страны: Т. С. Пассек — в Румынию (о поездке ею сделано сообщение на заседании Сектора); С. В. Киселев возглавлял группу советских ученых, выезжавших в Монголию для участия в совещании по организации работы над трехтомной историей МНР, в котором принимали участие монголоеды Советского Союза, Китайской Народной Республики и Монгольской Народной Республики.

6. РАБОТА С АСПИРАНТАМИ

При Секторе закреплены четыре аспиранта: Г. И. Андреев (руководитель С. В. Киселев), специализирующийся по археологии Дальнего Востока; В. И. Марковин (руководитель Е. И. Крупнов) — по археологии Кавказа; И. И. Артеменко (руководитель А. Я. Брюсов) — по археологии Белоруссии; Н. Л. Членова (руководитель С. В. Киселев) — по археологии южной Сибири.

Многие заседания Сектора, целиком или частично, были посвящены обсуждению аспирантских работ, составлению или утверждению плана и т. п. В 1956 г. защитил диссертацию и принят сотрудником в сектор Б. Г. Тихонов.

7. СВЕРХПЛАНОВАЯ РАБОТА

Помимо плановой, сотрудники Сектора ведут постоянную сверхплановую работу: А. Я. Брюсов является заведующим Отделом полевых исследований ИИМК и зам. ответственного редактора журнала «Советская археология», Т. С. Пассек — ответственный редактор КСИИМК, член Отдела полевых исследований и член редколлегии «Советская археология»; О. Н. Бадер — заведующий лабораторией ИИМК, Н. Я. Мерперт — ученый секретарь ИИМК.

Сотрудниками Сектора проведены многочисленные работы по рецензированию, редактированию, просмотру полевых отчетов, оппонированию и проч., написаны и сданы в печать отдельные статьи.

На заседаниях Сектора была обсуждена статья Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека», напечатанная в журнале «Вопросы философии» № 5. В результате обсуждения О. Н. Бадером, А. Я. Брюсовым, С. В. Киселевым и А. А. Формозовым написана статья для журнала «Советская археология».

Через Сектор проходили работы по Словнику для Малой Советской Энциклопедии, по библиографической классификации, лабораторной работе, обсуждались авторефераты диссертаций и проч. Здесь надо упомянуть доклад Н. Я. Мерперта «Об исследованиях в области бронзового века» в связи с книгой В. Милойчича «Chronologie jungeren Steinzeit Mittel und Südosteuropas».

На нескольких заседаниях проводились обсуждения по улучшению раздела журнала «Советская археология», посвященного рецензиям и рефератам иностранной литературы; обсуждены направление и план предполагаемого нового издания ИИМК — «Корпус археологических источников». По тематике Сектора намечено подготовить к печати 109 выпусков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАН Уз. ССР	— Известия Академии наук Узбекской ССР
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР
ИИЯЛ	— Институт истории языка и литературы АН СССР
КИЧП	— Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИА	— Краткие сообщения института археологии АН УССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение ИИМК
МАО	— Московское археологическое общество
МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчеты археологической комиссии
ОЛЕАЭ	— Общество любителей естествознания, археологии и этнографии
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
ТИИА	— Труды института истории и археологии
ЧОИДР	— Чтения в обществе истории и древностей Российских
ESA	— Eurasia septentrionalis Antiqua.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>В. В. Седов.</i> Курганы с ярусными погребениями . . .	3
<i>П. А. Раппопорт.</i> Укрепления раннемосковских городищ	12
<i>Г. К. Вагнер.</i> К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в.	18

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. П. Любин.</i> Исследования палеолита в Юго-Осетии (Предварительное сообщение о работах 1954 г.)	21
<i>Р. М. Мунчаев.</i> Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. . .	48
<i>П. Н. Шульц и А. Д. Столяр.</i> Курганы эпохи бронзы в долине Салгира . . .	53
<i>Х. И. Крис и Е. В. Веймарн.</i> Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая	65
<i>М. М. Герасимова.</i> Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье	72
<i>В. С. Сорокин.</i> Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области (Экспедиция 1955 г. в районы целинных земель)	78
<i>В. И. Спришевский.</i> Чустское поселение эпохи бронзы (Раскопки 1955 г.) . .	86
<i>Ю. А. Заднепровский.</i> Городище Шурабашат	99
<i>А. П. Окладников.</i> Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке	109
<i>Р. В. Чубарова.</i> Работы Сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции в 1955 г.	11

III. ХРОНИКА

<i>Н. Н. Гурина и Н. Я. Мерперт.</i> Институт истории материальной культуры Академии наук СССР в 1956 г.	129
<i>Н. Н. Гурина.</i> О работе сектора палеолита ЛОИИМК АН СССР в 1956 г.	137
<i>И. А. Галицкая.</i> О работе сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР в 1956 г.	141
Список сокращений	145

---

*Краткие сообщения Института истории
материальной культуры, вып. 71*

*

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

*Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор Гарнек*

**РИСО АН СССР № 115—83В. Сдано в набор 13/X 1958 г.
Подписано к печати 8/XII 1958 г. Формат 70 × 108¹/₁₆-
9¹/₄ печ. л. 12,67 усл. печ. л. 11,8 уч.-издат. л.
Тираж 1500 экз. Т-11485. Изд. № 3008. Тип. зак. № 828.
Цена 7 руб. 10 коп.**

**Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия д. 12**

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
21	1 св.	рисунков	рисунков ее
49	13 сн.	(М. Сенгуров)	(М. Сунгуров)
67	13 сн.	(погребение № 1)	(погребение № 7)
110	4 сн.	устьев	устья

Краткие сообщения ИИМК, 71